

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2012
ЭТНО
3-4
ПАНОРАМА

В номере:

**СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО
МОНИТОРИНГА EAWARN –
20 ЛЕТ**

**РОССИЙСКИЕ
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**РОССИЙСКАЯ
ГРАЖДАНСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ**

**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА В РОССИИ**

**МИГРАНТЫ. ПРОБЛЕМЫ
АДАПТАЦИИ**

КОНФЕССИИ

СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА EAWARN — 20 ЛЕТ

Невозможно, да и вряд ли стоит на это претендовать, в короткой редакторской статье описать двадцатилетнюю историю Сети. Тем не менее, позволю себе напомнить, что Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов задумана и создавалась профессором В.А. Тишковым. На первом этапе она формировалась из числа «активистов так называемых независимых национальных движений», знавших ситуацию в регионах, что называется, изнутри.

Однако потом с целью повышения эффективности и качества научного анализа прикладного характера основатель Сети начал приглашать для сотрудничества научных работников. Состав экспертов с каждым годом расширялся, в неё вовлекались новые участники: этнологи, политики, госчиновники, журналисты.

За прошедшие годы сформировалась и стала весьма впечатляющей география Сети, которая сегодня охватывает такие страны, как Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Украина, Беларусь, Армения, Эстония, Латвия. Что касается структуры Сети на территории Российской Федерации, то в ней наиболее полно представлены регионы Поволжья и Северного Кавказа. Здесь в течение 7–8 лет осуществлялся отдельный мониторинг этнической и религиозной ситуации.

Ценность Сети заключается в том, что за эти годы была «выстроена система независимой экспертизы, причём экспертизы открытой, абсолютно свободной и достаточно объективной» (В.А. Тишков). Помимо 46 индикаторов, разработанных на одном из семинаров Сети в 1994 году и лежащих с тех пор в основе модели этнологического мониторинга, в центре внимания экспертов постоянно находилось изучение культурного многообразия регионов, их социально-экономических, демографических, политических и религиозных проблем. На уровне местных сообществ анализировались такие процессы, как перепись населения, изменения в структуре населения, миграционные проблемы, деятельность органов власти и оценка её эффективности, работа общественных организаций, межэтнические и межрелигиозные конфликты, «горячие точки» и кризисные ситуации.

Участие экспертов Сети в различных международных проектах дало возможность расширить научные связи. Оно создало дополнительную площадку для равноправного, на партнёрском уровне, выражения разнообразного спектра мнений по различным проблемам.

Большую роль в работе Сети играют ежегодные семинары её участников. В качестве места их проведения вы-

бираются те регионы мира и отдельные страны, где наиболее ярко отслеживаются новые, как позитивные, так и негативные, практики управления сложными многоэтническими или многоконфессиональными сообществами. Как правило, на семинары, наряду с их традиционными участниками, приглашаются и местные специалисты, как ученые, так и практики. В программе каждого такого мероприятия выделяются наиболее проблемные темы: миграция, экстремизм, перепись населения и т.д.

Издаваемые бюллетени, ежегодные доклады Сети по теме «Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах», десятки тематических монографий по различным проблемам этнополитики чрезвычайно востребованы российским научным сообществом, политическим истеблишментом. Такие материалы регулярно направляются в высшие органы исполнительной и законодательной власти как федерального, так и регионального уровней.

Несомненно то, что экспертная информация полезна органам власти для совершенствования этнической политики, регулирования межэтнических и межрелигиозных отношений, предупреждения конфликтов, и самое главное, она необходима для принятия управленческих решений в этой сфере. Кроме того, материалы экспертов становятся предметом пристального изучения и являются основой для образовательной и научной работы.

Сегодня история Сети начинает отсчёт уже третьего десятилетия. И, как нам представляется, стимулом к дальнейшему совершенствованию методики и стиля её деятельности, несомненно, может служить утвержденная Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина «Стратегия государственной национальной политики». В этом документе со всей определённой конкретизирована задача «создания государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений, позволяющих оперативно реагировать на конфликты и предконфликтные ситуации в регионах России». Стратегия, кроме того, чётко определяет ещё один важнейший вектор: «совершенствование правовых основ научного и экспертного сообщества раннего прогнозирования национальных конфликтов».

*Венямин Амелин,
главный редактор журнала «Этнопанорама»,
доктор исторических наук, профессор
Эксперт Сети EAWARN с 1993 г.*

В.А. ТИШКОВ

СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

Второе десятилетие этнологического мониторинга пришлось на время, возможно, не столь драматичное, какими были 1990-е гг. с их открытыми конфликтами, но, тем не менее, это было время принципиальных перемен, к которым Сеть этнологического мониторинга и я лично имели прямое отношение. В середине 2000-х гг. стало ясно, что российская этнополитика нуждается в серьезном реформировании. Создание ведомств, ответственных за эту сферу общественной жизни и управления, оказалось недостаточным для эффективной профилактики и предотвращения межэтнических конфликтов, воспитания культуры толерантности, патриотизма и гражданской солидарности. Старая Концепция 1996 г. не обращала внимания на проблему укрепления гражданского единства россиян. Идеологическое поле этнополитики во многом продолжало опираться на советские концепты «дружбы народов» и интернационализма, а практики регулирования отношений между людьми разных национальностей страны приобретали все более формальный характер и не способствовали снижению межэтнической напряженности.

Политическая практика все очевиднее доказывала, что этнополитика не может быть отдана на откуп отдельной группе чиновников, даже весьма квалифицированных. Суть этнополитики должна состоять в укреплении государственного единства, координации усилий всех государственных органов при решении экономических, социальных и культурных проблем этнических общностей, в организации их диалога с властью, в позитивном межобщинном диалоге, согласовании действий заинтересованных сторон при решении проблем этнокультурного развития, гармонизации межэтнических отношений и урегулировании этнополитических конфликтов.

Роль межведомственной и межуровневой координации в реализации государственной национальной политики (этнополитики) стала предметом обсуждения политиков и экспертов при разработке новой ее концепции и при определении сфер компетенции и ответственности различных государственных и общественных институтов. При этом все социологические замеры и оценки экспертов показывали, что в России шел активный процесс утверждения среди граждан общероссийского гражданского самосознания (идентичности)¹, что требовало серьезной доктринальной поддержки, помимо отдельных высказываний высших должностных лиц государства.

Для более эффективной координации всех заинтересованных структур в 2012 г. был создан Совет при Президенте

РФ по межнациональным отношениям, в состав которого вошли видные специалисты в области изучения этнополитики, представители общественных движений, конфессий, журналисты. Тем самым было продемонстрировано, что этнополитика должна представлять собой синтез усилий различных государственных ведомств и общественныхников в деле реализации цели построения стабильного и интегрированного гражданского общества, оптимизации положения этнических сообществ и учета их интересов в общефедеральной и региональной политике. Значимость координации между различными государственными институтами при проведении государственной национальной политики (этнополитики) была особо подчеркнута в утвержденной В. Путиным 19 декабря 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Необходимость координации еще более очевидна в связи с тем, что данный документ не является лишь декларацией намерений, а построен как руководство к действию по схеме: оценка проблемных ситуаций — постановка политических целей и задач — определение механизмов реализации сформулированных целей.

Вторым важным изменением в российской этнополитике стал тот факт, что политическое руководство России не только признало, но и активно пропагандирует идею российской нации. Еще в 2004 г. на встрече в г. Казани по вопросу межнациональных и межконфессиональных отношений президент В.В. Путин заявил, что «есть все основания говорить о российском народе как о единой нации» и необходимости укреплять исторически сложившееся национальное единство россиян. В 2008 г. президент Д.А. Медведев сказал похожие слова, подтвердив тем самым линию высшего руководства страны на формирование общероссийской национальной идентичности.

Оценка политического значения концепта нации происходила одновременно с признанием принципиальной роли этнополитики во внутреннем развитии страны. Во время президентской кампании 2012 г. основной кандидат в президенты страны В.В. Путин уже в первой программной статье в «Независимой газете» изложил свое видение вопроса. По его мнению, «для России — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»². Одним из самых важных положений статьи Путина была оценка праздника 4 ноября — Дня народного единства. Этот день есть праздник победы «над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народ-

ности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»³.

Принципиально важным является то, что такой политический документ, как «Стратегия...», принятая в первый год нового президентского срока Путина, имеет однозначную общегражданскую направленность. Важнейшим ее положением является нацеленность на «укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». «Российская нация» и «многонациональный народ Российской Федерации» рассматриваются в названном документе как синонимы, что демонстрирует намерение властей не противопоставлять этничность согражданству, а добиваться того, чтобы «политика согражданства» сопровождалась сохранением культурного многообразия страны, а гражданская российская идентичность не противопоставлялась этнической (культурной) идентичности, а сосуществовала вместе.

Для реализации идеи гражданской интеграции предусматривается разработать комплекс мер, причем важную роль в процессе укрепления единства российской нации должны играть такие институты как армия, школа, учреждения культуры, а деятельность по укреплению государственного единства и единства народа должна быть общей заботой всех структур власти. Весьма важное замечание касалось того, что национальная политика (этнополитика) должна быть единой для всей страны. В «Стратегии...» отмечается необходимость не просто декларировать, но последовательно отстаивать «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» и необходимость «запрещения любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Важной частью этнополитики становится не только формирование российской гражданской идентичности и оптимизация межобщинных отношений, но и профилактика межнациональной напряженности через формирование системы мониторинга, а также борьба с различными проявлениями межэтнической вражды и экстремизма, «гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений». В числе важнейших целей этнополитики обозначены сохранение этнокультурного многообразия России и обеспечение успешной социальной и культурной адаптации мигрантов. Этнополитика приобрела не только вполне ясные цели, но идейную определенность, ибо российские лидеры однозначно заявили, что альтернативы политике мультикультурализма в России нет.

Интеграционная политика должна преследовать две взаимосвязанные цели: добиваться консолидации российского общества и укрепления гражданского согласия, с одной стороны, и стремиться к интеграции ее территориальных составляющих в единое экономическое и политическое пространство — с другой. В «Стратегии» подчеркивается актуальность этой задачи, а политика российских властей, в которой особое место занимают

региональные программы развития (Дальнего Востока, Северного Кавказа), демонстрирует, что интеграция стала долгосрочной заботой политического менеджмента.

Значимым направлением интеграционной политики является формирование единого экономического и правового пространства страны. С этой целью создаются и реализуются специальные программы регионального развития, призванные стимулировать экономическое развитие территорий, которые по уровню своего социально-экономического развития отстают от других регионов страны. Не меньшее значение имеет и борьба с местными кланами, которые монополизировали власть и подчиняют себе судебную и правоохранительную системы, дабы отстаивать свои корпоративные интересы. Пренебрежение российскими законами и нечувствительность власти к нарушениям норм права также нередко оборачивается ростом межэтнической напряженности, поскольку в неправовом пространстве наиболее ущемленными оказываются этнические группы, представители которых не допускаются во власть.

Одной из первоочередных задач интеграционной политики является формирование культурного образа российской нации, превращение политической идеи в зримые и привлекательные «продукты», являющиеся результатом художественного (а также и научного) творчества. Очевидно, что этот образ будет складываться из некоей мозаики идей, значений, исторических фактов, которая в общем виде будет представлять достаточно определенное понятие «МЫ — РОССИЯНЕ». Отсюда вытекает задача усиления гражданских начал в школьном воспитании, ибо школа есть один из важнейших институтов социализации личности. У учащихся и молодежи в целом необходимо воспитывать понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и поликонфессиональное сообщество, а также формировать, как сказано в «Стратегии», «общероссийское гражданское самосознание».

Гражданское самосознание важно не само по себе, а является непременным атрибутом любой гражданской нации, ибо гражданин всегда должен быть готов к гражданским действиям, которые направлены на защиту общественных интересов, на противостояние силам, которые пренебрегают общественным благом. Поскольку Россия — это нация наций, суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны, это обеспечение государственного единства, а также национальных интересов российского народа внутри страны и на международной арене, в том числе и через национальные проекты, модернизационное развитие экономики, систему национального образования; с другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий. Одно совсем не исключает другое, а наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном, демократическом управлении.

Таким нам представляется общий политический и научный контекст российской ситуации, в котором предстоит осуществлять мониторинг усилиями членов Сети этнологического мониторинга.

¹ См.: В.А. Тишков. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

² Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012 г.

³ Там же.

№ 3–4 (2012)

Ежеквартальный научно-публицистический журнал Правительства Оренбургской области и научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Председатель редакционного совета:
Дмитрий Кулагин

Главный редактор
Веналий Амелин

Редакционный совет:
Ильгиза Габдулгафарова
Денис Денисов
Марина Ефименко
Наталья Смирнова
Елена Филиппова
Рамазан Магомедов
Константин Моргунов
Равиля Хисамутдинова
Галина Шешукова

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Этнопанорама» обязательна.

Адрес редакции:
г. Оренбург,
460015, Дом Советов,
комната 516.
Тел.: 8 (3532) 37-25-64,
8 (3532) 78-69-16
E-mail: avenali@mail.ru
niiural@mail.osu.ru
© «Этнопанорама», 2012

Художественное и техническое редактирование, верстка выполнены в Издательском центре ОГАУ по заказу ООО МП «Электа».
Заказ № 4667.
460014, г. Оренбург,
ул. Челюскинцев, 18.
Тел. (3532) 77-61-43.

СОДЕРЖАНИЕ

• **РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ**

Л.Л. Холёрская
РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС, ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ ИЛИ ХРАНИТЕЛИ РУССКОГО МИРА?..... 2

• **МИГРАЦИЯ**

А.В. Верещагина
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И НОВЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в. 8

М.В. Савва
АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА..... 13

• **ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА**

Н.С. Мухаметшина
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ..... 18

Н.А. Барышная
МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ: НОВЫЙ ФОКУС НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 21

Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов
В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ КАРЕЛИИ)..... 24

В.А. Харченко
ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРАХ РОССИИ И КИРГИЗИИ) 29

Е.Л. Мотрич
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ..... 34

О.А. Лиценбергер, М.Е. Шестаков
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ..... 39

• **ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ**

М.А. Аствацатурова
РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА..... 43

И.В. Нам
НОВАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ «СИБИРЯК»: АКТУАЛИЗАЦИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХОДЕ ВПН-2010..... 48

В.Л. Волгин
ОЙРАТЫ ВМЕСТО КАЛМЫКОВ: ДИСКУРС ВОКРУГ ИДЕИ СМЕНИТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ 52

М.М. Юсупов
ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ..... 56

• **ДЕМОГРАФИЯ**

С.И. Аккиева
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КБР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА..... 58

В.С. Воронцов
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1989–2010 гг.)..... 64

• **ЭТНИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ**

К.С. Мокин
СТРУКТУРНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАК КОНТЕКСТ ПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ 67

• **ЭТНОПОЛИТИКА**

В.В. Полещук
МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНОПОЛИТИКУ ЭСТОНИИ ДО ЕЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОСОЮЗ..... 70

• **КОНФЕССИИ**

Д.Н. Денисов
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЮТЕРАНСКОЙ ОБЩИНЫ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ 75

Е.Н. Велешко
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ..... 83

А.В. Мартыненко
ИСЛАМСКАЯ УММА МОРДОВИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ..... 85

• **О СЕТИ EAWARN**

Р.Ю. Беляков
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕТИ EAWARN В ТАТАРСТАНЕ..... 88

Л.Л. Хопёрская

РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС, ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ ИЛИ ХРАНИТЕЛИ РУССКОГО МИРА?

В последние годы одним из важнейших направлений российской внешней политики стала защита прав русского и русскоязычного населения на постсоветском пространстве, тех, кого начиная с 1999 г. принято называть *российскими соотечественниками*. Именно в этом году был принят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»¹, в первой статье которого впервые было определено понятие «соотечественники».

В закон в 2002–2010 гг. неоднократно вносились изменения и дополнения, самым заметным среди них стало уточнение понятия «соотечественники»², к которым наряду с категориями лиц, указанными в первоначальной редакции закона, были отнесены «лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также *сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией*».

Следует особо отметить, что уже в первой редакции закона о соотечественниках была поставлена задача «проведения мониторинга в области отношений с соотечественниками, включающего в себя сбор, анализ и оценку информации о положении соотечественников, создание банка данных, прогнозирование ситуации и проведение научно-исследовательских работ». А летом 2012 г. Президент РФ В. Путин на совещании послов и постоянных представителей России при международных организациях заявил: «...роль соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, требует основательного переосмысления»³.

Автор надеется, что предлагаемая статья о положении российских соотечественников в постсоветской Центральной Азии сможет внести свой вклад в это переосмысление, поскольку ее концептуальным посылом является утверждение о том, что в основе массового оттока русскоязычного населения из центральноазиатских

государств лежит не экономическое положение, а причины политического и гуманитарного характера (политический и правовой статус; отсутствие представительства в органах власти; отношение к русскому языку; содержание и качество преподавания в школах; проблемы участия центральноазиатских государств в евразийских интеграционных процессах, а также их внешняя политика в целом).

Говоря о положении российских соотечественников в Центральной Азии, прежде всего, следует сказать, о какой по численности группе людей идет речь. В 2008 г. автор оценивала их численность около 6 млн чел. и прогнозировала их дальнейший отток⁴ – прогноз, к сожалению, сбился. По экспертным оценкам, в настоящее время в государствах Центральной Азии осталось российских соотечественников: в Казахстане – 3,7 млн чел.; в Узбекистане – менее 500 тыс. чел.; в Киргизии – около 380 тыс. чел.; в Таджикистане – около 30 тыс. чел.; в Туркмении – от 100 до 165 тыс. чел. Общая численность российских соотечественников в Центральной Азии в настоящее время составляет около 4,7–4,8 млн чел., что в 2 раза меньше, чем накануне распада СССР (9,5 млн)⁵.

В частности, в Киргизии численность российских соотечественников и русскоязычного населения в целом неуклонно сокращается. К моменту распада СССР в Киргизии к этническим группам, превышающим 10 тыс. чел., относились: русские (916 558 чел.), узбеки (550 096), украинцы (108 027), немцы (101 309), татары (70 068), казахи (37 318), дунгане (36 928), уйгуры (36 779), таджики (33 518), турки (21 294), корейцы (18 355), азербайджанцы (15 775 чел.). По данным Нацстаткома КР⁶, в 2012 г. численность народов России, проживающих в Киргизстане, составила 399,4 тыс. чел., в т. ч. русского населения – 381 562 чел., татар – 28 656, чеченцев – 1 740, евреев – 508, другие этнические группы российских соотечественников насчитывают менее 100 чел. Осталось всего 16 657 украинцев и 1 109 белорусов.

Но, несмотря на заметное сокращение, общая численность российских соотечественников в государствах Центральной Азии до сих пор остается достаточно внушительной, она вполне сопоставима с численностью населения некоторых государств, и для всех них весьма актуальной является проблема их политических, экономических и культурно-языковых прав, объем которых, как свидетельствует мониторинг, постоянно уменьшается.

Для России стратегия отношения к соотечественникам — далеко не праздный вопрос, и настало время определить, кто они нам — наши соотечественники — демографический ресурс, отрезанный лопотью или хранители Русского мира. От ответа на этот вопрос во многом зависит международный авторитет России.

Первая стратегия базируется на том, что «содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, является одним из направлений решения демографической проблемы. Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком и не желающие терять связь с Россией, соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей принимающего сообщества»⁷.

Аргументы в пользу второй — затраты на Программу переселения соотечественников значительно выше, чем затраты на прием трудовых мигрантов, кроме того, в случае постановки вопроса о правах российских соотечественников в этнократических государствах Центральной Азии с политическими элитами последних возможно серьезное обострение отношений.

Третья стратегия исходит из того, что без российских соотечественников невозможен Русский мир как «глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее делам и судьбе»⁸.

Рассмотрим каждую из этих стратегий более подробно.

Реализация Государственной программы по оказанию содействия переселению соотечественников⁹ началась в 2007 г. В ее рамках приняты различные нормативно-правовые акты, позволившие начать переселение этнических россиян, но статистика показывает, что до сих пор преобладает настороженное отношение к Программе. Изначально она планировалась до 2012 г., и за этот срок предполагалось участие в ней около 700 тыс. соотечественников. Так, в интервью «Российской газете» первый заместитель директора ФМС России В.А. Каланда в ноябре

2007 г. заявил: «...если говорить о перспективе 2012 года, то мы к тому времени рассчитываем принять 683 тысячи чел.»¹⁰.

Фактически в 2007 г. в Россию переселилось 685 чел., в 2008 г. — 8 346 соотечественников, в 2009 г. — 9 219 чел., в 2010 г. — 12 881, в 2011 — 29 462 тыс. чел., в 2012 г. — 56 864 участников Госпрограммы¹¹. По сведениям, внесенным в свидетельства участников Государственной программы, на территорию Российской Федерации прибыло 125 483 участника Государственной программы¹².

В то же время вне Программы из стран СНГ, Балтии и Грузии переселилось в Россию в 2009 г. 270 594 чел.¹³, в 2010 г. — 179 066 чел.¹⁴, в 2011 г. — 134 983 чел., в 2012 г. — 90 139¹⁵. Спад количества лиц, приобретших гражданство Российской Федерации, в 2012 г. на 29% (с 134 246 до 95 737) связан с изданием 24 октября 2011 г. Указа Президента РФ № 1391, установившего новый порядок подтверждения переезда на постоянное жительство в Россию при приеме в гражданство¹⁶. В результате введения требования о наличии вида на жительство вместо уведомления о прибытии прием в гражданство России уменьшился в 15 раз (с 75 909 чел. до 5 411 чел.), в первую очередь за счет граждан Киргизии (с 49 146 чел. до 2 950 чел.).

Таким образом, *миграционный поток в Россию из постсоветских государств идет преимущественно вне рамок Госпрограммы* по добровольному переселению соотечественников. Это связано, прежде всего, с тем, что *Программа откровенно позиционируется российской властью как способ решения демографических проблем государства, а переселенцы прагматично рассматриваются как демографический ресурс*. В Программе нет места для стариков, людей с ограниченными возможностями, многодетным одиноким матерям, т.е. тем, кто в первую очередь нуждается в помощи России. Получается, что жизнь в России надо заслужить, «некачественные» граждане Родине не нужны, гораздо проще заполнить трудовые вакансии мигрантами, часто нелегальными, не претендующими на особую заботу государства.

Кроме того, опыт первых «отобранных» переселенцев уже выявил достаточно серьезные проблемы с их трудоустройством, уровнем заработной платы и обеспечением жильем. Выяснилось, что на региональном уровне власти далеко не всегда добросовестно готовятся к приему участников программы, а местное население в ряде случаев высказывает откровенно враждебное отношение. И хотя федеральной властью, учитывая обозначившиеся проблемы, в новую редакцию Программы, вступившую в силу 31 декабря 2012 г.¹⁷, внесены изменения, предусматривающие ее бессрочный характер, а также возможность компактного переселения, финансирование в рамках Программы самостоятельного переселения в насе-

ленные пункты, выбранные самими мигрантами, поощрение прямых контактов соотечественников с работодателями в субъектах РФ, финансирование Программы переподготовки и повышения квалификации соотечественников, сами этнические россияне предпочитают принимать решение только после того, как все заявленные механизмы заработают и будут предоставлены гарантии учета их интересов.

Поэтому более актуальной, с нашей точки зрения, является проблема обеспечения прав соотечественников в странах проживания, обусловленная их особым политическим статусом, отражающимся на всех аспектах жизнедеятельности, статусом представителей «нетитульной нации», которых ежедневно противопоставляют нации «титульной». Покажем это на примере Киргизии.

Политическая концепция «титульной нации» достаточно внятно была озвучена еще первым Президентом КР А. Акаевым: «Кыргызы на этой земле основной этнос, они составляют костяк, сердцевину народа Кыргызстана, они несут в себе своей численности и культурного менталитета главную ответственность за всё как нация, являющаяся главным мотором культурогенеза республики. Их язык – государственный язык, они дали название нашему государству – Кыргызской Республике, и этим всё сказано»¹⁸.

Второй Президент КР К. Бакиев в одном из своих последних выступлений «идеологического жанра» в конце августа 2009 г. заявил: «Глобализация, мировой кризис породили новые вызовы перед молодыми государствами, каким является и наш Кыргызстан. В этих условиях нашим компасом выступают основные национальные интересы, такие как сохранение территориальной целостности, экономическая самостоятельность, сохранение и развитие культурной самобытности и интеллекта нации, современная система управления, здоровая и образованная нация. <...> Я, как глава государства, верю, что вокруг кыргызской нации мы построим сильное, уверенное в себе государство»¹⁹.

Выступая на первом заседании нового парламента, президент переходного периода Р. Отунбаева заявила: «Глядя на нынешние политические, социально-экономические и культурные процессы, я сравниваю их с извечным Великим Кыргызским Кочевьем. <...> Во все времена в судьбоносных ситуациях кыргызам было свойственно через всеобщее согласие сообща решать все проблемы. Именно эта мудрая народная философия помогала Великому Кыргызскому Кочевью, не давая ему упасть в пропасть, сохранить наш народ. Мы не должны забывать об уроках своей Истории! <...> Пусть будет верным и незыблемым путь Кыргызского Кочевья!»²⁰. О том, что гражданами страны являются не только киргизы, президент в своей речи даже не упомянула.

При действующем Президенте КР А. Атамбаеве различные политики достаточно часто делают заявления, подобные следующему: «Мы, кыргызы, являемся титульной нацией. Поэтому в Конституции об этом должно быть сказано и написано не как о национализме, а в качестве национального интереса, и это должно защищаться Конституцией!»²¹

Помимо декларативных заявлений, в республике принимаются и нормативные акты, выделяющие этнических киргизов и предоставляющие им особые преференции. Например, в их ряду Постановлением правительства КР № 521 «Об утверждении ставок государственной пошлины»²², пункт 5 которого устанавливает, что государственная пошлина с ходатайств о приеме в гражданство Кыргызской Республики и о выходе из гражданства Кыргызской Республики взимается со всех граждан (за исключением этнических киргизов, беженцев и вынужденных переселенцев) в размере двадцатикратной ставки расчетного показателя; с этнических киргизов, беженцев и вынужденных переселенцев – в размере однократной ставки расчетного показателя. Особо стоит отметить, что в названном Постановлении содержится ссылка на Закон КР «О государственной пошлине», подтвержденный Декретом Временного правительства КР от 1 июля 2010 г. ВП № 93²³.

Столкнувшись с необходимостью уплаты госпошлины граждане КР оценивают это неравенство однозначно: «Обыкновенная дискриминация» – так воспринимают разницу в стоимости выхода из гражданства Кыргызской Республики для титульной нации и всех остальных те, кто решается навсегда покинуть страну. Во всех паспортных столах столицы висят соответствующие официальные информационные бланки, где черным по белому написано: «Государственная пошлина – 2000 сомов, для кыргызской национальности – 100 сомов»²⁴.

В конце сентября 2012 г. Парламентом КР были рассмотрены законопроекты о внесении поправок в законы о государственном и официальном языках²⁵, в соответствии с которыми «официальные документы органов государственной власти и местного самоуправления принимаются на государственном языке, и в случаях, предусмотренных законодательством, переводятся на официальный язык и публикуются на двух языках. Документ на государственном языке считается оригиналом». Законы предусматривают, что нормативные правовые акты представительных органов местного самоуправления при условии проживания на территории соответствующей административно-территориальной единицы преобладающего числа лиц, владеющих государственным языком, принимаются только на государственном языке. Оба закона в новых редакциях вступили в силу с 1 марта 2013 г. Теперь, учитывая, что доля русскоязычного

населения практически во всех муниципальных образованиях составляет меньшинство, местные нормативные акты принимаются исключительно на киргизском языке. Более того, в Закон об официальном языке добавлен пункт о том, что нормативные правовые акты представительных органов МСУ публикуются на языке принятия, следовательно, ознакомиться с ними русскоязычному населению, не владеющему госязыком, весьма затруднительно.

В 2011–2012 гг. было существенно увеличено вещание на киргизском языке в СМИ, введена цензура российских СМИ и блокирование отдельных российских сайтов. Апогеем стал суд над русскоязычным блогером — гражданином Киргизии В. Фараоновым, против которого за эмоциональную критику национализма Госкомитет нацбезопасности КР возбудил уголовное дело по ст. 299 УК КР. Прокурор просил для блогера восемь лет лишения свободы, но мнение в буквальном смысле слова «мировой общественности», в том числе и специальное Заявление МБПЧ²⁶, повлияло на смягчение наказания. 3 июля 2012 г. В. Фараонов был приговорен по ст. 299 ч. 1 (разжигание межнациональной розни) УК КР к штрафу в размере 50 тыс. сомов. Самым парадоксальным является квалификация его преступления: «*замысел по унижению кыргызской нации и пропаганда межнациональной розни*»²⁷.

Видимо, это стало последним аргументом для 150 семей казаков Семиречья (около 700 чел. трудоспособного возраста), которые приняли решение безвозвратно покинуть Киргизию и в ближайшее время переселятся из Киргизии в Ставропольский край²⁸. Но власти КР не обеспокоены выездом российских соотечественников и даже содействуют этому процессу, проводя соответствующую языковую и кадровую политику и не препятствуя проявлениям бытового национализма и функционированию в обществе политических документов этнонационалистического содержания.

По словам председателя Координационного совета российских соотечественников в Киргизии, члена Всемирного Совета соотечественников С. Епифанцева, «и без того нелегкую жизнь, которую русские ведут вместе со всем народом Киргизии, еще более усугубляет хоть и неофициальный, но от этого не менее тягостный статус людей нетитульной национальности»²⁹.

Эти слова применимы ко всем соотечественникам в Центральной Азии. Вызывает удивление, почему, обладая всей этой информацией, никаких политических заявлений и действий, направленных на систематическую защиту прав российских соотечественников, со стороны российской власти не осуществлялось. Что, российские соотечественники в Центральной Азии — это отрезанный ломоть? В чьих интересах долгое

время реализуется эта стратегия? Как в условиях безразличия России к систематическому и нарастающему нарушению политических, культурно-языковых и социальных прав соотечественников последние могут осуществлять функции партнера «в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры»?

Наиболее перспективной лично мне представляется *третья стратегия — поддержка соотечественников как хранителей Русского мира*. Как считает академик В. Тишков, «нам нужен Русский мир для России, а не Русский антимир или “другой Русский мир”»³⁰. Его точку зрения поддерживает В. Улеев, руководитель Ассоциации «Славянская диаспора» из Джалал-Абадской области в Киргизии, где осталось не более 8 тыс. русскоязычных. Говоря о смысле существования своей организации, он настаивает: «Она нужна, безусловно, как фактор сохраняющегося присутствия России, и для защиты интересов тех, кто пока остается здесь. <...> Повторюсь, наша Ассоциация в какой-то степени всё равно демонстрирует присутствие, влияние России. Ведь подосознательная надежда на нее сохраняется и у любого представителя титульной нации, даже у махрового националиста. Поэтому любые процессы, связанные с Российской Федерацией, также через нас проистекают»³¹.

Позволю себе утверждать, что *российские соотечественники являются немаловажным фактором реализации евразийского интеграционного проекта*. В свою очередь, для российских соотечественников создание Таможенного союза и формирование Единого экономического пространства — это и гарантия сохранения статуса русского языка и русскоязычной образовательной системы, и возможность политического участия, и надежда на экономический рост и политическую стабильность. Например, в Киргизии созданная в 2010 г. Ассоциация гильдий российских соотечественников в качестве ключевых задач своей организации назвала:

«содействие созданию Единого таможенного пространства, интеграции Киргизской Республики в Таможенный союз;

содействие налаживанию и развитию контактов между деловыми сообществами Российской Федерации и Киргизской Республики;

обеспечение кооперации между российскими транснациональными компаниями (ТНК), осуществляющими свою деятельность на территории Киргизской Республики, и компаниями среднего и мелкого бизнеса российских соотечественников республики»³².

Вселяет надежду то, что в утвержденной Указом Президента РФ в декабре 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики РФ» к основным вопросам, требующим особого внимания, отнесены: «поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию

их связей с Россией; ...содействие консолидации деятельности объединений соотечественников, проживающих за рубежом, по обеспечению своих прав в странах проживания, сохранению связей с исторической Родиной»³³.

Стратегия сохранения Русского мира нашла выражение в появлении институтов, обеспечивающих консолидацию российских соотечественников и их взаимодействие с соответствующими федеральными властными структурами России: Правительственной комиссией, Департаментом МИД, Россотрудничеством, профильными комитетами Госдумы и Совета Федерации. В настоящее время к таким институтам относятся:

организации российских соотечественников, важнейшими функциями которых являются социальная и правовая защита соотечественников, а также работа с молодежью как самой адаптированной частью этнических россиян, поскольку именно от их выбора зависит будущее соотечественников в Центральной Азии;

страновые координационные советы соотечественников, проживающих за рубежом, которые появились вслед за созданием в 2006 г. на Всемирном конгрессе соотечественников в Москве Координационного совета российских соотечественников (в частности, летом 2007 г. такие советы были созданы в Казахстане и Киргизии);

специальный журнал «Единство в разнообразии», публикующий официальные документы организаций соотечественников, разнообразные информационные материалы и проблемные статьи;

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ. М., 1999.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»: федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ // URL: <http://www.fms.gov.ru>

³ Путин В.В. Выступление в МИД России на совещании послов и постоянных представителей России. 9 июля 2012 г. // URL: <http://kremlin.ru/transcripts/15902>

⁴ Хоперская Л. Проблема самоидентификации российских соотечественников в странах Центральной Азии // Опыт этнополитического мониторинга ситуации в Киргизстане (2006–2008 гг.). М. – Бишкек, 2008. С. 164.

⁵ Шустов А. Что ждет Русский мир Центральной Азии? // URL: <http://rusedin.ru/2012/07/18/chto-zhdet-russkij-mir-centralnoj-azii/>

⁶ См.: URL: <http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010003.pdf>

⁷ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы на 2008–2010 годы // URL: <http://www.fms.gov.ru>

⁸ Батанова О. Русский мир как реальность и глобальный проект // Право и политика. 2008. № 12.

региональные и страновые конференции соотечественников.

О доминировании в сознании и действиях российских соотечественников установки, которую условно можно назвать «сохранение Русского мира», свидетельствуют следующие строки С. Шаровой, опубликованные на сайте Русского объединительного союза соотечественников в Киргизстане (РОСС)³⁴:

*От Отчизны вдали, в Киргизстане,
Нам судьба — за Россию гореть!
Где бы ни были, мы — Россияне,
С тем родиться нам, с тем умереть.
Сохранить русский дух — дело чести!
И Великий язык отстоять!
Пусть все видят: мы, русские, вместе —
Несломимая сила и рать!
Пусть истории гимн величавый
Землям всем будет слышан в тиши —
Это громкая русская слава
И сияние русской души!!!*

Как обеспечить желающим переехать в Россию достойные условия жизни, а желающим остаться в стране пребывания — соблюдение их гражданских и политических прав, защиту от ассимиляции и дискриминации, а самой России сохранить русский язык и Русский мир на постсоветском пространстве, в частности, в Центральной Азии — это вопросы, которые действительно ждут переосмысления, серьезных политических решений и скорейшего практического воплощения.

⁹ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // Поддержка соотечественников за рубежом: Нормативные акты. М., 2006.

¹⁰ Российская газета. 2007. Федерал. вып. № 4512. 8 нояб. // URL: <http://www.rg.ru/2007/11/08/migracia.html>

¹¹ Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2012 год // URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/53595/>

¹² Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы на 2012 год и плановый период 2013 и 2015 годов // URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/plans/details/59631/full/>

¹³ Доклад о ходе реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (2007–2009 гг.) / ФМС России. М., 2009. С. 58.

¹⁴ Итоги деятельности ФМС России в 2010 г.: сб. материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы / под общ. ред. К.О. Ромодановского; ФМС России. М., 2011. С. 132.

¹⁵ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы...

¹⁶ Там же.

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации № 1289 от 14 сентября 2012 года «О реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/ykaz_1289.pdf

¹⁸ **Акаев А.** Выступление на Курултае народа Кыргызстана 22 января 1994 г. // URL: www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jan1994

¹⁹ **Бакиев К.** Обращение к народу по случаю Дня независимости Кыргызстана // URL: <http://www.president.kg/ru/president/press/statements/>

²⁰ Выступление Президента Кыргызской Республики Отунбаевой Розы Исаковны на первом заседании Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 5-го созыва (10.11.2010 г.) // URL: http://www.kyrgyz-el.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=1670&Itemid=1

²¹ **Аракеев Б.** Мы действительно – нация, или же... // Фабула. 2012. 24 февр. № 14. С. 4.

²² Об утверждении ставок государственной пошлины: постановление Правительства Кыргызской Республики в ред. постановлений Правительства КР от 21 февр. 2006 г. № 119, 27 февр. 2006 г. № 127, 19 окт. 2006 г. № 733, 19 дек. 2006 г. № 866 // URL: <http://pravo.tazar.kg/index.php?newsid=651>

²³ См.: URL: http://www.not-palata.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=42:2010-12-16-08-51-10&catid=13:2010-12-16-03-55-26&Itemid=17

²⁴ **Дядюченко О.** Прощальный пинок Родины // Вечерний Бишкек. 2011. 22 марта. № 48(10204).

²⁵ О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «Об официальном языке Кыргызской

Республики»: закон Кыргызской Республики // URL: <http://www.kenesh.kg/lawprojects/lps.aspx?view=projectinfo&id=125006>; Закон Кыргызской Республики «О внесении изменения в Закон Кыргызской Республики «О государственном языке Кыргызской Республики» // URL: <http://www.kenesh.kg/lawprojects/lps.aspx?view=projectinfo&id=125007>

²⁶ Заявление МБПЧ в связи с приговором суда В. Фарафонову // URL: <http://www.antirasizm.ru/index.php/news/691-2012-07-06-09-54-25>

²⁷ Суд признал блогера В. Фарафонову виновным в разжигании межнациональной розни // URL: <http://svodka.akipress.org/news:125531/>

²⁸ **Семенова М.** На Ставрополье из Киргизии переселятся около 700 казаков // URL: <http://www.stav.aif.ru/society/article/27442>

²⁹ **Епифанцев С.** Неслучившаяся Швейцария // Для Вас. 2012. 15 июня. № 24. С. 4.

³⁰ **Тишков В.** Русский мир: смысл и стратегии // URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035&start_from=&ucat=14&

³¹ **Денисенко Е.** Валерий Улеев: Язык ультиматумов не лучший в нынешней ситуации // Вечерний Бишкек. 2012. 16 апр.

³² Об Ассоциации гильдий соотечественников // URL: http://www.ags.kg/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=38&Itemid=29

³³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

³⁴ URL: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=26&Itemid=29

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

Под общ. ред. В.В. Амелина
Отв. ред. К.А. Моргунов

Оренбург: Издательский центр ОГАУ,
2012. – 428 с.

В сборнике объединены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Народы Южного Урала на страже Родины», которая состоялась в г. Оренбурге 11 мая 2012 г. и была посвящена 200-летию Отечественной войны 1812 г., 400-летию победы Народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского, 1150-летию Российской государственности.

А.В. Верещагина

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И НОВЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.*

В современном мире проблема миграций является одной из наиболее актуальных. Мигранты составляют около 3% от общей численности населения мира. Сравнительный анализ динамики демографической ситуации в мире показывает, что в большинстве стран на протяжении многих лет складывается сложная ситуация в связи с депопуляцией населения и старением общества. Миграция, как внутренняя (из других регионов России), так и международная (из соседних Польши, Литвы и ряда государств СНГ), стала важным компенсационным фактором отрицательного естественного прироста и пополнения местных трудовых ресурсов России и Беларуси. Географические факторы расположения Беларуси на пути из Азии в Европу, а также промежуточное положение государства между развитыми и развивающимися странами делает его «естественным» каналом для мигрантов из развивающихся стран.

Для Республики Беларусь, современного независимого государства, проблема миграции, добровольной или вынужденной, также является чрезвычайно актуальной. С одной стороны, важнейшей государственной задачей является возвращение на историческую родину этнических белорусов, а также уроженцев бывшего СССР и адаптация их к реалиям жизни в современном белорусском обществе, с другой — регулирование миграционных потоков, идущих через территорию Беларуси, борьба с нелегальной миграцией, прием (предоставление политического убежища) и оказание помощи вынужденным переселенцам и беженцам. Внешняя миграция также является фактором, компенсирующим естественную убыль населения. Национальной программой демографической безопасности предусматривается, что Беларусь будет принимать ежегодно по 5 тыс. мигрантов, прежде всего, этнических белорусов, людей со славянскими корнями, в наибольшей

степени готовых к адаптации в белорусском обществе.

Таким образом, кроме этнических групп или сообществ, представленных на территории Беларуси длительный исторический период, в последние десятилетия характерно появление новых этнических групп, связанных как с трудовой миграцией, так и с миграцией населения из очагов конфликтов. Так, по официальным данным, в период с 1990-го по 2000-й гг. из ближнего зарубежья в Беларусь прибыло 627 тыс. человек. Выбыло — 289 тысяч. В 2001–2004 гг. из стран СНГ и Балтии прибыло свыше 69 тыс. человек. Наибольший приток мигрантов был из России, Украины, Казахстана, балтийских государств. В 2003 — прибыло 1252, в 2004–530 человек. Это украинцы, россияне, турки, болгары, англичане, немцы, китайцы, поляки. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за последние 10 лет в связи миграционными процессами отмечается рост этнической группы китайцев, численность которых на территории Беларуси выросла более чем в 20 раз, арабов — в 2,7 раза, туркмен — в 2,3 раза.

Гродненская область является одним из регионов Беларуси, где происходит очень активный приток мигрантов, что обусловлено ее пограничным положением (белорусско-польско-литовское пограничье). Гродненский регион характеризуется сложным этническим составом населения. Так, по данным переписи населения в Гродненской области 1999 г., 37,7% населения, т.е. каждый третий гражданин, являлся представителем «нетитульного» этноса. Всего в 1999 г., включая белорусов, в области проживали представители 87 этнических групп, в том числе и новых.

По данным Главного статистического управления Гродненской области на 1 сентября 2010 г., численность населения Гродно с учетом пред-

* Исследование выполнено по гранту БРФФИ — РГНФ «Особенности этнокультурной адаптации мигрантов в Калининградской и Гродненской областях» (№ ГР 20112643 от 16.08.2011).

варительных итогов переписи населения 2009 г. составила 330,9 тыс. человек. Большинство жителей области белорусы — 62,3%, поляки составляют 24,8, русские — 10,1, украинцы — 1,8, татары и литовцы — по 0,2, евреи — 0,1%, другие этнические группы — 0,5%. В сравнении с переписью 1989 года количество белорусов возросло на 5,1% (36 тыс. чел.), количество других этнических групп уменьшилось: поляков — на 2,2 (6,7 тыс. чел.), русских — на 4,1 (5,1 тыс. чел.), украинцев на 9,6 (2,2 тыс. чел.), литовцев — на 4 (0,1 тыс. чел.), татар — на 12,5 (0,3 тыс. чел.) и евреев — на 57,6% (1,3 тыс. чел.).

В настоящее время миграционный прирост в регионе остается по-прежнему активным. Так, в период за январь — август 2010 г. по данным Главного статистического управления области, в Гродненскую область прибыло 5,3 тыс. чел. и выбыло 4,4 тыс. человек. На начало 2012 г. в области сохранился положительный миграционный прирост (93 человека)¹.

Миграционные процессы в свою очередь привели к появлению представителей новых этнических групп в регионе. Так, по сравнению с данными переписи населения 1999 г., численность туркмен, постоянно проживающих на территории Гродненской области, выросла в 4,8 раза, арабов — в 4 раза, вьетнамцев — в 2,9 раза. Вместе с тем доля представителей этих этнических групп в общей численности населения пока незначительна. В Гродненской области действуют 24 национальных общественных объединения 12 этнических групп, в том числе объединения грузин, чувашей, армян, азербайджанцев и башкир.

Поэтому перед государственными органами в Гродненском регионе стоят следующие задачи: 1) регулирование внешней миграции, которая является фактором, частично компенсирующим естественную убыль населения, в том числе возвращение на историческую родину этнических белорусов, уроженцев бывшего СССР, и адаптация их к реалиям жизни в современном белорусском обществе; 2) регулирование миграционных потоков, идущих через территорию региона, борьба с нелегальной миграцией, прием (предоставление политического убежища) и оказание помощи вынужденным переселенцам и беженцам.

Эти задачи сформулированы в Национальной программе демографической безопасности на 2007—2010 г., утвержденной Решением № 31 Гродненского областного Совета депутатов от 13 апреля 2007 г.² В пункте 15 Подпрограммы «Оптимизация миграционных процессов» указывается ее цель: оптимизация внутренних и внешних миграционных процессов и управление потоками внешней миграции с учетом национальных демографических интересов.

Закономерности и особенности современных миграционных процессов в Гродненской области

формировались в основном в 1980-х — первой половине 1990-х гг. Миграционный прирост Гродненской области за 1977—1988 гг. был получен только за счет естественного прироста населения, поскольку людей, выбывших за пределы области, было больше, чем прибывших на ее территорию. Однако, начиная с 1989 г., ситуация изменилась. В 1989—1993 гг. в связи с притоком мигрантов в общем приросте населения области стал преобладать миграционный прирост³.

Причем фиксируется существенная разница между интенсивностью миграционных потоков городского и сельского населения. В Гродненской области численность городского населения увеличилась за период 1970—1995 гг. за счет естественного прироста населения, на долю которого приходилось 44,6% общего прироста населения, но в большинстве своем — за счет миграционного прироста и административно-территориальных преобразований (55,4%). На уменьшение численности сельского населения большое влияние оказал миграционный отток, на долю которого приходится более 80%. Миграция сельского населения в город была обусловлена отсталостью в развитии социальной сферы на селе, что, как и на остальной территории Беларуси, привело к усилению процессов урбанизации населения. В 1994—1995 гг. миграционный отток сельского населения значительно уменьшился⁴.

В 1980-х гг. в Гродненской области усиливается процесс трудовых миграций, которые были вызваны несколькими факторами, как, например, строительством крупных промышленных объектов общесоюзного уровня и заводов. Так, в 1981 г. состоялся ввод в действие комплексов циклогексанола и капролактана на Гродненском производственном объединении «Азот»; началось строительство завода по производству бытовых помещений для строителей в г.п. Дятлово Гродненской области в 1982 г.; были введены в строй новые мощности производственного объединения «Сморгоньсиликатобетон» (1981); началось строительство Гродненского завода стройматериалов (1981). Министерством промышленности СССР было принято постановление о «дополнительном выделении средств, направлении на стройки рабочих и создании надлежащих условий для высокопроизводительного труда».

Во второй половине 1980-х гг. было зафиксировано увеличение количества трудовых мигрантов, прибывших на строительство филиала Минского тракторного завода в г. Сморгони Гродненской области. В 1985 г. прибыло 1687 чел., в 1986—2277, в 1987—36422⁵. В 1987 г. значительно увеличилось количество трудовых мигрантов, прибывших из-за границы (Монголии и Вьетнама). Это 90 вьетнамцев, принятых на учебу в СПТУ № 7 г. Гродно, а также 50 рабочих из Монголии, устроенных на Гродненское производственное обувное объединение «Неман»⁶.

В обозначенный период внутривнутриреспубликанские миграции преобладали над внешними. Из миграционных процессов в пределах территории СССР более интенсивными были миграции из Гродненской области на территории РСФСР и Украины. В конце 1980-х гг. увеличивается присутствие иностранных граждан на территории Гродненской области, большая часть которых – трудовые мигранты вьетнамцы, поляки и монголы.

Можно сделать вывод, что мигранты находили привлекательной для своего переселения Гродненскую область по нескольким причинам: экологически «чистая», не загрязненная радиацией большая часть территории области; геополитическое положение Гродненской области (белорусского-польско-литовского пограничья), которое определило высокий уровень толерантности и уникальный характер этнокультурных взаимодействий населения, на стыке западной и восточной цивилизаций. Кроме этого, область характеризовалась развитой промышленностью и сельским хозяйством, что обусловило потребность в рабочей силе, и обязательным трудоустройством вновь прибывших мигрантов.

В период 1990–1995 гг. почти весь прирост населения Гродненской области (99,4%) получен за счет миграционного прироста населения. На долю естественного прироста приходится только 0,6% общего прироста. Миграционный прирост сократился в 1995 г. по причине растущей безработицы в регионе. Начиная с 1994 г., увеличивается количества безработных и, соответственно, уменьшается количество рабочих мест. В результате, по состоянию на 1.10.1996, в Гродненской области было зарегистрировано 26,2 тыс. чел. безработных (в 1,9 раза больше, чем в прошлые годы). Возможности трудоустройства, как объяснялось в документах, «снижаются вследствие увеличения разрыва между наличием свободных мест и предложением рабочей силы». На одно свободное место, по состоянию на конец сентября 1996 г., претендовали 17 безработных против 6 человек за этот же период 1995 г.

Таким образом, за период 1990–1995 гг. в Гродненской области численность городского населения увеличилась за счет естественного прироста населения, в основном – за счет миграционного прироста и административно-территориальных преобразований (55,4%). Причем в 1994–1995 гг. миграционный отток сельского населения значительно уменьшился. Если до 1990 г. на уменьшение сельского населения (за 2 года уменьшилось на 0,8 тыс. чел., или на 0,2%) оказывал влияние также отток сельского населения в города, то, начиная с 1990 г., число прибывших в село несколько превышает число выбывших. Так, в 1993 г. число прибывших превысило число выбывших на 0,3 тыс. человек. Это, прежде всего, связано с переселением семей из районов, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, а

также с миграцией населения из государств Прибалтики и других государств. По этим причинам увеличилась численность населения в отдельных районах области (Берестовицком, Дятловском, Лидском и Мостовском)⁷.

Таким образом, в 1990-х гг. возрастает роль миграционных процессов для демографической ситуации в регионе. Перечень причин миграций, как внешних, так и внутренних, актуальных для конца 1980-х гг., остается таковым и в 1990-х гг. Так, в сводном отчете о механическом движении населения Гродненской области в 1994 г. приведены следующие данные: всего прибыло – 19925 чел. В том числе: на работу – 5077, на учебу – 3009, к родственникам – 3651; возвращение к прежнему месту жительства – 3349; получение жилья – 1336; переселение из загрязненных районов – 336; вынужденные переселенцы (беженцы) – 35; военнослужащие – 2321; прочие – 196. В том числе они прибыли из республик бывшего СССР – 3879⁸.

Этот период характеризуется увеличением присутствия иностранных граждан (в большинстве своем из Германии, Польши) и представителей бывших постсоветских республик (Литвы, Латвии, Российской Федерации) на территории Гродненской области, большая часть которых – трудовые мигранты.

С середины 1990-х гг. появляются подробные отчеты о трудящихся-мигрантах, приехавших на работу в Гродненскую область из-за пределов Республики Беларусь. В большинстве случаев, это – выходцы из Польши, Литвы, позднее – России, Латвии. Большая часть из них (40 человек из 61) были заняты в сфере умственного труда (специалисты, служащие). Увеличился поток мигрантов, выезжающих за пределы Беларуси. Трудящиеся-мигранты (73 человека), выезжающие на работу за границу, направлялись в Грецию, вероятно, на сельскохозяйственные работы.

Таким образом, миграционные потоки в 1990-х гг. не были однородными. И если в первой половине 1990-х гг. количество прибывших мигрантов преобладало над выбывшими, то со второй половины 1990-х гг., в связи с увеличением безработицы в регионе, количество выезжающих на работу за границу (эмигрантов) стало преобладать над въездной миграцией (иммигрантами).

За последнее десятилетие миграционные процессы в Гродненской области перестали быть положительным фактором, способствующим увеличению численности населения области. В настоящее время миграция не компенсирует убыль населения от естественных причин. Начиная с 1995 г., выезжающих из Гродненской области было зарегистрировано больше, чем приезжающих, а это означает устойчивую миграционную убыль населения. За период 1998–2007 гг. ее величина составила 19,9 тыс. чел. и колебалась в пределах от 0,7 тыс. до 3,4 тыс. человек⁹.

Что же касается внешней миграции в Гродненской области, то в 2000-х гг. ее потоки уменьшились. Это связано в основном с сокращением миграционного обмена со странами СНГ и Балтии. Так, в 2007 г. число прибывших из стран СНГ и Балтии на территорию области уменьшилось по сравнению с 1998 годом в 2,9 раза, а число выбывших в эти страны — в 1,7 раза. За 1998–2007 гг. число прибывших из стран СНГ и Балтии составило 17,2 тыс. чел., а выбывших — 6,8 тысячи. В результате этого обмена сложилось положительное миграционное сальдо — 10,4 тысячи человек, которое позволило частично компенсировать отток населения в другие области Республики Беларусь. Самая большая доля мигрантов, как среди прибывших, так и среди выбывших, приходится на Россию (55,3% от числа прибывших и 81,7% — от числа выбывших), Литву (14,2 и 3,9%), Украину (12,5 и 9,5%). Большинство прибывших из стран СНГ и Балтии основными причинами переезда в Гродненскую область указали приезд к родственникам (81,9%), возвращение к прежнему месту жительства (9,3%), обмен, покупку, дарение жилья (7,8%)¹⁰.

К концу первого десятилетия XXI в. в регионе сократился миграционный обмен со странами СНГ. В 2009 г. число прибывших из стран СНГ уменьшилось по сравнению с 2000 г. в 1,3 раза, а число выбывших в эти страны — в 1,8 раза. В последние годы поток иммигрантов значительно превосходит обратный отток. В результате этого обмена в 2009 г. сложилось положительное миграционное сальдо (1,3 тыс. чел.), что позволило частично компенсировать отток населения в другие области Республики Беларусь. Наибольший приток иммигрантов отмечался из России (853 чел.), Украины (279 чел.), Туркменистана (258 чел.), Казахстана (144), Азербайджана (113). Положительное сальдо с этими государствами в 2009 г. составило 1,2 тыс. человек¹¹.

Эмиграция в другие страны из Гродненской области на постоянное место жительства в настоящее время не носит массового характера. Ее пик за последнее десятилетие пришелся на 2000 год и составил 323 человека. В последние годы количество выезжающих в другие страны из области снизилось и, например, в 2009 г. составило 157 чел., что в 5,5 раза меньше, чем прибывших. Миграционный прирост населения составил 711 человек. Наиболее привлекательными государствами для эмиграции в 2009 г. были Польша, Германия, Литва, Израиль, США, куда выехало соответственно 32, 30, 26, 22 и 15 человек¹².

В 2010 г. в Гродненскую область для работы прибыло 232 чел. из стран СНГ и 66 чел. из других государств. В потоке трудящихся-иммигрантов преобладают прибывшие из Украины (57% от общего числа прибывших), Литвы (14,4%), Узбекистана (11,1%) и Азербайджана (6%). Для трудоустройства в 2010 г. в область прибыло 174

мигранта (58,4%) в возрасте 20–39 лет и 98 чел. (32,9%) — в возрасте 40–54 года. По сравнению с 2009 г. численность мигрантов этих возрастов увеличилась соответственно в 1,5 раза и на 28,9%. Число трудящихся-иммигрантов в возрасте до 20 лет по сравнению с 2000 г. уменьшилось в 1,8 раза¹³.

Гродненская область является активным участником потоков международной миграции, что обусловлено пограничным положением региона. Исследователи отмечают особенности нелегальной миграции на постсоветской территории и указывают следующие маршруты, которые имеют отношение к транзиту, в том числе через белорусскую территорию: Афганистан — Туркменистан — Гурьев (Казахстан) — Волгоград (Россия) — Украина/Беларусь — Польша — Германия; Арытау (Казахстан) — Астрахань (Россия) — Краснодар (Россия) — Ставрополь (Россия) — Украина/Беларусь — Польша — Германия; Ближний Восток/Юго-Восточная Азия — Турция — Украина/Беларусь — Польша — Германия¹⁴.

При этом подавляющее большинство незаконных мигрантов прибывают в страны СНГ легально, имея визу (в основном в целях туризма, по личным обстоятельствам, в целях транзита, бизнеса, учебы и работы), выданную на основании приглашения от туристического агентства, фирмы или даже государственного учреждения, или подав заявление о предоставлении убежища. Нелегальный въезд может осуществляться либо посредством пересечения границы за пределами пограничных постов (как самостоятельно, так и с помощью местных жителей или профессиональных посредников, занимающихся незаконным ввозом людей), либо посредством прохода через эти посты с поддельными или недействительными проездными документами, без документов вовсе. Российские аналитики отмечают, что транзитному мигранту гораздо легче въехать на постсоветскую территорию, чем выехать из нее. Западные границы СНГ в России, Беларуси и Украине контролируются значительно более основательно, чем его восточные рубежи¹⁵.

Так, например, в 2007 г. сотрудники Комитета госконтроля по Гродненской области пресекли незаконную деятельность международной преступной группировки, которая состояла из граждан Республики Беларусь и гражданина Турции. Группировка занималась переправкой нелегальных мигрантов в Западную Европу через государственную границу Беларуси. Было задержано 15 нелегальных мигрантов — выходцев из стран Юго-Восточной Азии и сопровождающих их лиц. Белорусские правоохранительные органы отмечают, что структура преступных групп, специализирующихся на нелегальной миграции, характеризуется строгой иерархической подчиненностью, наличием управленческого ядра, а также элементов сетевой системы так называемых филиалов, создаваемых по региональному принципу.

Характерными приемами зашифровки являются создание внутренних структур, отвечающих за обеспечение безопасности, проведение переговоров по мобильной и радиосвязи с использованием условностей, а также редких наречий иностранных языков (урду, хинди, пенджаби и др.) и т.д. Организаторами активно используются возможности легального въезда в Беларусь по каналам студенческого, туристического, служебного обмена, а также каналу трудовой миграции. Транзитное перемещение через территорию страны осуществляется из России, куда мигранты въезжают на законных основаниях. В Беларуси они оформляют временную регистрацию, а затем нелегально следуют в страны Западной Европы. «Совокупность указанных факторов создали предпосылки к превращению республики в транзитную территорию, для которой характерен приток нелегальных мигрантов из стран Азии и Африки. Среди них следует выделить граждан Шри-Ланки, Пакистана, Афганистана, Египта, Вьетнама и Нигерии»¹⁶.

С наступлением мирового экономического кризиса потоки трудовых мигрантов в 2009–2010 гг. изменили свои направления. Так, граждане Беларуси в 2009 г. на заработки выезжали почти в три раза меньше, чем прежде. Иностранцев рабочих Беларусь в этот период принимала больше почти на 70%. За 9 месяцев 2009 г. на работу в Беларусь приехало 2 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства. В основном это были высококвалифицированные специалисты в сфере строительства, спорта, науки. Причем, по официальным данным, «в начале 2009 года были массовые выезды иностранной рабочей силы из Российской Федерации. Гастарбайтеры пытались трудоустроиться на строительных объектах Беларуси, но правоохранительная деятельность и наниматели понимали, к чему приведёт наём нелегальной рабочей силы»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: <http://lida.org/news/read/V-Grodnenskoj-oblasti-uvetchenie-rozhdaemosti.html>

² Национальная программа демографической безопасности на 2007–2010 годы, утвержденная Решением № 31 Гродненского областного Совета депутатов от 13 апреля 2007 г. // URL: <http://www.busel.org/texts/cat3ks/id5wwfdr.htm>

³ Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГрО). Ф. 1204. Оп. 15. Д. 90. Л. 30–32.

⁴ ГАГрО. Ф. 1204. Оп. 15. Д. 90. Л. 30.

⁵ ГАГрО. Ф. 1204. Оп. 9. Д. 1428. Л. 4 об.

⁶ Там же.

⁷ ГАГрО. Ф. 1204. Оп. 14. Д. 2113. Л. 27–28.

⁸ ГАГрО. Ф. 1204. Оп. 14. Д. 2113. Л. 45.

⁹ Материалы Главного статистического управления Гродненской области.

¹⁰ Там же.

Таким образом, для региона характерно разнообразие форм миграции: внутрирайонная, внутриобластная, межобластная миграции, миграция между странами СНГ, международная миграция. В ноябре 2007 г. Институтом социологии НАН Беларуси было проведено социологическое исследование среди трудоспособного населения страны по вопросам внешней и внутренней миграции (объем республиканской выборки составил 1485 респондентов). По этим данным, наибольшая миграционная активность выявлена у жителей Минской области (18,9% опрошенных меняли место жительства 1–2 раза за последние 7 лет). На третьем месте находятся жители Гродненской области (15,7%). По данным этих опросов, рейтинг основных причин, которые определяют желание жителей села переехать в город, среди жителей Гродненской области выглядит следующим образом: 1) в городе лучше социально-бытовые условия (14,4%); 2) в городе проще найти работу (13,1%); 3) в городе более насыщенная культурная жизнь (10%)¹⁸. Сами гродненцы в городском блоге высказывают мнение, что «Гродненская область всегда была активнее других регионов страны. Это связано с большей развитостью Гродненщины в плане миграции: психология гродненцев отличается от психологии жителей восточных регионов»¹⁹.

Подводя итоги, отметим, что в конце 1980–1990-х гг. возрастает роль миграционных процессов для демографической ситуации в регионе, вследствие чего до 1995 г. почти весь прирост населения Гродненской области был получен за счет миграционного прироста населения. После 1996 г. фиксируется уменьшение миграционного прироста населения, связанное с уменьшением количества рабочих мест в регионе. К концу первого десятилетия XXI в. миграционные процессы в Гродненской области перестали быть положительным фактором, способствующим увеличению численности населения области.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ **Ивахнюк И.** Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия // URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/dve_sistemi_3

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: <http://news.tut.by/society/296504.html>

¹⁷ URL: http://www.ont.by/news/our_news/0048685; <http://news.tut.by/society/148898.html>

¹⁸ **Антонова Т.А.** Внутриреспубликанская миграция населения Беларуси: социологический анализ // Миграция населения Республики Беларусь / под общей редакцией Г.М. Евелькина. Минск: Белорус. Наука, 2008 // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0391/analit03.php>

¹⁹ URL: <http://www.ctv.by: 25.04.2007 14:04>

М.В. Савва

АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Адаптация и интеграция мигрантов признаны федеральной российской властью важной задачей в сложном комплексе задач миграционной политики. Так, Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года констатирует: «Миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Оно ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов». В связи с этим одной из задач Концепции заявлено «содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом»¹.

Необходимо учитывать, что в течение последних нескольких лет проблемы, являющиеся следствием активной трудовой миграции в Россию из государств Центральной Азии, существенно видоизменились. Кроме того, возникли новые проблемы, не характерные для трудовой миграции в Россию еще четыре-пять лет назад. Наконец, существенно активизировалась внутрirosсийская миграция, например, в форме перемещения населения из республик Северного Кавказа на территории Юга России, населенные преимущественно русским населением.

В рамках статьи невозможно затронуть все значимые аспекты темы, поэтому автор будет рассматривать вопросы адаптации применительно к внешней (зарубежной) миграции. Изменения качества миграционного потока стали результатом главным образом естественной смены поколений мигрантов (в трудовую зарубежную миграцию включаются молодые люди, выросшие и социализировавшиеся уже в суверенных государствах) и преодоления последствий социально-экономического кризиса 2008–2009 гг. Важным фактором изменения дизайна миграционных проблем выступает постоянное накопление различий социально-экономических систем и политических режимов в России — с одной стороны, и госу-

дарствах происхождения мигрантов — с другой. Наконец, среди трудовых мигрантов молодых возрастов увеличивается численность людей, ориентированных на постоянное проживание в России, что предполагает готовность к адаптации и интеграции. Автор рассматривает адаптацию и интеграцию в качестве различных этапов единого процесса социально-культурных изменений на новом месте проживания и работы.

Среди иностранных рабочих из Центральной Азии, являющейся главным регионом исхода трудовых мигрантов в Краснодарский край, подавляющее большинство отличаются по своей этнической принадлежности от старожильческого населения. Важно подчеркнуть, что в силу избирательности восприятия старожильческое население воспринимает миграцию как процесс, изменяющий этнический состав населения любой территории. Это создает дополнительные трудности на пути интеграции мигрантов и делает миграцию важным фактором этнополитической ситуации. Адаптация через улучшение взаимопонимания всегда создает условия как для более эффективного взаимодействия между мигрантами и местным населением, так и для удовлетворения материальных потребностей мигрантов. Важность интеграции очевидна также с точки зрения состояния социально-политической стабильности: чем она глубже, тем меньше вероятность возникновения конфликтов. «Интеграционная емкость» территорий еще только становится в повестку дня научных исследований. Один из первых опытов научного анализа интеграционной емкости будет предпринят в ходе исследования «Потенциал социализации мигрантов в Краснодарском крае», которое осуществляется в рамках социальной программы Южного регионального ресурсного центра «Построение мира» (ноябрь — декабрь 2012 г.).

В новом дизайне миграционных проблем, влияющих на общероссийскую и региональную этнополитику, на основании экспертных оценок можно выделить несколько наиболее важных:

1. «Временное рабство». В условиях уменьшения практик незаконной эксплуатации иностранных рабочих непосредственно российскими

работодателями учащаются случаи «временного рабства» иностранных рабочих и их эксплуатации посредниками-вербовщиками. Как правило, посредники являются либо гражданами государства исхода мигрантов, либо гражданами принимающего государства, но принадлежат к соответствующей диаспоре. Посредники оплачивают иностранным рабочим дорогу в Россию, но изымают у них паспорта под предлогом обеспечения возврата долга. После этого иностранные рабочие на длительный срок (как правило, несколько месяцев) оказываются в ситуации временного рабства: получают зарплату значительно ниже предварительно оговоренной; работают в худших условиях и т.д.

В современных условиях необходим заинтересованный посредник в решении проблем мигранта в лице российской правозащитной организации, имеющей возможность использовать ресурсы общественных советов при подразделениях полиции, управлениях Федеральной миграционной службы, а также общественных наблюдательных комиссий по контролю за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания. «Временное рабство» существенно влияет на взаимоотношения принимающего сообщества и мигрантов, формируя негативные этнические стереотипы.

2. Ухудшение знания русского языка молодыми иностранными рабочими. Практика Краснодарского края и ряда других регионов России показывает, что молодые люди, родившиеся в 90-х годах прошлого века, очень слабо владеют русским языком или не знают его совсем. Это создает условия для нарушения их прав посредниками, работодателями и сотрудниками правоохранительных органов. Незнание ими русского языка приводит к возможности их прямого обмана при заключении договоров и т.д. Достаточно часто для решения проблем молодых мигрантов в России требуется привлечение переводчика. Для решения этой проблемы и оказания эффективной помощи в случае необходимости возможно привлечение российскими правозащитными организациями представителей диаспор, получивших законный статус для проживания в РФ и владеющих русским языком и родными языками мигрантов.

3. Усиление установки на интеграцию в российский обществе некоторой части молодых мигрантов. Некоторые молодые люди, прибывающие в Россию из государств Центральной Азии, имеют четкую установку на интеграцию в России (то есть в перспективе на постоянное проживание, получение гражданства и т.д.). Эти люди не ориентированы на возвращение в страну исхода. По экспертным оценкам, в том числе по результатам проведенных автором статьи экспертных интервью, в настоящее время среди иностранных рабочих, приезжающих в Россию, таких примерно 25%. Они объясняют подобную личную стратегию значительно более высоким

уровнем личной свободы в российском обществе. Действительно, в более традиционалистских обществах государств исхода у человека намного больше обязанностей перед семьей, родственной группой и т.д. Жизнь в России дает этим людям возможность самостоятельно выстраивать путь личного развития, ограничивая свои обязанности перед родственниками определенной суммой ежемесячных переводов. Усиление установки на интеграцию предполагает изменение стратегии поведения: такие молодые люди более активно общаются в местных сообществах, появляются в публичных местах, то есть разрушают прежнюю замкнутость групп трудовых мигрантов. Это приводит к более частым конфликтам иностранных мигрантов с местной молодежью. Такие конфликты часто приобретают характер этнических.

4. Ослабление общего для мигрантов и представителей местных сообществ «культурного круга». У молодого поколения мигрантов и молодежи принимающих сообществ не было общего советского прошлого. За два десятилетия независимости социально-экономическая ситуация и политические режимы наших стран стали ярко своеобразными. Как результат, мигранты очень плохо ориентируются в правовых и социально-культурных особенностях принимающих сообществ, возможности получения работы и вынуждены доверять в этих вопросах вербовщикам-посредникам. Это создает дополнительные возможности для нарушения прав и интересов трудовых мигрантов.

Решение названных выше проблем возможно следующими методами:

1. Развитие практики юридического сопровождения решения проблем мигрантов в регионах России силами юристов экспертных некоммерческих организаций.

Юридическое сопровождение не сводится к консультированию, оно предполагает при необходимости представление интересов в судах, подразделениях Федеральной миграционной службы и т.д.

2. Более активное вовлечение системы общественно-консультативных советов при территориальных органах Федеральной миграционной службы в решение вопросов защиты прав и интересов иностранных мигрантов.

Объективно члены таких общественно-консультативных советов (ОКС) заинтересованы в предупреждении нарушений прав мигрантов и восстановлении законности. Защита законных прав мигрантов создает условия для их адаптации, а затем интеграции в местное сообщество.

3. Активизация деятельности по защите законных прав иностранных мигрантов, в отношении которых принято решение о выдворении/депортации.

В практике правозащитных организаций достаточно часто встречаются случаи принятия незаконных решений о выдворении иностранных

граждан за пределы РФ, а также коррупционных практик, которые приводят к их выдворению. Срок, в течение которого можно оказать влияние на судебное решение о выдворении, составляет всего 10 суток. В это время мигрант уже находится в специальном приемнике (место принудительного содержания, подчиненное органам полиции), куда имеют доступ лишь члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК) по контролю за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания. Следовательно, необходимо усилить взаимодействие правозащитных организаций, занимающихся защитой прав мигрантов, и соответствующих ОНК, а также обобщать и тиражировать опыт такого взаимодействия, имеющийся, например, в Краснодарском крае.

4. Активизация и повышение эффективности просветительской работы для мигрантов с целью улучшения знаний о правовых и социально-культурных особенностях принимающих сообществ, возможностях получения работы.

Реализованные некоммерческими организациями России социальные просветительские проекты подтвердили высокую востребованность информационных материалов для иностранных мигрантов, написанных доступным языком с использованием алгоритмических схем решения проблем. Такие материалы помогают мигрантам социализироваться в принимающем сообществе. Также востребованы курсы повышения квалификации, помогающие мигрантам получить навыки офисных профессий (компьютерная грамотность и др.).

5. Оказание правовой поддержки национальным некоммерческим организациям и их представителям, инициаторам создания национальных НКО по защите прав мигрантов.

Создание национальных (этнических) НКО, осуществляющих содействие своим соотечественникам в получении разрешения на работу, дальнейшем их трудоустройстве и оказание помощи в получении документов, подтверждающих законное нахождение мигрантов на территории России, российского гражданства, – процесс очень трудный, зачастую с непреодолимыми трудностями для инициаторов создания таких организаций. При создании и регистрации таких НКО инициаторам данного процесса необходима квалифицированная юридическая помощь. Сложности возникают не только у инициаторов создания национальных НКО, но и действующих объединений, поскольку с момента их регистрации контроль и надзор со стороны государственных органов не ослабевает, а усиливается. Такой контроль необходим, но требуется четко определить его направленность на пресечение лишь незаконной деятельности членов диаспорных некоммерческих организаций, например, по эксплуатации своих соотечественников. В то же время должна поощряться работа диаспорных организаций по правовому сопрово-

ждению мигрантов, содействию их адаптации и интеграции.

Необходимо подчеркнуть, что все новые проблемы иностранных трудовых мигрантов могут решаться в России лишь во взаимодействии органов власти и правозащитных некоммерческих организаций экспертного уровня с участием правозащитных некоммерческих организаций государств исхода (Узбекистан, Таджикистан и др.). Подобный подход находит понимание у федеральной власти и зафиксирован в одном из принципов реализации Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года: «взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, развитие институтов социального партнерства и гражданского общества» [1]. Практика подтверждает актуальность взаимодействия различных субъектов в ходе решения проблем трудовых мигрантов. Например, оказание правовой помощи иностранным мигрантам в России возможно лишь в случае, когда иностранец сообщает о своих проблемах. Но иностранные рабочие, как правило, не имеют контактов с местными правозащитными организациями и обращаются по телефону к родственникам в стране исхода. Те, в свою очередь, обращаются в правозащитную организацию также в стране исхода. Поэтому необходимо, чтобы правозащитные организации стран исхода имели постоянные рабочие контакты с соответствующими организациями в регионах России.

Эффективная просветительская работа среди трудовых мигрантов, направленная на профилактику нарушений их прав, также должна вестись совместно правозащитными организациями из регионов России и стран исхода. Так, подготовленные и изданные в России информационные материалы для мигрантов (потенциальных мигрантов) российские организации не могут распространять в государствах исхода самостоятельно, им требуется соответствующий партнер.

Проблема интеграции мигрантов, имеющих установку и правовое основание для постоянного проживания в России, должна решаться осознанно и целенаправленно. Данная проблема не может быть объектом деятельности только лишь органов власти, особенно в том случае, если целью интеграции не является ассимиляция. Более того, задачи интеграции в силу их сложности и большой трудозатратности не могут быть решены в русле бюрократической парадигмы и требуют активного участия структур гражданского общества. В настоящее время на юге России реализован и реализуется ряд проектов, направленных на интеграцию различных категорий мигрантов в местные сообщества. Так, Краснодарская региональная общественная организация «Южный региональный ресурсный

центр» (ЮРПЦ) в 2001–2002 гг. при поддержке Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) выполнила проект «Усиление интеграции беженцев и вынужденных переселенцев в местное сообщество посредством укрепления организаций беженцев и вынужденных переселенцев», в 2002–2003 гг. осуществила проект «Интеграция мигрантов на юге России: модели участия некоммерческих общественных организаций» при поддержке Координационного бюро по вопросам международного сотрудничества и гуманитарной помощи при Посольстве Швейцарии в РФ, с 2006 г. по настоящее время работает над проектом «Правовая помощь мигрантам Краснодарского края» при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. Указанные социальные проекты дали возможность не только оказать содействие вынужденным переселенцам на территории Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области. Они позволили апробировать различные практики, сделать выводы об их эффективности, выявить некоторые закономерности интеграции в сложных условиях консервативной социальной среды юга России. В ходе социального проекта «Правовая помощь мигрантам Краснодарского края» было организовано взаимодействие ЮРПЦ с Управлением Федеральной миграционной службы по Краснодарскому краю, которое позволило подготовить такие востребованные информационно-методические материалы, как «Памятка трудовому мигранту Краснодарского края», изданная в 2010 г., и «Справочник для иностранцев, въезжающих в Краснодарский край», изданный в 2011 г.

Осуществляемая в настоящее время при поддержке администрации Краснодарского края программа ЮРПЦ «Построение мира» (укрепление межэтнических отношений основных диаспор и старожильческого населения Краснодарского края) демонстрирует возможности совместной деятельности нескольких некоммерческих организаций (Южный региональный ресурсный центр, Краснодарская краевая общественная организация таджикской национально-культурной «Мехри Сомониен», Краснодарская региональная общественная организация «Общество соотечественников Узбекистана «УМИД» («Надежда») с Управлением Федеральной миграционной службы по Краснодарскому краю. Данная социальная программа направлена на уменьшение количества и снижение остроты межэтнических конфликтов в отношении представителей узбекской и таджикской диаспор и старожильческого населения Краснодарского края. Для этого, помимо других направлений деятельности, проводятся тренинги, ориентированные на подготовку медиаторов конфликтных ситуаций из среды центральноазиатских мигрантов. В специальном тренинге «Профилактика конфликтов во взаимодействии иностранных мигрантов и представителей Федеральной миграционной службы»

в ноябре 2012 г. активное участие приняли представители УФМС, которые также выступили авторами информационно-методических и учебных материалов для мигрантов.

Опыт Краснодарского края демонстрирует возможность высокой эффективности общественно-консультативных советов при органах Федеральной миграционной службы как координаторов взаимодействия структур гражданского общества и органов власти в решении самых разных миграционных проблем. Так, Общественно-консультативный совет при УФМС по Краснодарскому краю в течение 2009–2012 гг. совместно с УФМС апробировал следующие виды деятельности:

- совместную работу по определению правового статуса лиц, документированных лишь паспортами бывшего СССР;

- совместную работу по защите законных прав иностранных граждан, находящихся на территории России;

- организацию добровольного возвращения в страну исхода иностранных граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;

- подготовку, издание и распространение информационно-методических материалов для различных категорий мигрантов;

- мониторинг качества услуг, предоставляемых территориальными отделами и управлениями Федеральной миграционной службы в Краснодарском крае.

Общественно-консультативный совет (ОКС) при УФМС по Краснодарскому краю периодически на своих заседаниях обобщает позитивный опыт взаимодействия подразделений Федеральной миграционной службы и структур гражданского общества. Так, 31.03.2010 г. ОКС рассмотрел вопрос «О взаимодействии управления Федеральной миграционной службы с КРОО «Южный региональный ресурсный центр». В ходе заседания Общественно-консультативного совета при УФМС по Краснодарскому краю 11.03.2012 г. был рассмотрен вопрос «Об опыте деятельности структур гражданского общества Краснодарского края по интеграции мигрантов», на заседании 10.08.2012 г. – вопрос «О качестве услуг подразделений Федеральной миграционной службы на территории Краснодарского края по результатам контрольного получения услуг».

Опыт реализации названных выше социальных проектов подтвердил необходимость использования различных подходов и практик для интеграции вынужденных мигрантов (репатриантов), возвращающихся на Родину, и иностранцев, ориентированных на постоянное проживание в России.

Для интеграции высокосозначимым фактором является чувство принадлежности к российскому обществу, то есть гражданская идентичность. Она возможна для мигрантов, которые сделали выбор в пользу постоянного проживания в России. В то же время адаптация необходима всем мигрантам,

находящимся на территории нашей страны, и предполагает сознательный учет мигрантами в своих действиях особенностей и ограничений внешней социальной среды.

В процессе интеграции иноэтничных иностранцев необходимо учитывать, что эффективная интеграция возможна лишь как процесс взаимной адаптации мигрантов и старожильческого населения. Установка на решение проблемы интеграции исключительно путем повышения толерантности принимающего сообщества непродуктивна, поскольку при отсутствии у мигрантов стремления выполнять общепринятые в принимающем социуме нормы поведения периодически будут возникать конфликтные ситуации, отбрасывающие назад интеграционный процесс. Важнейшим основанием интеграции для этой группы является гражданская идентичность (осознание принадлежности к обществу россиян и общее гражданство).

Все проблемы обустройства вынужденных переселенцев тесно взаимосвязаны. При этом выделяются основные проблемы, в которые «упирается» решение целого ряда других. Для России к основным относится комплекс проблем, связанных с регистрацией (легализацией пребывания).

Интеграционные социальные проекты некоммерческих организаций и органов власти должны предполагать психологическую работу, хотя бы в качестве дополнительной к основному виду деятельности. Содержание деятельности по проекту должно выстраиваться так, чтобы способствовать улучшению взаимодействия переселенцев и старожильческого населения.

Главный предварительный вывод, который необходимо сделать по итогам социальных проектов некоммерческих организаций, реализованных во взаимодействии с властью, — эффективное решение проблем интеграции возможно главным образом через совместную деятельность мигрантов и старожильческого населения. Социальный проект является предпочтительным в силу высокой эффективности. Включение «мигрантов» и «местных» в общую конкретную работу выводит их из состояния постоянного митинга, когда люди просто боятся высказать положительное мнение о «чужаках», опасаясь санкций со стороны «своих». Необходимость достичь запланированного в проекте результата не оставляет места для националистической демагогии. Кроме того, социальный проект продуман и систематизирован, более насыщен интеллектуально.

Апробированная некоммерческими организациями социальная технология интеграционных

социальных проектов может быть использована органами государственной власти и местного самоуправления на территориях с высоким уровнем напряженности отношений старожильческого населения и мигрантов. Автор исходит из того, что власть должна быть не менее, чем гражданское общество конфликтноопасных территорий, заинтересована в поддержании социально-политической стабильности. Создание в структуре Федеральной миграционной службы России специального подразделения, занимающегося интеграцией мигрантов, демонстрирует понимание властью актуальности такой деятельности.

Интеграция мигрантов в местное сообщество до настоящего времени не стала основным направлением миграционной политики России, однако она уже декларируется в качестве важной задачи власти и общества. Интеграция является частью общей миграционной проблематики, и это именно та часть, актуальность которой для некоторых групп элит, например, представителей власти в современной России, не очевидна. Не только рядовым представителям местного сообщества, но и депутатам и работникам органов исполнительной власти требуется разъяснение актуальности интеграции. Миграция является важнейшим фактором социально-политической стабильности региона. Особенно значимым данный фактор становится в полиэтничной среде. Как показывает научный анализ, поликультурные регионы России, в том числе Краснодарский край, представляют собой социальные системы с разной степенью сбалансированности межгруппового взаимодействия. В регионах с длительной историей сосуществования разных этнических культур процессы интеграции будут преобладать над процессами дифференциации. В регионах, где поликультурность является результатом относительно недавних миграций разных этнических групп, процессы дифференциации по этническому и религиозному признакам будут преобладать над процессами интеграции². Таким образом, эффективная интеграция мигрантов важна для Краснодарского края не только с точки зрения прав и интересов самих переселенцев, но и в целях сохранения социально-политической стабильности региона.

Общественно-консультативные советы при территориальных органах Федеральной миграционной службы могут быть эффективными координаторами совместной деятельности структур гражданского общества и органов власти по решению проблем адаптации мигрантов. Необходимо обобщать и распространять соответствующий опыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года // URL: <http://президент.рф/acts/15635>.

² Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М., 2002.

Н.С. Мухаметшина

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Этнонациональная политика (по официальной терминологии – национальная) включена в сферу деятельности органов управления Самарской области с 1993 г. Область оказалась в числе первых российских регионов, разработавших целевую программу поддержания и развития этнокультуры и обеспечивших ее реализацию. Это программа «Возрождение» (1994–1998 гг.). Впоследствии были приняты и реализованы ежегодные «Планы мероприятий по национально-культурному развитию Самарской области» (2000–2003 гг.), областная целевая программа «Разные, но не чужие – мир через культуру» (2004–2008 гг.), «План мероприятий по развитию институтов гражданского общества в Самарской области на 2008–2010 гг.». С 2011 г. этнонациональная политика осуществляется на основе межведомственного ежегодного «Комплексного плана по гармонизации межэтнических отношений в Самарской области»¹.

Если методология первых программ опиралась на подход к этнонациональной сфере как самодостаточной и изолированной от других социальных образований, то методология программы «Разные, но не чужие – мир через культуру» встраивала этнонациональную сферу, делая акцент на этнокультуре, в общее пространство культуры. С 2008 г. политическая элита и экспертное сообщество занимают еще более четкую позицию: этнонациональные институции являются структурным элементом гражданского общества.

Включение вопросов этнокультурной, этнонациональной направленности в сферу регионального политического управления было обусловлено несколькими причинами. С конца 1980-х гг. в Самарской области, как и во многих других регионах СССР, на фоне общегражданских инициативных движений активизировалась так называемая национальная общественность, стали создаваться национально-культурные организации, представляющие интересы, прежде всего, традиционных для региона этнических меньшинств. В исторически полиэтничном регионе потенциал таких организаций следует охарактеризовать как существенный и перспективный. Дальнейшее развитие этнонациональной сферы демонстри-

рует активность лидеров и самих организаций в моделировании и реализации региональной этнонациональной политики.

Отметим еще один фактор – это необходимость поддерживать общественный порядок и стабильность, разбалансированные в период «перестройки» и распада СССР. Власти Самарской области, как и ряда других субъектов Российской Федерации, на территории которых в начале 1990-х гг. появились беженцы, вынужденные переселенцы из «горячих точек» постсоветского геополитического пространства, мигранты из трудоизбыточных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, вынуждены были заниматься не только оперативной деятельностью, но и разрабатывать специальные программы, учитывать этнокультурную составляющую миграционных потоков и обострившиеся проблемы межэтнических отношений.

На рубеже 1990-х и 2000-х годов в Самарской области создаются общественные национально-культурные организации, представляющие спектр интересов мигрантских этнических групп. В 2001–2005 гг. приоритетным направлением этих организаций являлась правозащитная деятельность, и это направление оказалось фактически в центре внимания субъектов этнонациональной политики. Впоследствии акцент в деятельности указанных организаций сместился в сферу этнокультуры, отдельные акторы инициировали инкорпорацию с региональным гражданским сообществом.

С середины 1990-х гг. до середины 2000-х гг. в области наблюдалась активная деятельность этнонационалистических организаций, прежде всего представляющих различные варианты русского национализма. В документах, на основе которых осуществлялась этнонациональная политика, не предусматривались возможности взаимодействия органов власти с этими специфическими институциями гражданского общества. Однако в конкретных ситуациях субъекты этнонациональной политики взаимодействовали с лидерами и клиентами этнонационалистических организаций, в том числе радикальных. Наряду с другими технологиями и факторами готовность

к диалогу, использование приема инкорпорации в легальную политику в конечном итоге способствовали снижению этнонационалистических настроений, вытеснению из публичной политики этнонационалистических организаций.

Всплеск публичной активности этнонационалистической направленности наблюдался в конце 2010 и в 2011 г. Наиболее значимые акции – «Русский марш» (4.11.2010 г.), сходы и шествия солидарности молодежи в Самаре и Тольятти в ответ на события на Манежной площади (11, 12, 18 декабря 2010 г.)². Среди участников декабрьских акций отмечалось большое количество подростков, спровоцированных активистами националистических групп³. В урегулировании конфликтных ситуаций активно использовались ресурсы этнонациональной политики.

Декабрьские события 2010 г. актуализировали и вывели в разряд приоритетных такое направление региональной этнонациональной политики как профилактика этнофобии, проявлений национального и религиозного экстремизма. В 2011 г. различными инстанциями были организованы совещания, круглые столы, пресс-конференции, на которых обсуждались вопросы профилактики и противодействия национальному и религиозному экстремизму, гармонизации межнациональных отношений. К участию приглашались активисты национально-культурных и различных молодежных организаций. Одним из действенных итогов такого рода обсуждений следует признать проведение совместных футбольных и волейбольных турниров⁴.

Следует отметить, что после фактического ухода националистических организаций из публичной политики, случаев открытого проявления религиозной, национальной, расовой нетерпимости фиксируется немного, однако в социальных сетях, на сайтах электронных СМИ в большом количестве представлены материалы, подпадающие под 282 статью УК РФ либо ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Основными исполнителями этнонациональной политики являются органы государственной власти, местного самоуправления, специализированные государственные и муниципальные учреждения. В реализации этнонациональной политики задействованы общественные национально-культурные организации, средства массовой информации, научное сообщество. Практика реализации этнонациональной политики, сложившаяся в Самарской области, включает акторов и ресурсы конфессиональной, миграционной, культурной, социальной политики.

За постсоветские десятилетия этнонациональная политика стала актуальным направлением политического управления, а ее акторы – значимым, хотя и неоднозначным, ресурсом гражданского общества. На начало 2013 г. в области зарегистрировано свыше 100 национально-культурных орга-

низаций, в том числе 33 национально-культурные автономии⁵. С точки зрения теории развития гражданского общества, увеличение количества этнокультурных организаций – явление позитивное. Чем больше общественных организаций, тем полнее представлены интересы людей разных социальных групп. Однако появление новых организаций нередко спровоцировано конфликтными ситуациями, стремлением тех или иных лидеров получить рычаги влияния, использовать этот ресурс, в том числе и в финансово-экономических целях, удовлетворить личные амбиции.

В настоящее время в процессе реализации региональной этнонациональной политики можно выделить следующие приоритетные направления: 1) поддержка этнокультуры (праздники, фестивали, декады, творческие коллективы, семинары, детско-юношеские смены в летних лагерях и др.); 2) развитие этноинформационного пространства (теле- и радиопередачи на областных каналах, статьи в областных газетах, газеты и сайты общественных национально-культурных организаций, сайт ДДН, учебные и справочные пособия, информационно-аналитический вестник, буклеты и др.); 3) профилактика и противодействие культурному расизму, этнофобии, национальному и религиозному экстремизму (семинары-тренинги, правовые консультации и защита, «Школы мигранта», «Школы толерантности», общественные консультативные и экспертно-методические советы, мониторинг дискурсов СМИ и др.); 4) поддержка учреждений социализации молодежи (этнокомпонент в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях, воскресные школы, центры внеклассной работы и др.). Все больше внимания уделяется социальной адаптации и интеграции инокультурных мигрантов, хотя это направление пока не относится к разряду приоритетных. Активную заинтересованность в развитии этого направления проявляют общественные национально-культурные организации, представляющие интересы мигрантских этнических групп.

Реализация этнонациональной политики в целом, отдельных мероприятий и форм предполагает согласование групповых интересов, обоснование приоритетов и решений, дифференцированный подход, транспарентность финансирования.

С точки зрения активистов общественных национально-культурных организаций традиционных для региона народов (башкирские, еврейские, казахские, мордовские, татарские, украинские, чувашские организации), наиболее важным и, вместе с тем, проблемным является такое направление региональной этнонациональной политики, как поддержка учреждений социализации молодежи. Предмет особого внимания «национальной» общественности – этнокомпонент в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях, воскресные школы. Лидеры и активисты мордовского областного

национально-культурного центра «Масторава», областного татарского общества «Туган тел», областной общественной организации «Курултай башкир», чувашских национально-культурных организаций в течение многих лет прилагают усилия по сохранению этнокомпонента в сельских школах и малокомплектных сельских школах, расположенных в местах компактного проживания этнических меньшинств. В частности, неоднократно направлялись обращения в адрес Президента Российской Федерации, губернаторов Самарской области, министра образования и науки, депутатов обеих палат Законодательного собрания Российской Федерации и Самарской губернской думы. Активное участие лидеры «национальной» общественности принимали в обсуждении поправок в действующий ФЗ «Об образовании» и в обсуждении проекта нового ФЗ. Несмотря на усилия общественности, ситуация продолжает ухудшаться, и число общеобразовательных школ, в которых представители этнических меньшинств имеют возможность изучать родной язык и другие предметы этнокомпонента, сокращается.

Политическая элита региона традиционно повышенное внимание оказывает такому направлению этнонациональной политики, как поддержка этнокультуры: в частности, праздничные мероприятия используются как социальный, а нередко и как политический ресурс. Общественные национально-культурные организации на проведение традиционных праздников и фестивалей, а их ежегодно проводится более сотни, получают финансовую поддержку из бюджета области и муниципалитетов. Все более активно в финансировании этнокультуры, этнонациональной деятельности участвуют спонсоры, предпочитающие вкладывать средства в «свой народ», в «родную культуру».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Возможности развития этнокультуры предусматривались в таких областных целевых программах, как «Развитие культуры села» (2003–2005 гг.), «Развитие культуры малых и средних городов Самарской области» (2004–2007 гг.), «Патриотическое воспитание граждан Самарской области» (2002–2005 гг.). В настоящее время эти возможности заложены в новом «Плане мероприятий «Развитие культуры села на 2008–2010 гг.», «Концепции патриотического воспитания граждан в Самарской области» и «Плане мероприятий по патриотическому воспитанию граждан в Самарской области на 2007–2010 гг.», программе «Стратегия государственной молодежной политики в Самарской области на 2006–2015 гг.», «Плане мероприятий по духовно-нравственному образованию граждан в Самарской области на 2008–2012 гг.».

² Мухаметшина Н. Самарская область // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных госу-

дарствах: ежегодный доклад 2010 Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2011. С. 320.

Самарская область оказалась одним из немногих субъектов, в которых этнонациональная политика изначально включалась в компетенцию структур общего профиля. В разные годы этнонациональной политикой занимались Комитет по социальным вопросам Администрации области; отдел по взаимодействию с общественными организациями, по делам национальностей и религиозным конфессиям Администрации области; Главное управление общественных, межрегиональных связей и информационной политики; департамент гуманитарного развития региона администрации губернатора; министерство культуры, молодежной политики и спорта Правительства области; Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества аппарата Правительства области; департамент по информационной политике и связям с общественностью Правительства области; департамент по информационной политике и взаимодействию с институтами гражданского общества аппарата Правительства области. В настоящее время этнонациональная политика находится в ведении департамента по связям с общественностью и экспертной деятельности администрации губернатора.

Частые изменения структуры управления обусловлены в первую очередь транзитным состоянием российского общества и системы управления в целом. Однако на практическом уровне не могла не отразиться эклектичность и концептуальная слабость самой модели государственной национальной политики. Региональная модель, постоянно дрейфуя между собственно этнонациональной политикой и институциями гражданского общества, оказалась недостаточно подготовленной к восприятию новых концептуальных подходов, предложенных Стратегией государственной национальной политики.

дарствах: ежегодный доклад 2010 Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2011. С. 320.

³ На территории Самарской области есть малочисленные активисты «Союза русского народа», «Русского национального собора», «Славянской Сильи», «Русского монархического фронта», «Волжан», «Спротивления». Иногда проводятся совместные протестные акции, в основном работают в социальных сетях.

⁴ В 2013 г. пройдет III региональный турнир по мини-футболу и II турнир по волейболу

⁵ Справка главного консультанта управления по связям с депутатским корпусом и общественными объединениями департамента по связям с общественностью и экспертной деятельности администрации Губернатора Самарской области

Н.А. Барышная

МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ: НОВЫЙ ФОКУС НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ*

Саратовская область является одним из ключевых элементов миграционного коридора «восток – запад». Через регион только из республик Средней Азии, стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии в год проезжает более 260 тыс. инокультурных мигрантов. Большая часть мигрантов следует транзитом в центральные части России, однако более 15 тыс. чел. ежегодно «оседает» в регионе¹.

Одной из существенных проблем, обусловленной притоком инокультурных мигрантов в Саратовскую область, становится рост этнофобий и ксенофобий. Хотя этот процесс фиксируется повсеместно и не только в России, особую озабоченность вызывают два обстоятельства: динамика и избирательность фобий местных жителей по отношению к определенным этническим группам².

Для целей анализа текущей этносоциальной ситуации, нами в 2012 г. было проведено этносоциологическое исследование в 13 районах Саратовской области, направленное на изучение факторов, влияющих на трансформацию идентичности, как мигрантов, так и принимающего населения. На наш взгляд, именно ценностно-мотивационные, деятельностные и/или патерналистские установки лежат в основе конфигурирования системы социальных (в том числе и этнических) отношений.

Этнокультурная самоидентификация индивидов – одна из важнейших характеристик человека, определяющих для него многие ориентиры в современном мире. У людей чувство общности так долго ассоциировалось с родным языком, культурой, национальными корнями, историей рода, что теперь очень сложно приспособить эту унаследованную идентичность к новым реалиям современной жизни, когда под прессом миграции меняется (иногда достаточно стремительно) структура населения не только отдельных городов, но и районов, регионов, и уходит в прошлое «привычная» национально-культурная однородность.

Возникающее новое региональное сообщество объединяет множество людей с разными этническими корнями и происхождением. Космополитизм, присущий большинству крупных городов (с их атомированностью социальной жизни, скоротечностью контактов, анонимностью отношений), продолжает развиваться. Крупные города по-прежнему продолжают оставаться «культурным триггером», вырабатывающим общегородскую культурную идентичность, основанную на активном смещении культурных стандартов и образцов поведения³.

Однако малые города, муниципальные поселения, поселки городского типа и села с незначительной численностью населения и высокой индивидуализацией/персонификацией социальных контактов, яркой имущественно-территориальной дифференциацией по-прежнему не способны выработать формулу толерантности, ориентированную на интегрирование новых этнических миграционных сообществ – носителей непривычных для местного населения инокультурных ценностей.

Именно малые города, небольшие муниципальные поселения становятся в современной России ареной развития новой национально-культурной политики, ориентированной, с одной стороны, на формирование общегражданской национальной идентичности, а с другой – площадкой, где социальные этнические границы не просто реифицируются, но и становятся более чем реальными в бизнесе (сферах занятости, формируя «расколотый рынок»), доступе к власти, социальным и образовательным ресурсам⁴.

Таким образом, обратной стороной современной национально-культурной политики большей части регионов России (и Саратовской области, в частности) стало усиление тенденций к культурному и социальному размежеванию ради сохранения «привычной картины мира» и устоявшейся системы социальных ориентиров. «Новое» национально-культурное разнообразие (основанное на «внезапно» привнесённых

* Исследование проводилось в ноябре – декабре 2012 года. Выборка квотная, многоступенчатая, репрезентативная по полу, возрасту, уровню образования и занятости. Для расчета выборки использовались данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Объем выборки – 3800 человек. Погрешность исследования не превышает 3%.

инокультурных стандартах), не освоенное и не трансформированное в социальный капитал, становится опорой деструктивных процессов, почвой для социальных, межэтнических конфликтов. Волна этнокультурного самовыражения еще недавних мигрантов вызывает острую реакцию у большинства населения, замешанную на обидах и многочисленных фобиях.

Фактически, необходимо признать, что рост культурного разнообразия (за счет увеличения миграционных процессов, в первую очередь) стал одним из факторов, дестабилизирующих современное российское общество. Большинство населения, по результатам проведенного исследования, оказалось не в состоянии проявить терпимость, согласие, принять в свое сообщество новых членов – носителей иных культурных ценностей, тех, кто заведомо находится на более низкой социальной ступени, предоставив им не только социальные гарантии, но и право на этнокультурное самовыражение, реализацию их собственной этнокультурной идентичности.

Характерным элементом современной ситуации стало то, что государство (в лице разного рода администраций и органов власти) объектом «национально-культурной» политики выбрало не население (во всем его многообразии), а административно-юридических агентов – зарегистрированные общины диаспор (национально-культурные центры). Последствия подобной политики – «избирательное действие», когда в фокусе внимания государства оказывается не все население, а отдельные его сообщества, или, если быть точнее, отдельные этнические предприниматели, использующие свою этнокультурную идентичность как ресурс извлечения материальных и политических выгод.

За пределами внимания власти осталось как местное (принимающее) население, так и общины, которые если и имеют некий юридический статус, но не входят во фронт «приближенных». В частности, несмотря на наличие юридически зарегистрированных национально-культурных сообществ азербайджанцев и армян в городах региона, они максимально дистанцируются от участия в общественных, политических и социально-экономических мероприятиях. Исключение составляет деятельность на региональном уровне – политическом, обязывающем позиционировать присутствие общины в региональном контексте.

Местное (принимающее) население, лишенное, в силу объективных причин, возможности оценить позитивные последствия роста культурного многообразия, не чувствует потребности в культурном диалоге с иммигрантами, испытывает дискомфорт от контактов с иными поведенческими установками и социальными стереотипами, которые «нарушают» представления о «цивилизованных» нормах общения. Старожилы локальных сообществ

воспринимают рост культурного многообразия как разрушение привычной картины мира, как внешние насилие и угрозу. В этих условиях возникает скорее потребность в самозащите, а не желание принять и защитить «иных».

Подобную реакцию демонстрируют и инокультурные мигранты (особенно если говорить о прибывших из небольших поселений, сел республик Средней Азии), пополняющие ряды общин диаспор и этнических меньшинств. Столкнувшись с новой для них культурой, достаточно высоким темпом и насыщенностью жизни, с ее разнообразием, «раскованностью», часто циничным отношением к пожилым людям, женщинам и детям, они просто шокированы состоянием «цивилизации», в которую планировали интегрироваться и с чем связывали будущее своих детей. У них «свои» взгляды и другие «нормы», и они видят свою цель в их продвижении ради улучшения общей ситуации. Каждая из сторон утверждает свою правоту и использует массу культурных (и не только) аргументов, стереотипов, мифов, историй, работающих как на культурную интеграцию, так и против нее⁵.

В настоящее время при анализе эффективности реализации региональной национально-культурной политики доминирующим должен стать подход, в рамках которого детерминантами этносоциальной напряженности (как ключевого последствия, роста культурного многообразия с точки зрения доминирующего дискурса) рассматриваются объективированные и необъективированные притязания как принимающего населения, так и мигрантов, то есть мотивированное желание людей обладать, пользоваться (располагать) материальными благами, разнообразными услугами и социальными позициями. Нереализованность таких личных желаний обуславливает формирование претензионной депривации и, по нашему мнению, определяет характер этносоциальной напряженности⁶.

Сложность ситуации определяется тем, что, опираясь на собственные длительные исследования, можно констатировать, что существует устойчивая связь между разрывом социально-культурных и социально-экономических ожиданий этнических иммиграционных сообществ (инокультурных мигрантов) в отношении принимающей территории (местного населения, условий работы, интеграции в местное экономическое пространство и т.д.) и результирующими социальными практиками (в том числе и дискриминационными) местного населения в отношении инокультурных мигрантов. Также как и в обратном направлении, существует разрыв в отношении ожиданий местного населения по отношению к прибывающим мигрантам и социальным поведением (социальными практиками) инокультурных мигрантов. Уровень/структура разрыва между ожиданиями и фактической оценкой

ситуации «здесь-и-сейчас», по сути, и должна являться определяющим аспектом эффективности национально-культурной политики как на местном, так и на региональном уровне.

Реализация этого подхода в системе регионального управления этносоциальными и этнополитическими процессами способна существенно повысить эффективность, гибкость и оперативность. Декомпозиция «окна возможностей» формируется принимающим населением в отношении мигрантов по социальной, культурной, экономической, политической плоскостям. Встречная декомпозиция «окна желаний» формируется инокультурными мигрантами. Их совмещение позволяет очертить как спектр возможных взаимных стратегий по [взаимной]интеграции, так и выявить с достаточной степенью достоверности проблемные точки взаимодействия, в которых происходит аккумуляция этносоциальной напряженности.

Например, проведенное исследование показало, что реальный уровень толерантности местного (принимающего) населения является невысоким. Местные жители (те, кто родился в области или прожили в регионе более 25 лет), в подавляющем большинстве своем, сводят «возможности публичного проявления» иммигрантов исключительно к сфере обслуживания, низкоквалифицированной рабочей силе, минимальному уровню оплаты труда и без права участия в социальной, культурной, политической жизни местных сообществ.

С другой стороны, иммигранты, прибывая в регион, ожидают встретить отношение к себе как к равному, ожидают получить приемлемые условия труда, быта, возможности удовлетворять свои культурные потребности, получить возможность пользования социальными лифтами (особенно это важно для тех, кто планирует

остаться жить в России на длительный срок или остаться на ПМЖ). Однако, начиная с пересечения границы, приезжие испытывают на себе значительный [около]законодательный, социальный и культурный пресс, что приводит к росту фрустрации, а в ряде случаев к конфликтам с принимающей стороной.

Таким образом, можно сделать вывод, что совмещение оценок ожиданий иммигрантов и принимающего населения позволяет оценить потенциальные «болевы точки», являющиеся коллекторами этносоциальной напряженности. При этом одним из ключевых показателей является «дрейф идентичностей», фиксируемый как смещение ценностно-мотивационных и ценностно-достижительных установок. Понимание идентичности/[само]идентификации не как статичного объекта, а как процесса, подверженного влиянию извне, позволяет в этих условиях очертить спектр вероятных стратегий взаимодействия. «Размывание» границ [этнокультурной]идентичности индивидов, как и [ре]конфигурирование социальных границ внутри локального сообщества в современных условиях — неизбежно⁷. В этих условиях очень важно выработать «формулу интеграции», при реализации которой бы не только адаптировались и интегрировались инокультурные иммигранты, но местные жители были бы готовы к необратимому процессу роста культурного многообразия, понимая и осознавая все плюсы и минусы этого процесса. Необходимо привнесение в систему регионального управления национально-культурной политикой понимания, что интеграция — это «двустороннее шоссе», что без активного участия населения ни один регион не станет иммиграционно привлекательным, что вкупе с серьезными демографическими рисками приносит риски и репутационные.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По данным УФМС России по Саратовской области // URL: www.ufms-saratov.ru/press

² Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Факторы восходящей социальной мобильности представителей мигрантских этнических меньшинств в российских локальных социумах. М.: ИС РАН., 2006.

³ Вендина О.И. Культурное многообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / Институт Кенана; под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.

⁴ Мокин К.С. Саратовская область: местное население VS мигранты // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред.

В. Степанова и В. Тишкова). М.: ИЭА РАН, 2008.

⁵ Тишков В. Исторический феномен диаспоры// Исторические записки. 2000. № 3 (12).

⁶ Доклад о развитии человека 2009 // Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер. с англ.; ПРООН.-М., 2009; см. также обзор докладов конференции: Migratory Processes in Europe: Evolution of the migratory interaction of the EU and Central and Eastern European countries / Central European University. Ukraine, Odessa, 2010.

⁷ Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009.

Е.И. Клементьев

А.А. Кожанов

В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ (на примере деятельности организаций прибалтийско-финских народов Карелии)

С 1989 до 2008 г. в республике возникло более 15 общереспубликанских и региональных организаций трех прибалтийско-финских народов республики, среди которых ведущее место занимают «Союз карельского народа», «Общество вепсской культуры» и «Ингерманландский союз финнов Карелии»¹.

Одно из основных направлений деятельности всех общественных организаций было связано с решением вопросов сохранения, развития и использования культурно-языкового наследия народов.

Совместные усилия активистов национальных движений позволили создать организационную, материальную и правовую базу для решения этих вопросов. В структуре исполнительной власти республики был создан специальный орган – Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям (1992 г.), приняты «Программа развития национальной школы на 1991–1995 годы» (1990 г.), «Концепция развития культуры и языка карел, вепсов и финнов Республики Карелия» (1993 г.), республиканские законы «О культуре» (1994 г.), «Об образовании» (1997 г.), по которому карелам и вепсам создавались условия для получения основного общего образования на родном языке; создан Фонд национального возрождения малочисленных народов Карелии (1992 г.); открылся Центр национальных культур (1992 г.). В вузах открылись кафедры карельского и вепсского языков, в 1993 г. в Петрозаводском государственном университете был создан факультет прибалтийско-финской филологии и культуры, а в 1994 г. открыта финно-угорская школа в Петрозаводске. С 1992 г. начало работать национальное издательство «Периодика».

Подход национальных движений к решению этих вопросов имел некоторые особенности.

Для «Общества вепсской культуры» характерен комплексный подход. Активистами общества были изданы вепсский букварь, учебник для 2 класса (1991 г.), а затем для 3–4 классов (1994 г.) и книги для внеклассного чтения (1998 г.). Обще-

ство провело ряд мероприятий, посвященных Году вепсской культуры (1992 г.), с 1994 г. на вепсском языке стала издаваться газета «Kodima» («Родная земля»), вепсская речь звучала по радио и телевидению, для детей и юношества на вепсский язык были переведены Библия и эпос «Калевала» (2003 г.). Заметные успехи были достигнуты в развитии вепсской литературы.

Возрождение культуры и языка рассматривалось как часть общей программы возрождения народа – решения демографических проблем, повышения уровня социально-экономического развития территории проживания вепсов, развития самоуправления, правовой защиты интересов народа.

Представители общества приняли активное участие в разработке закона «О правовом статусе национального района, национального поселкового и сельского Советов Республики Карелия» (1991 г.). На территории компактного расселения вепсов в Карелии было образовано 3 национальных сельских Совета, затем Вепсская национальная волость.

В 1992 г. статус «национального» получил и Калевальский район, на территории которого проживает группа северных карел.

Однако в июне 2001 г. этот закон был признан утратившим силу. Без согласования с администрацией волости и с вепсской общественностью Вепсская национальная волость и национальные сельские советы были ликвидированы и включены в состав Прионежского района.

«Общество вепсской культуры» добилось включения вепсов в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (2000 г.) и в Перечень коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (2006 г.), что вызывает неоднозначную реакцию, но рассматривается активистами общества как средство поддержания этноса.

«Ингерманландский союз финнов Карелии» организовывал кружки по изучению финского языка для детей и взрослого населения, ежегодно

Эксперты Сети этнологического мониторинга

ТИШКОВ
Валерий Александрович

Россия, г. Москва, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН.

Основатель и руководитель Сети этнологического мониторинга EAWARN

АККИЕВА
Светлана Исмаиловна

Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

Эксперт Сети EAWARN с 1995 г.

АСТВАЦАТУРОВА
Мая Арташевна

Россия, г. Пятигорск, доктор политических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного лингвистического университета.

Эксперт Сети EAWARN с 2000 г.

БАРЫШНАЯ
Наталья Александровна

Россия, г. Балаково, кандидат политических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Эксперт Сети EAWARN с 2006 г.

БЕЛЯКОВ
Роман Юрьевич

Россия, Республика Татарстан, г. Казань, кандидат исторических наук, заместитель руководителя департамента по вопросам внутренней политики Аппарата Президента Республики Татарстан.

Эксперт Сети EAWARN с 2003 г.

БОЙКО
Иван Иванович

Россия, г. Чебоксары, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Эксперт Сети EAWARN с 2000 г.

ВЕЛЕШКО
Елена Николаевна

Украина, АР Крым, Артек, Гурзуф, кандидат политических наук, доцент Крымского гуманитарного факультета Национального педагогического университета им. М. Драгоманова.

Эксперт Сети EAWARN с 2002 г.

ВЕРЕЩАГИНА
Александра Владимировна

Беларусь, г. Минск, доктор исторических наук, зав. отделом народоведения Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси

Эксперт Сети EAWARN с 1997 г.

Эксперты Сети этнологического мониторинга

ВОЛГИН
Владимир Леонидович

Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, кандидат политических наук, заместитель директора Калмыцкого филиала Московской академии экономики и права.

Эксперт Сети EAWARN с 1997 г.

ВОРОНЦОВ
Владимир Степанович

Россия, Удмуртская Республика, г. Ижевск, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Эксперт Сети EAWARN с 2002 г.

ГАБДРАФИКОВ
Ильдар Махмутович

Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН

Эксперт Сети EAWARN с 1993 г.

ГОЛУНОВ
Сергей Валерьевич

Россия, г. Волгоград, доктор политических наук, доцент, научный сотрудник Центра исследований отношений между ЕС и Россией Тартуского университета (Эстония).

Эксперт Сети EAWARN с 2000 г.

ГУРКО
Александр Викторович

Беларусь, г. Минск, доктор исторических наук, доцент, ученый секретарь Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси.

Эксперт Сети EAWARN с 1997 г.

ДЗУГАЕВ
Коста Георгиевич

Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова.

Эксперт Сети EAWARN с 1999 г.

ЗЕПА
Бригита

Латвия, г. Рига, доктор социальных наук, профессор Латвийского университета, директор Балтийского института социальных наук.

Эксперт Сети EAWARN с 1996 г.

ИГНАТЬЕВА
Ванда Борисовна

Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, кандидат исторических наук, зав. сектором этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Эксперт Сети EAWARN с 2002 г.

Эксперты Сети этнологического мониторинга

КАЛЬМИНА
Лилия Владимировна

Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Эксперт Сети EAWARN с 2004 г.

КАН
Валерия Сергеевна

Россия, Республика Тыва, г. Кызыл, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии и политологии Тувинского института гуманитарных исследований.

Эксперт Сети EAWARN с 2009 г.

КЛЕМЕНТЬЕВ
Евгений Иванович

Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Эксперт Сети EAWARN с 1993 г.

ЛИЦЕНБЕРГЕР
Ольга Андреевна

Россия, г. Саратов, доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Эксперт Сети EAWARN с 2003 г.

МАРТЫНЕНКО
Александр Валентинович

Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, доктор исторических наук, профессор Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева.

Эксперт Сети EAWARN с 2002 г.

МОКИН
Константин Сергеевич

Россия, г. Балаково, доктор социологических наук, директор АНО «Независимый институт социальных исследований».

Эксперт Сети EAWARN с 2003 г.

МОТРИЧ
Екатерина Леонидовна

Россия, г. Хабаровск, доктор экономических наук, заведующая сектором проблем социального развития (Институт экономических исследований ДВО РАН).

Эксперт Сети EAWARN с 2001 г.

МУХАМЕТШИНА
Наталья Семеновна

Россия, г. Самара, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии, социологии и права Самарского государственного архитектурно-строительного университета.

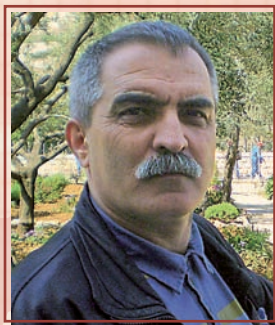
Эксперт Сети EAWARN с 2001 г.

Эксперты Сети этнологического мониторинга

**НАМ
Ирина (Ираида)
Владимировна**

Россия, г. Томск, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета.
Эксперт Сети EAWARN с 1997 г.

**ОЛИМОВ
Музаффар
Абдуваккосович**

Республика Таджикистан, г. Душанбе, доктор исторических наук, профессор Научно-аналитического центра «Шарк».
Эксперт Сети EAWARN с 1996 г.

**ОЛИМОВА
Саодат Кузиевна**

Республика Таджикистан, г. Душанбе, доктор исторических наук, профессор Научно-аналитического центра «Шарк».

Эксперт Сети EAWARN с 2002 г.

**ПЕТРОСЯН
Давид**

Армения, г. Ереван, политобозреватель частного информационного холдинга «Ноян Тапан».

Эксперт Сети EAWARN с 1998 г.

**ПОЛЕЩУК
Вадим Владимирович,**

Эстония, г. Таллин, магистр права, юрист-аналитик Центра информации по правам человека.

Эксперт Сети EAWARN с 2004 г.

**САВВА
Михаил Валентинович**

Россия, г. Краснодар, доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью Кубанского государственного университета.

Эксперт Сети EAWARN с 2002 г.

**САВИН
Игорь Сергеевич**

Казахстан, г. Чимкент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ «История, археология, этнология» Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова.

Эксперт Сети EAWARN с 1993 г.

**СЕНЮШКИНА
Татьяна Александровна**

Украина, г. Симферополь, доктор наук государственного управления, профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского.

Эксперт Сети EAWARN с 1998 г.

Эксперты Сети этнологического мониторинга

СИМОНОВ
Игорь Валентинович

Россия, г. Нижний Новгород, кандидат философских наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета.

Эксперт Сети EAWARN с 2002 г.

СТЕПАНОВ
Валерий Владимирович

Россия, г. Москва, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, исполнительный директор сети.

Эксперт Сети EAWARN с 1995 г.

ФИЛИПОВА
Елена Ивановна

Россия, г. Москва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (исполнительный директор Этномониторинга EAWARN в 2000–2007 гг.).

Эксперт Сети EAWARN с 1997 г.

ХАРЧЕНКО
Виктор Алексеевич

Россия, г. Ростов-на-Дону, доктор политических наук, первый секретарь, пресс-секретарь Посольства России в Киргизии.

Эксперт Сети EAWARN с 1997 г.

ХОПЁРСКАЯ
Лариса Львовна

Россия, г. Ростов-на-Дону, доктор политических наук, профессор, консультант Киргизско-Российского славянского университета.

Эксперт Сети EAWARN с 1993 г.

ЧЕРНЫХ
Александр Васильевич

Россия, г. Пермь, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

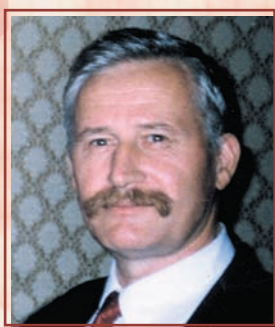
Эксперт Сети EAWARN с 2004 г.

ШАБАЕВ
Юрий Петрович

Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Эксперт Сети EAWARN с 2000 г.

ЮСУПОВ
Муса Мовлиевич

Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, кандидат социологических наук, доцент, директор Центра социально-стратегических исследований.

Эксперт Сети EAWARN с 1996 г.

проводил праздник Дня Инкери, летний праздник «Юханнус», оказывал помощь академическому хору «Инкери», сотрудничал с другими организациями ингерманландских финнов, укреплял свои социально-культурные и деловые связи с Финляндией². Сравнительно меньшее внимание к задачам сохранения языка и культуры, по видимому, можно объяснить следующими причинами: во-первых, финский язык до перестройки считался официальным языком республики и обладал возможностями, хотя и ограниченными, для своего если не развития, то сохранения; во-вторых, с развитием миграции ингерманландцев в Финляндию задачи сохранения языка в республике неизбежно отодвигались на второй план.

В качестве главной задачи рассматривалась реабилитация народа: с 1924 по 1949 г. органами советской власти против финнов было принято 27 репрессивных актов³.

Вопрос реабилитации ингерманландских финнов, в реализации которого, наряду с ИСФК, участвовали различные республиканские и федеральные органы власти и управления, решался с большими трудностями, проволочками и недопониманием⁴.

Принятие постановления «О реабилитации российских финнов» (1993 г.) большинством финской общественности было встречено с одобрением, хотя многие проблемы остались нерешенными⁵.

Преимущественно на решении вопросов этнокультурного развития, сохранения и использования карельского языка была сосредоточена деятельность «Союза карельского народа» и ряда локальных карельских общественных организаций, появившихся в 1990-е гг. («Кестеньгские карелы», Лоухское карельское общество, «Пяозерские карелы», «Ухут-Сеура» и др.)

В первой половине 1990-х годов была воссоздана карельская письменность (1989 г.), с 1990 г. на карельском языке стали издаваться газета «*Oma maa*» («Родная земля»), позднее «*Vienan Karjala*» («Беломорская Карелия»), художественная и учебная литература, словари; создан народный хор «*Oma raju*» («Родная песня»), ряд фольклорно-музыкальных коллективов; стали регулярно проводиться курсы по изучению карельского языка, курсы повышения квалификации учителей карельского языка, праздники и фестивали карельской культуры и т.д.

Период до середины 1990-х гг. отмечен самыми высокими темпами развития так называемой «национальной школы»: с 1989 по 1995 г. численность школ с преподаванием карельского языка как предмета возросла с 11 до 60, а число школьников, изучающих карельский язык, увеличилось с 301 до 2552⁶.

В те годы многим казалось, что критическую ситуацию с карельским языком еще удастся преодолеть. Особые надежды в решении язы-

ковых задач возлагались на школу. В условиях масштабной языковой и этнической ассимиляции карел она должна была взять на себя функции этнической социализации подрастающего поколения и обеспечить перспективы сохранения и развития языка. Поэтому в течение многих лет активисты карельского движения настойчиво ставили вопрос о создании отдела национальных языков в Министерстве образования, обсуждали вопросы кадрового и учебно-методического обеспечения преподавания карельского языка в школах, открытия национальных дошкольных учреждений и т.д.

Но уже во второй половине 1990-х гг. Союзу пришлось столкнуться со спадом общественной активности, нарастающими темпами языковой ассимиляции карел, принявшими необратимый характер. Вытеснение карельского языка из семейного общения, особенно из общения с детьми, ставило перед Союзом задачу поиска новых подходов к решению проблемы.

Чтобы переломить ситуацию, Союз приступил к активной законотворческой деятельности. При его участии в 1994–1998 гг. было разработано восемь проектов законов о языках, призванных обеспечить правовую базу для сохранения и развития карельского языка, повышения его престижа и конкурентоспособности в глазах карельского населения – главного адресата законопроектов⁷.

Публикация законопроекта в газете «Карелия» от 3 октября 1996 г. сопровождалась многочисленными выступлениями в средствах массовой информации как сторонников, так и противников огосударствления карельского языка⁸. Карельская общественность ожидала, что такое политическое решение парламентариями Карелии будет принято. Однако депутаты Законодательного собрания закон не поддержали.

После многолетнего и длительного обсуждения в марте 2004 г. вступил в силу закон «О государственной поддержке карельского, вепсского, финского языков Республики Карелия»⁹, а в мае 2005 г. – программа к этому закону¹⁰.

Однако неисполнение закона и программы приводило к тому, что темпы развития «национальной школы» стали снижаться. В языковой политике все отчетливее стало ощущаться замалчивание реального положения дел¹¹.

Критическая ситуация второй половины 1990-х гг. вызвала «вторую» волну активности карельского движения: увеличилось число локальных организаций на местах, активизировалась деятельность молодежных организаций («Молодая Карелия» и «Триас»), во второй половине 2000-х гг. возникли новые самостоятельные организации: «Видлицкие карелы» – в Олонецком, «Карельский родник» – в Кондопожском, «Вешкельские карелы» – в Суоярвском, «Тунгудские карелы» – в Беломорском районах.

Деятельность локальных организаций объединяет осознание необходимости решения на местном уровне главной задачи — сохранения карельской культуры и языка. Задачи политического характера в уставных документах практически отсутствуют.

Каждая организация самостоятельно выстраивает траекторию своей деятельности, оборотной стороной чего является их относительная изолированность, партнерские отношения поддерживаются преимущественно в пределах диалектных зон. Связи вне этих территорий, в том числе с петрозаводскими организациями, гораздо слабее.

Многие из новых организаций используют в своей работе IT-технологии, внедряют новые формы деятельности, занимаются организацией языковых лагерей, этнокультурных школ, создают Центры языка и культуры, проводят языковые конкурсы, фестивали, участвуют в организации съезжих праздников, знаменательных дат поселения и т.д. В настоящее время все общественные организации делают акцент на работе с подрастающим поколением, обучая детей навыкам родной речи, привлекая их к участию в различных этнокультурных мероприятиях.

«Ухут-сеура» и «Олонецкие карелы» сочетают в своей деятельности решение культурно-языковых и социально-экономических задач.

Приграничное положение, этнокультурная и языковая близость местного карельского населения к финнам определяют роль контактов с Финляндией в работе «Ухут-сеура». Трансграничное сотрудничество способствует разработке совместных проектов. В пос. Калевала уже с 2001 г. при поддержке финляндской стороны реализуется проект «Kieli pesa» («Языковое гнездо»), по которому в дошкольных образовательных учреждениях общение с детьми ведется только или преимущественно на карельском или финском языках. Постепенно расширяют партнерские связи с Финляндией и организации южных карел.

Некоторые мероприятия локальных организаций постепенно приобретают межрайонный и общереспубликанский характер. Это республиканский фестиваль карельской литературы «Здесь родины моей начало», посвященный памяти классика карельской поэзии В.Е. Брендоева, республиканский фольклорный праздник «Вешкельская ярмарка», гастроли в городах и районах Карелии видлицкого театрального коллектива «Tilkuzet» («Лоскутки»), Дни «Калевалы», республиканский фестиваль карельской песни имени В. Пяллина и др.

Особо подчеркнем наметившуюся тенденцию профессионализации народного творчества. Примером этому являются спектакли видлицкого театрального коллектива «Tilkuzet» («Лоскутки»). С марта 2007 по сентябрь 2010 г. коллектив театра представил на суд зрителей более 20 спектаклей преимущественно на ливвиковском

диалекте карельского языка, принимал участие в районных фольклорных праздниках и фестивалях, организовал ряд конкурсов чтецов и т.д.¹² Детский кукольный театр «Siiviliusku» («Ящерка»), созданный студентами факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского госуниверситета, постоянно выезжает в районы республики, убедительно демонстрируя возможности развития театрального искусства на родном языке.

Члены «Ухут-сеура» принимают непосредственное участие в деятельности Калевальского народного театра, спектакли которого идут на финском языке и северном диалекте карельского языка, театр ставит спектакли русских (А. Островского, В. Розова, С. Алешина и др.), карельских (М. Ремшу, А. Тимонена и др.) и финских (А. Киви, М. Лассила, К. Толвонен и др.) авторов, оказывает поддержку детским фольклорно-драматическим коллективам.

«Молодая Карелия» в своей культурно-языковой деятельности перенесла акцент с сохранения на актуализацию карельского языка в молодежной среде, выбрав сферу современной массовой культуры как наиболее близкую этой аудитории. Организация стала проводить этнофолк-тусовки, этнофолк-марафоны, дискотеки с этнической музыкой. Усилиями «Молодой Карелии» издается сборник популярной в республике группы «Anna tulla» («Заходите сюда»), поддерживается детский кукольный театр «Siiviliusku» («Ящерка») и другие литературные и музыкальные молодежные инициативы.

Большое внимание уделяется издательской деятельности. «Молодая Карелия» была участницей двух масштабных международных проектов: «Продвижение печатного прибалтийско-финского слова в Республике Карелия» (2006–2009 гг.) и «Обучение профессиональному издательскому делу в Республике Карелия» (2006–2008 гг.).

В музыкальных и издательских проектах «Молодой Карелии» явно выражены отказ от консервации национальной культуры в «фольклорно-этнографических» рамках и стремление к созданию новых, профессиональных форм, что, по мнению известного финно-угроведа К. Санукова, является одним из условий национально-культурного возрождения: интерес к этнофутуризму представляет собой вариант приспособления к процессам глобализации и «дает неплохие шансы для «диалога культур» на региональном уровне¹³.

Положив в основу своей деятельности фандрайзинг, «Молодая Карелия» обеспечила своим проектам финансовую поддержку со стороны зарубежных и отечественных фондов.

От большинства карельских организаций «Молодую Карелию» отличает стремление к широкому международным связям. С 1993 г. она является членом Международной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН), представи-

тели организации принимали участие в работе всех пяти Всемирных конгрессов финно-угорских народов. Она участник издания международной финно-угорской газеты «Кудо+коду», международного бюллетеня «МАФУН сообщает». «Молодая Карелия» активно сотрудничает с финляндскими культурно-просветительскими организациями: Обществом М.А. Кастрена (M.A. Castrenin seura), Фондом им. Ниило Хеландера (Niilo Helanderin saatio), Фондом калевальской культуры «Юминкеко» (Juminkeko-saatio), Обществом финской литературы (Suomalaisen kirjallisuuden seura), Обществом карельского языка (Karjalan kielen seura), Карельским просветительским обществом (Karjalan sivistysseura), Культурным фондом Финляндии (Suomen kulttuurirahasto) и рядом других общественных организаций финно-угорских народов.

«Молодая Карелия» первой из карельских организаций создала собственный Интернет-ресурс (<http://nuorikarjala.onego.ru>), детально освещая работу карельских общественных организаций, финно-угорского движения России, а также Финляндии, Венгрии и Эстонии. Информационная открытость, пристальное внимание к отражению своей деятельности в СМИ объясняются «рыночным» подходом к роли и функциям современных общественных объединений.

Одним из важнейших приоритетов ее деятельности в последнее время является организация специализированных языковых групп в детских образовательных учреждениях («языковых гнезд»). К настоящему времени в Петрозаводске и районах республики, несмотря на противодействие со стороны правительственных учреждений федерального и республиканского уровня, создано несколько «языковых гнезд».

«Молодая Карелия» начинает проявлять себя и в сфере этнополитики, подвергнув жесткой критике закон «Об общественных организациях Российской Федерации», затрудняющий международное сотрудничество, действия федерального центра, исключившего национально-региональный компонент из системы школьного образования, республиканские ведомства, ответственные за развитие «национальной» школы.

Слабой стороной ее деятельности является отсутствие постоянной связи с районами республики, что организация пытается компенсировать привлечением сельской молодежи к участию в различных проектах, проведением обучающих семинаров с целью подготовки квалифицированных общественников.

По характеру и направлению своей работы организация «Триас» во многом похожа на «Молодую Карелию», но, в отличие от последней, немногочисленна и не стремится к публичной и политической деятельности. Основной профиль ее работы — это менеджмент в сфере этнокультурной работы, разработка и реализация этнокультурных

и информационно-просветительских проектов, осуществляемых при участии «организаций-доноров» и организаций-партнеров.

«Триас» также принимает активное участие в деятельности МАФУН. Выступая в качестве посредника между фондами и органами власти, «Триас» установил широкие связи в республике и за ее пределами. Работа организации поддерживается правительственными учреждениями РК, районными администрациями и муниципальными учреждениями культуры и образования. Партнерами «Триаса» являются молодежные национальные и общественные организации республики и молодежные организации других финно-угорских народов России. Главными зарубежными его партнерами являются Карельское просветительское общество Финляндии, финляндское Общество карел-людигов, Культурный фонд Финляндии.

Наиболее масштабной является деятельность организации по поддержке двух этнолокальных групп — карел-людигов и тунгудских карел. Цель этих проектов — развитие этнокультурного потенциала территории их проживания. По мнению членов «Триаса», сохранение локальной культуры обеспечивает жизнеспособность территории, культурное своеобразие может использоваться и в прикладных сторонах развития территорий, например, для туризма, развития местных ремесел, «брендинга», то есть большей узнаваемости места¹⁴.

При поддержке финляндского Общества карел-людигов «Триас» и карельское отделение МАФУН организовали проведение детского этнокультурного лагеря в селах Михайловское (Олонецкий район) и Кончезеро (Кондопожский район). Главная задача проекта — ознакомление детей с традиционной и современной культурой карел, изучение карельского языка и общение на нем.

В д. Тунгуда в 2007 г. был открыт Народный дом им. Г.И. Гужиева, местного учителя-историка и краеведа. Выставка «Тунгуда» получила известность в республике и за ее пределами.

Важным направлением деятельности «Триаса» является проведение обучающих семинаров для лидеров молодежных национальных общественных и религиозных объединений. Цель семинаров — обмен опытом реализации проектов, расширение возможностей общественных организаций в межкультурном диалоге и в совместной деятельности¹⁵.

Несмотря на все усилия, стратегическая задача сохранения языкового наследия карел остается не решенной. Ее реализация затруднена сложным сочетанием различных объективных и субъективных факторов. Актуальной проблемой карельского движения является отсутствие новых идей, подходов, задач и форм работы по сохранению карельского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Ингерманландские финны: модели языковой мобилизации; Вепсы: модели этнической мобилизации. Петрозаводск, 2006; Вепсы: модели этнической мобилизации; Петрозаводск, 2007; Карельское национальное движение. Часть 2. Умеренное крыло. Петрозаводск, 2012.

² Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Раздел IV. С. 178–229.

³ Там же. С. 21–22.

⁴ Там же. Раздел II. С. 55–149.

⁵ Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Предисловие. С. 14–17.

⁶ Текущий архив Министерства образования Республики Карелия. Копия.

⁷ См. подробнее: Карелы: модели языковой мобилизации. Раздел II. Проекты законов о государственном языке (государственных языках) Республики Карелия. Петрозаводск, 2005. С. 95–128.

⁸ Там же. С. 129–231.

⁹ Собрание законодательства Республики Карелия. 2004. № 43. Ст. 251.

¹⁰ Собрание законодательства Республики Карелия. 2005. № 6. Ст. 519.

¹¹ См. подробнее: **Е.И. Клементьев**. Современная языковая ситуация и национальная школа // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия. Материалы научно-практической конференции. 31 октября 2004 г. Петрозаводск, 2004. С. 15–21; **Е. Клементьев**. Республика Карелия: правовая ситуация в сфере этнокультурного и языкового образования // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы. М., 2011. С. 101–120; **Е. Клементьев**. Республика Карелия: этнокультурные и языковые потребности школьного обучения // Там же. С. 121–177.

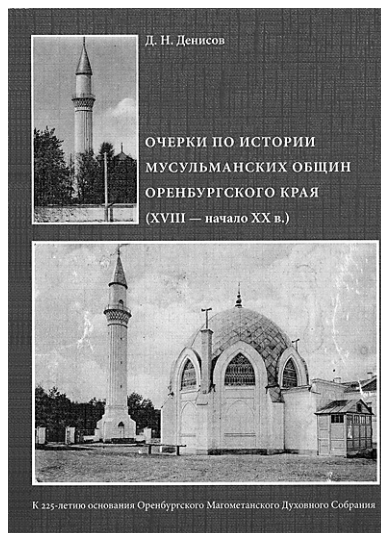
¹² Паспорт театрального коллектива «Тилкузет» // Текущий архив КРОО «Видлищские карельцы».

¹³ **Сануков К.** Финно-угорские народы России в условиях глобализации // Финно-угроведение. 2011. № 1. С. 7, 8.

¹⁴ Инфоцентр FINUGOR.RU // URL: <http://finugor.ru/node/13463>. 20 мая 2010 г.

¹⁵ Правовой статус организации // Текущий архив КМОО «Триас».

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

Д.Н. Денисов
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН
ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ (XVIII —
НАЧАЛО XX В.)

Москва – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. – 410 с.

Книга посвящена истории формирования и развития мусульманских общин в 8 городах и поселках на территории современной Оренбургской области в XVIII – начале XX веков: Орске, Оренбурге, Соль-Илецке, Илеке, Бугуруслане, Бузулуке, Сорочинске и Абдулине. Издание адресовано историкам, исламоведам, а также всем, кто интересуется прошлым Южного Урала.

В.А. Харченко

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРАХ РОССИИ И КИРГИЗИИ)

Результатом развития конфликтологического знания в XX в. стало формирование самостоятельной науки конфликтологии, основными парадигмами которой выступают: признание конфликтов в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений; наличие негативных и позитивных функций конфликта; выделение объективных и субъективных оснований конфликта; утверждение принципиальной возможности управления конфликтами. Завершение формирования классической конфликтологии было обозначено Дж. Бертоном, отметившим, что в современных условиях основная задача состоит в переходе к созданию теории и «техники» разрешения конфликтов, т.е. формированию практической конфликтологии¹. Для политической конфликтологии такая постановка вопроса оказалась наиболее значимой.

Специфика политической конфликтологии, оформившейся в конце XX в., заключается в том, что в качестве предмета своего исследования она имеет затяжные социальные конфликты, которые разделяются на межгосударственные и внутригосударственные. Внутригосударственный конфликт отражает социальное и политическое положение различных групп в государстве, вытекающее из их этнических, языковых, религиозных, клановых, политических и социальных характеристик. В настоящее время является общепризнанным, что внутригосударственные межэтнические конфликты становятся одной из ключевых угроз национальной и мировой безопасности. Основные характеристики внутригосударственного конфликта состоят в следующем: конфликт происходит между группами с различной идентичностью, когда хотя бы одна из этих групп ощущает неудовлетворенность своих потребностей в равенстве, безопасности и политическом участии; предметом конфликта является доступ к власти недовольной стороны; на динамику конфликта могут оказывать влияние культурно близкие государства, диаспоры, вмешательство международного сообщества;

зачастую конфликты имеют давние исторические корни².

Внутригосударственные конфликты очень часто оказываются связанными с этничностью, когда сторонами конфликта по поводу власти выступают этнические группы. Весьма актуально исследование внутригосударственных межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, где исторический процесс распада СССР можно будет считать завершённым только при условии состоявшейся государственности постсоветских стран, их реальной независимости и переходе к демократии, предполагающей конституционное обеспечение прав этнических меньшинств³.

Анализ внутригосударственных межэтнических конфликтов, особенно насильственных и деструктивных, на локальном и региональном уровнях выступает необходимым условием их предупреждения и разрешения, поскольку подобные конфликты могут привести к изменению политико-правового статуса региона; выходу отдельных территорий из состава государства; даже распаду государства. Следует различать объективные и субъективные основания внутригосударственных конфликтов, которые не совпадают с их непосредственными причинами, группирующимися по основным сферам жизни общества: экономические, политические, социальные, духовно-культурные. Объективные основания формируют ситуацию разделения населения на «своих» и «чужих» и воспроизводят факторы, затрудняющие реализацию модели интеграции в полиэтничных обществах. Устранение причин конфликтов без учета их оснований не приводит к долгосрочной стабилизации межэтнических отношений.

По мнению автора, основаниями внутригосударственных межэтнических конфликтов, прежде всего, являются резкая смена этнического состава населения и этнополитическое неравенство, выступающие основными условиями их созревания, а также формирование дисбалансных этнических стереотипов, являющихся

ключевым индикатором внутригосударственных межэтнических конфликтов.

Как уже было сказано, объективной причиной возникновения внутригосударственных межэтнических конфликтов является быстрая смена этнического состава того или иного населенного пункта или региона, которая, как правило, связана с массовыми этническими миграциями. Причем в принимающих странах конфликты становятся следствием миграции, а в отдающих — ее причиной⁴.

Так, миграция постсоветского периода в значительной степени изменила этническую структуру и традиционные ареалы расселения этнических групп на Юге России. В то же время она создала здесь комплекс серьезных социально-экономических и политических проблем. Приток мигрантов способствовал росту цен на недвижимость, усилению конкуренции на рынке труда, снижению уровня жизни населения, обострению других социальных проблем, прежде всего в области образования и здравоохранения. Значительные перегрузки испытывала социальная инфраструктура регионов, не рассчитанная на такое количество населения. Поселенческие сообщества оказались не готовы к образованию на своей территории компактных иноэтничных анклавов, ориентированных на сохранение привычных им социокультурных норм.

Наличие перечисленных проблем вызвало к жизни мигрантофобию и привело к локальным межэтническим конфликтам между старожильческим и мигрантским населением. Принципиально важным в данном случае является преобладание социально-экономического или социокультурного компонента этих конфликтов, в частности, как правило, в ходе противостояния с этническими мигрантами старожильческим населением выражалось недовольство и выдвигались требования, связанные с сохранением его привычной социокультурной среды и экономических возможностей⁵.

Но миграции конфликтогенны не только для принимающих, но и для отдающих государств⁶. Последние «теряют» граждан, обладающих высокой квалификацией, их налоговые поступления; кроме того, изменяется возрастная, социальная, образовательная и, что очень важно, этническая структура населения страны. Каждое из этих изменений потенциально конфликтно. Например, в Киргизии резко увеличилась частота межэтнических конфликтов киргизского, так называемого «титульного» населения с представителями этнических меньшинств, численность которых в Киргизской Республике неуклонно снижается.

При всей внешней схожести локальных межэтнических конфликтов в России и в Киргизии последние носят иной характер, поскольку недовольство и требования касаются формирования нового порядка взаимоотношений киргизов как

доминирующей этнической группы (так называемой «титульной» нации) во всех сферах жизни общества: политической, экономической, социальной и духовно-культурной. Иными словами, объективным основанием конфликтов в данном случае выступает политическое неравенство этнических групп. Для его обоснования используются различные теоретические и политические концепции выделения особой роли киргизского населения в государственном строительстве КР: концепция «титульной нации», концепция «конечного этноса», концепция консенсусного национализма; проект формирования единого народа «кыргызы»⁷. По мнению автора, их объединяет подмена понятий «межэтническая интеграция» и «ассимиляция», во всех этих концепциях модель межэтнической интеграции предлагается усовершенствовать, превратив ее в модель ассимиляции, предполагающую утрату этнических свойств, изменение этнической идентичности и самосознания «нетитульных» этносов.

Следует подчеркнуть, что во многих новых независимых государствах именно ассимиляция была провозглашена в качестве условия совместного проживания доминирующего населения и меньшинств. В принимающих регионах России попытки реализовать эту же модель предпринимались, в большинстве случаев, на локальном уровне. В то же время представителями меньшинств и в России, и в Киргизии ассимиляция воспринимается как процесс утраты основных этнических характеристик, выражающийся, прежде всего, в изменении самосознания и самоназвания, типа семьи и демографического воспроизводства, что вызывает их активное сопротивление.

Подводя итог рассмотрению объективных оснований локальных межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, можно сделать вывод, что им присущи такие общие черты, как разделение населения на «своих» и «чужих», а также неготовность численно и политически доминирующих этнических групп, этнических меньшинств и власти к реализации модели интеграции.

Наряду с объективными основаниями внутригосударственных межэтнических конфликтов, не меньший интерес представляет исследование их субъективной составляющей — дисбалансных этнических стереотипов. Появление последних выступает важнейшим индикатором «вступления» общества в конфликт, их широкое распространение — свидетельством готовности к политизации конфликта, а прекращение их функционирования — показателем его разрешения.

Важно, что стереотипы отражают различия между этническими группами, фиксируя совокупность представлений о действительных или воображаемых чертах собственной этнической группы (автостереотип) и совокупность представлений о других этнических группах (гетеростереотип)⁸.

При этом автостереотипы и гетеростереотипы выступают взаимозависимыми компонентами группового самосознания. Автостереотипы и гетеростереотипы различаются по содержанию, первые чаще положительные, вторые варьируются от негативных до позитивных. Для конкретизации их содержания исследователи предложили выделять стереотипы презрения, восхищения, зависти и патернализма, а автор объединил их в одну группу и дал им название дисбалансных, поскольку их появление сигнализирует о возникновении конфликта, а распространение способствует повышению уровня конфликтности в полиэтничном обществе.

В своих выводах автор опирается на результаты эмпирических исследований авто- и гетеростереотипов русских и чеченцев в Ростовской области, киргизов и представителей этнических меньшинств в Киргизии. Результаты социологических опросов зафиксировали дисбаланс авто- и гетеростереотипов в обоих случаях. Так, результаты социологического опроса в сельских районах Ростовской области⁹ показали, что социально-психологические портреты, данные группами респондентов друг другу (гетеростереотипы), свидетельствуют о достаточно большой психологической напряженности в общении русских с чеченцами. Причем последние не наделили русских ни одним из положительно оцениваемых качеств. Очевидно, что такое восприятие друг друга не способствует взаимному уважению и нормальной интеграции чеченцев в принимающее общество. Вместе с тем обобщенные выводы исследования еще раз подтвердили заключение о том, что превышение миграционной емкости принимающих регионов служит основной причиной локальных межэтнических конфликтов на Юге России.

Проведенные исследования русско-киргизских стереотипов в Киргизстане показали, что бинарные отношения авто- и гетеростереотипов строятся по принципу снижения заслуг одной этнической группы и возвеличивания своей¹⁰. Выявленная проблема несоразмерности авто- и гетеростереотипов киргизов, с точки зрения автора, весьма важна, поскольку все локальные конфликты в Киргизии, сторонами которых были киргизы и представители различных этнических групп, сопровождалась не только ростом взаимных негативных гетеростереотипов, но увеличением «некритичности» самооценки киргизов. В то же время опыт межэтнических конфликтов в разных странах показал, что доминирование автостереотипов восхищения и гетеростереотипов презрения и зависти ведет к конфронтационности этнических групп. В Киргизии наиболее зримо это проявилось в киргизско-узбекских отношениях.

По мнению автора, этнические автостереотипы превосходства и негативные гетеростереотипы,

транслируемые отдельными персоналиями и не получившие соответствующей правовой и политической оценки в условиях внутренней нестабильности, свидетельствуют о потенциальной возможности повторения внутригосударственных межэтнических конфликтов.

Необходимо отметить, что прогноз возможности этнических конфликтов и этнического насилия в Киргизстане был сделан республиканскими экспертами еще в 2006 г. Ими были выявлены следующие причины межэтнической напряженности: 1) низкий уровень материальной обеспеченности основных этнических групп населения региона; 2) перекосы в кадровой политике; 3) разделение по этническому признаку в сфере трудовой занятости; 4) усиление степени активности националистических объединений и организаций; 5) наличие фактического неравноправия в различных сферах социальной жизни основных этнических групп региона; 6) усиление масштабов проявления бытового национализма¹¹. В то же время такой важный процесс, как массовая внутренняя миграция, не был включен в число конфликтогенных факторов, хотя именно миграция киргизского сельского населения стала одним из определяющих социальных процессов, нашедших отражение в политической ситуации.

К конфликту на юге республики в 2010 г. независимый Киргизстан пришел достаточно закономерно. Если в первый период суверенизации на население определенное влияние оказывала официальная политика под лозунгом «Киргизстан – наш общий дом», то между революциями 2005 и 2010 гг. все большее значение стали приобретать факторы этнонационализма. В «межреволюционный» период в Киргизской Республике зафиксирован ряд конфликтных ситуаций, которые в оценках экспертов были квалифицированы как столкновения на межэтнической почве (наибольший общественный резонанс получили конфликты в селах Искра, Петровка), а также конфликты, связанные со стремлением узбекского населения к получению более высокого социально-политического статуса путем признания узбекского языка в качестве официального (наравне с русским языком)¹². Во всех конфликтных случаях причинами выступали не решенные властью проблемы собственности, правового статуса, образовательной и языковой политики.

Несмотря на неоднократные сообщения о межэтнических столкновениях в Киргизии и усиленное внимание к ним со стороны местных СМИ, международных организаций и политсообщества страны, внутренние межэтнические конфликты так и не были включены в состав угроз национальной безопасности Киргизской Республики, обозначенных в Концепции национальной безопасности КР, принятой в 2009 г.¹³.

Правомерность тревоги экспертов подтвердил открытый киргизско-узбекский межэтнический конфликт на юге Киргизской Республики 10–14 июня 2010 г., когда произошли массовые столкновения киргизов и узбеков, сопровождавшиеся погромами, поджогами, мародерством, убийствами и приведшие к многочисленным жертвам с обеих сторон. Для его расследования была создана Международная независимая комиссия (ИКК) во главе с К.Кильюненом, членом Парламента и Специальным Представителем Парламентской Ассамблеи ОБСЕ по Центральной Азии. Созданию комиссии предшествовали широкие консультации с многочисленными международными институтами, включая ООН, ОБСЕ, ЕС, СНГ и офис Верховного комиссара по правам человека, по итогам консультаций был выработан и одобрен мандат Международной Комиссии. Подобный формат создания и деятельности Международной Комиссии на постсоветском пространстве был реализован впервые.

Реакция международного сообщества основывалась на подходе, согласно которому «вопросы, касающиеся национальных меньшинств, а также соблюдения обязательств по международному праву и международных обязательств в отношении прав принадлежащих к ним лиц, являются вопросами, вызывающими законную международную озабоченность, и, следовательно, не являются исключительно внутренним делом соответствующего государства»¹⁴.

Подводя итоги работы Комиссии, ее председатель сделал важный вывод о том, что «основная причина трагедии на юге Киргизстана – политический фанатизм этнонационализма». Согласно рекомендациям Комиссии, руководству республики следует занять прочную публичную позицию против крайнего национализма и этнической исключительности и заявить, что Киргизстан представляет собой мультиэтническое общество, а также способствовать интеграции этнических меньшинств во все сферы общественной жизни»¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Burton J. (ed.) Preface to the series. Introduction // Conflict: Human needs theory. Vol. 2. London: Macmillan, 1990.

² Azar E. The Management of Protracted Social Conflict. Aldershot: Dartmouth, 1990. P. 18.

³ Маркедонов С.М. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Academia, 2010. С. 11.

⁴ Миграционная ситуация в странах СНГ / под ред. Ж.А. Зайончковской; Центр изучения проблем вынужденных миграций в СНГ. М.: Комплекс-Прогресс, 1999.

⁵ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России. 2000–2005 гг. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

В международных кругах Отчет получил высокую оценку, в самой Киргизской Республике были высказаны прямо противоположные мнения. С точки зрения автора, при всей неоднозначности оценок выводов и рекомендаций Международной Комиссии, несомненную значимость представляет тот факт, что, выполняя оценочную и критическую функции, она исследовала причины нарушения прав этнических меньшинств, оказала определенное содействие органам власти в поиске «узких» мест в этнической политике, предложила соответствующие рекомендации, а следовательно, способствовала повышению уровня этнополитической стабильности в Киргизстане.

Результаты работы Комиссии показали, что о перспективах стабилизации ситуации с этническими меньшинствами в Киргизстане международное сообщество будет судить по трем параметрам: во-первых, правовой статус меньшинств, во-вторых, наличие специальных институтов по их защите (существуют ли учреждения, занимающиеся проблемами меньшинств, или обладают ли меньшинства особыми правами на участие в управлении) и, в-третьих, объем государственного финансирования деятельности по поддержке меньшинств (в сфере образования и культуры)¹⁶.

Через три года после июньских событий 2010 г. уровень межэтнической напряженности, к сожалению, остается весьма высоким. Снижение уровня конфликтности в республике, по мнению автора, возможно при следующих условиях: обеспечение верховенства закона, соблюдение всех международных правовых норм, касающихся межэтнических отношений; разрушение дисбалансных этнических стереотипов; обеспечение благоприятных условий для развития культуры и языка всех этнических групп Киргизстана, сохранение их исторического наследия; укрепление местного самоуправления в районах компактно проживающих этнических групп; использование институтов гражданского общества в процессах предупреждения и разрешения межэтнических конфликтов.

⁶ Сабиров А.А. Основные факторы этнополитической стабильности в Кыргызстане. Бишкек: Илим, 2008.

⁷ Омукеева Дж.А. Этническая политика Кыргызского государства. Ош, 2000; Ногойбаева Э., Мурзакулова А.Д. Формируем нацию: идея национального сообщества Кыргыз // URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20070412232815825>; Акылбек Жапаров: В Кыргызстане через 20 лет должен появиться единый народ – кыргызы // URL: <http://www.24kg.org/parlament/99418-akylbek-zhaporov-v-kyrgyzstane-cherez-20-let.html>

⁸ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 70.

⁹ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России...

¹⁰ **Космарская Н.П.** «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии. М.: Наталис, 2006.

¹¹ Ежедневный Вестник проекта «Раннее предупреждение для предотвращения насилия» / Общественный фонд «За международную толерантность». 2006. № 31 // URL: www.fti.org.kg.

¹² **Сабиров А.А.** Основные факторы этнополитической стабильности в Кыргызстане... С. 149–150.

¹³ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики: утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 18 февраля 2009 г. УП № 115 // URL: <http://www.spinform.ru/ips.htm>

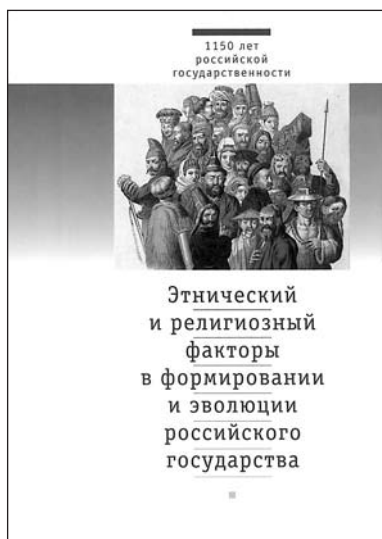
¹⁴ Доклад Женевского совещания экспертов СБСЕ по вопросам национальных меньшинств // Междуна-

родные акты о правах человека: сб. документов. М., 2000. С. 593.

¹⁵ **Киммо Кильюнен:** Мы надеемся, что расследование Международной независимой комиссии поможет предотвратить повторение в Кыргызстане июньской трагедии // URL: <http://89.108.120.121/osh/94769-kimmokilyunen-my-nadeemsa-cto-rassledovanie.html>

¹⁶ **Dicke K.** Konflikt pr Kvention durch Minderheitenschutz? Moglichkeiten und Grenzen multilateraler und innerstaatlicher Rechtsgarantien // Ropers N., Deibel T. Friedliche Konfliktbearbeitung in der Staaten- und Gesellschaftswelt. Bonn: Stiftung Entwicklung und Frieden, 1995. P. 243.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая,
В.А. Тишков

М.: Новый хронограф, 2012. –
448, ил. [64] с.

В монографии рассматриваются формирование многонационального Российского государства на протяжении более чем тысячелетнего периода, трактовки присоединения народов и территорий к России, характер отношений между народами и центральным правительством в разные этапы формирования государственности, образование СССР, современный период развития – один из самых драматичных в истории российского государства и его народа с начала горбачевских реформ во второй половине 1980-х гг., распада СССР и постсоветское развитие новой Российской Федерации.

Е.Л. Мотрич

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ*

В государственной политике социально-экономического развития Хабаровского края особое место занимают вопросы сохранения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов края, развития их самобытной культуры и языков, улучшения жизнеобеспечения в местах проживания. Это связано с тем, что Хабаровский край является исторической родиной для восьми из сорока этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих в России. Это нивхи, нанайцы, ульчи, негидальцы, орочи, удэгейцы, эвенки и эвены. Каждый – со своей уникальной историей и культурой, своими традициями и верованиями, особенностями хозяйственного быта. В крае 91,8% нанайцев, зарегистрированных в РФ, 94,8% – ульчей, 46,2% – нивхов, 41,4% – удэгейцев. Статистика – вещь упрямая. Всероссийская перепись населения 2010 г. показала, что в Хабаровском крае коренных народов живет 23 870 человек, это пятое место среди субъектов РФ. Кроме того, особое внимание проблемам коренных народов уделяется также в связи с их малочисленностью – менее двух процентов от общей численности населения края¹.

Большинство коренных народов (75%) живут в сельской местности на севере края и на берегах реки Амур – там, где селились их предки. В настоящее время 59 населенных пунктов Хабаровского края отнесены к территориям компактного проживания этносов. Именно благодаря такой системе расселения, несмотря на значительную трансформацию, связанную с экономическими реформами, проводимыми в 1990-х годах, они смогли сохранить свой самобытный образ жизни и традиционную хозяйственную деятельность.

К сожалению, не все коренные жители сумели адаптироваться к изменившимся социально-экономическим условиям. Развалились национальные рыболовецкие артели, перестали

существовать оленеводческие колхозы. Многие села находятся в запустении, люди без работы, а отсюда и проблемы... Поэтому при формировании национальной государственной политики в отношении коренных народов учитывается необходимость оказания различных видов государственной поддержки. Важнейшие из них: совершенствование законодательства в сфере защиты прав, традиционного образа жизни и исконной среды обитания; финансовая поддержка за счет бюджетных средств, которую направляют на реализацию планов и мероприятий развития коренного населения; взаимодействие органов государственной власти с общественными организациями и объединениями коренных народов для обмена информацией по проблемным вопросам и принятым решениям для обеспечения их прав и гарантий. Чтобы усилить защиту в реализации прав и законных интересов коренных народов, в Хабаровском крае еще в 2001 г. был сформирован институт уполномоченных представителей коренных народов. Кстати, край оказался первым в России, где организована такая структура. В настоящее время в эту организацию входят представители от четырнадцати муниципальных районов края, а также от г. Хабаровска и г. Комсомольска-на-Амуре.

На учредительной конференции КМНС 16 февраля 1990 г. в Хабаровске была образована «Ассоциация народов Севера и Приамурья Хабаровского края». Нынешнее название «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края» она получила в 1999 году². С первых же дней основной целью своей деятельности Ассоциация выбрала и определила объединение усилий малочисленных народов Севера Хабаровского края по защите своих прав и нужд, решение проблем своего социально-экономического и культурного развития, возрождения и сохранения традиционного уклада жизни,

* Статья подготовлена в рамках проектов ДВО РАН 12-1-П31-03 «Взаимодействие экономических макрорегионов в процессе модернизации России: Дальний Восток», 12-1-П35-01 «Экономика науки и образования: Дальний Восток России» и 12-1-ООН-01 «Модернизационный вектор стратегии экономической безопасности российского Дальнего Востока».

роста национального самосознания, заботы о повышении жизненного уровня, среды обитания, развития традиционных промыслов и ремесел, культуры и языка. Ассоциация включает в себя 10 районных отделений с 7 самостоятельными общественными организациями коренных народов в пятнадцати районах Хабаровского края и в двух городах – в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. При Ассоциации образован Совет старейшин, действует и молодежный центр «Феникс Амура». В 2000 г. Ассоциацией создан Консультативный совет по устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера, в который вошли юристы, экологи и экономисты из числа известных дальневосточных ученых, а также Коллегиальный совет по сохранению культуры коренных народов края. Ассоциация работает в тесном взаимодействии с правительством края. Стали традиционными такие успешные формы диалога органов исполнительной власти края и представителей этносов, как «круглые столы», на которых представители этносов получают информацию по всем интересующим их вопросам. По инициативе Ассоциации и при поддержке Правительства Хабаровского края регулярно проводятся международные конференции и семинары по вопросам устойчивого развития коренных малочисленных народов. Ведется работа по привлечению молодежи из числа коренных народов в общественное движение. В крае создана нормативная правовая база, определяющая основу для защиты их традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности; разработан механизм предоставления ресурсов и имущества для ведения традиционной хозяйственной деятельности, определены меры по развитию культуры, образования, здравоохранения; продолжается предоставление социальной поддержки.

Ассоциация плодотворно взаимодействует с Советом уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера при Губернаторе Хабаровского края, с Консультативным советом по делам коренных малочисленных народов Севера при полномочном представителе Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе, со Всероссийской ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Развивается сотрудничество с такими авторитетными международными организациями, как Постоянный форум коренных народов ООН, Секретариат арктического Совета, Рабочая группа по коренным народам, Всемирный фонд дикой природы. Налажены тесные связи с научно-исследовательскими институтами ДВО РАН, вузами и музеями Дальнего Востока, что позволяет максимально использовать все возможности для укрепления и развития коренных малочисленных народов Хабаровского края³.

В конце 2012 г.⁴ появились сведения о том, что с 1 ноября 2012 г. до 20 апреля 2013 г. Минюст приостановил деятельность общероссийской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, объясняя это нарушениями, выявленными в ходе проверки Ассоциации: устав противоречит требованиям законодательства РФ, не подтвержден общероссийский статус организации, среди членов Ассоциации выявлены общественные объединения, не являющиеся юридическими лицами. Нарушением было признано и то, что у Ассоциации не были зарегистрированы эмблема и флаг. Приостановление деятельности не является ликвидацией Ассоциации, но не снимает с нее обязанности по устранению выявленных недостатков. В 2011 г., на внеочередном съезде Ассоциации утверждены эмблема и флаг, внесены изменения в Устав, но Минюст зарегистрировал эмблему и флаг, а изменения к Уставу не признал, считая проведенный съезд не легитимным. Лидеры Ассоциации сходятся во мнении, что все это происходит неспроста. Ведь земли, на которых проживают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, располагают богатейшими ресурсами: это газ, нефть, золото, лес, рыба. Вместе с тем у коренных малочисленных народов Севера есть понимание того, что освоение этих территорий и ресурсов необходимо для развития страны, но, как и представители других малочисленных народов во всем мире, они отстаивают свое право жить на этой земле, вести традиционный уклад и хозяйственную деятельность, выверенную веками. Бизнес, приходящий на землю, где проживают коренные народы, должен соблюдать международные стандарты, которые требуют уважения и справедливого возмещения ущерба, наносимого аборигенному населению.

Региональная общественная организация «Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края», входя в состав общероссийской, является самостоятельной юридической организацией, зарегистрирована как юридическое лицо, имеет свой собственный Устав, поэтому приостановление деятельности головного офиса Ассоциации на работу Хабаровского и других региональных отделений не распространяется, а потому, как говорит президент Хабаровской региональной общественной организации АКМНС Любовь Пассар, «продолжаем работать в прежнем режиме». Следует вспомнить, что создание этой региональной общественной организации началось с дискуссии более чем 20-летней давности по поводу строительства АЭС возле озера Эворон. Это касалось всех здесь живущих. Но более остро проблема затрагивала жизненные интересы коренных народов, общество услышало их голос и поддержало. Так, по сути, зарождалось то, что потом выросло в Ассоциацию коренных мало-

численных народов Севера Хабаровского края. Это прекрасный опыт малочисленных коренных народов Севера⁵.

В Хабаровском крае работает около 200 национальных предприятий, из них 170 национальных общин, большинство которых занимается традиционным рыболовством. Вблизи 384 населенных пунктов края установлены участки для свободного и бесплатного доступа населения, в том числе коренного, к водным биологическим ресурсам. Что касается охоты, традиционного промысла аборигенного населения, то восемнадцати национальным хозяйствам в долгосрочную аренду переданы охотничьи угодья на площади 13 млн гектаров. На содержание поголовья северных оленей в сельскохозяйственных организациях предоставляются субсидии из федерального и краевого бюджетов. Так, за 2009–2011 гг. объем такого финансирования составил 1,8 млн рублей. Также в крае принимаются меры, направленные на стимулирование развития переработки традиционной продукции, что позволяет создавать рабочие места.

В Хабаровском крае особое внимание уделяется вопросам образования, сохранению самобытной культуры и языков этносов. В учебных заведениях края обучается около четырехсот молодых людей из числа коренных народов, в том числе в вузах порядка 150. В 24 школах края дети изучают родные языки. За счет средств краевого бюджета созданы электронные фонетические пособия по родным языкам этносов, дающие уникальную возможность изучать язык самостоятельно, на основе мультимедийных технологий. Стало традиционным проведение форумов родных языков, краевого конкурса «Лучший учитель родного языка» и краевой олимпиады школьников по родному языку.

Что же касается сохранения исторических традиций, то практически в каждом муниципальном образовании края есть национально-культурные и историко-краеведческие центры. Созданы 26 национальных творческих коллективов, которые принимают активное участие в краевых, всероссийских и даже международных фестивалях и конкурсах, откуда регулярно привозят награды победителей или призеров. Так, Хабаровский край стал призером XI выставки-ярмарки народных художественных промыслов «Ладыя. Зимняя сказка – 2011», которая состоялась в Москве, где приняли участие 61 регион России и 10 стран ближнего зарубежья.

Важнейшей задачей является укрепление здоровья коренного населения. В пятнадцати муниципальных районах с компактным проживанием коренных народов работает 52 медицинских учреждения различной направленности. Проводятся диспансеризация и выездные профилактические осмотры. Жителям предоставлено право на льготное лекарственное обеспечение;

предоставляются различные виды социальной поддержки. Но даже в условиях немалого внимания к медицине вопросы охраны здоровья коренных народов стоят по-прежнему остро.

Несмотря на то, что сделано и делается для улучшения жизни коренных народов, существует еще достаточно много проблем. Первоочередная проблема – состояние традиционных отраслей хозяйствования, которые не вписываются в рыночную экономику и не выдерживают рыночной конкуренции. Ситуация сложилась в результате того, что рынок очень активно и широко внедряется в отношения, связанные с использованием природных ресурсов. Но при этом никак не учитываются интересы аборигенного населения, что подрывает и без того слабое материальное положение коренных народов и их объединений. Традиционные виды хозяйственной деятельности находятся в кризисном состоянии, поэтому в национальных селах сохраняются высокий уровень безработицы и социальные проблемы. В Хабаровском крае поголовье домашних северных оленей по сравнению с 1990-ми годами, когда развалились колхозы, уменьшилось в десять раз⁶. Такие же проблемы с развитием оленеводства были в Республике Саха (Якутия). Им удалось восстановить поголовье оленей. В республике сформирована не только законодательная база (еще в 1997 г.), но и организовано научное обеспечение оленеводства. В результате за последние десять лет поголовье домашних северных оленей в Якутии увеличилось на 95 тысяч голов. Заметим также, что Якутия и Чукотский автономный округ сегодня являются самыми динамично развивающимися из оленеводческих регионов России. Всего же регионов, занимающихся оленеводством, в нашей стране 18. К сожалению, Хабаровский край с поголовьем в 6000 оленей вместе с Амурской, Читинской, Сахалинской и Иркутской областями, Бурятией и Тувой отнесены к субъектам РФ с исчезающим оленеводством. Не случайно в 2012 г. Законодательная дума Хабаровского края вела большую работу по разработке краевого закона «О поддержке домашнего северного оленеводства в Хабаровском крае». В конце 2012 г. закон был принят, с 1 января 2013 г. вступил в силу. Предусматривается восстановление поголовья оленей хотя бы первоначально до 30 тыс. голов – столько оленей было только в Охотском районе Хабаровского края в 1930-е годы. Понятно, что принять закон – это только сказать «А». А дальше – то вся азбука от «Б» до «Я»! Для восстановления этого практически исчезающего вида деятельности эвенов и эвенков в крае предполагается поэтапное введение всех мер поддержки социальной защиты оленеводов, предусмотренных краевым законодательством⁷, как это делается в Республике Саха (Якутия), где законодательная база включает комплекс социальных гарантий для всех,

кто занят в этой сельскохозяйственной отрасли. В Хабаровском крае, в соответствии с принятым законом «О поддержке домашнего северного оленеводства в Хабаровском крае», определена поддержка оленеводства не только как одного из направлений развития сельского хозяйства, а, прежде всего, как комплекс мероприятий по сохранению двух этносов — эвенов и эвенков, проживающих в самых северных районах края: Охотском, Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском. В Хабаровском крае, как и в Якутии, оленевод может получить субсидию в размере 563 рубля на одну голову оленя, однако это относится только к хозяйствующим субъектам — например, официально зарегистрированным родовым общинам. В Хабаровском же крае таких общин только две, и под их «шефством» находится всего 800 оленей.

У оленеводов еще много других проблем. В частности, территории пастбищ за оленеводами не закреплены, половина из них непригодна для выпаса, а брать в аренду невозможно из-за того, что не проведены землеустроительные работы. Другая существенная проблема: оленеводы сегодня приравнены к обычным охотникам, хотя для них это не удовольствие, а единственный способ в тайге обеспечить пропитание своей семье. Но оленеводческие хозяйства должны участвовать в тендерах наравне с другими охотхозяйствами⁸, что для представителей КМНС весьма трудно.

Коренные народы не должны становиться частью какого-то безликого сплава, лишённого своей специфики. И, если говорить о сохранении родного языка, то им владеют всего 23% коренных народов, что делает трудным сохранение их исторического наследия и традиций.

Подготовка молодежи из числа коренного населения, поступающей в высшие и средние профессиональные учебные заведения, недостаточна, они не выдерживают конкуренции со стороны городских выпускников, а зачастую не могут приспособиться к жизни вдали от родного села. В результате 74% молодых людей имеют только общее образование, а это, конечно, создает трудности с поисками работы.

Для решения проблем коренных народов в крае разработана целевая Программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае, на 2012–2014 годы», основная цель которой — создание дополнительных условий для устойчивого развития проживающих в крае коренных народов. Программа предусматривает сохранение и развитие традиционного хозяйствования, что позволит стимулировать занятость коренных народов; определяет комплекс мер по развитию образования, культуры и здравоохранения.

С 10 января 2012 г. в Законодательной думе Хабаровского края введена должность главного эксперта по правам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ⁹. Как только ее ввели, информацию об этом запросила общероссийская Ассоциация народов Севера с целью распространения полезного опыта и в других субъектах РФ. Основная задача эксперта — оказание содействия председателю думы в решении вопросов КМНС, проживающих в Хабаровском крае. Занимается он также проектами федеральных и краевых законов, касающихся КМНС, взаимодействует с Хабаровской краевой ассоциацией народов Севера.

В Хабаровском крае большое внимание уделяется поддержанию самобытной культуры коренных малочисленных народов. Так, в феврале 2012 г. в г. Хабаровске проходил Второй культурный форум по вопросу государственной поддержки национальных меньшинств¹⁰. Более трехсот человек со всего Дальневосточного федерального округа приняли участие в мероприятиях этого форума. В ходе его работы решались задачи по популяризации и сохранению самобытной музыкальной, танцевальной, празднично-обрядовой, семейно-бытовой национальной культуры малочисленных народов России, сохранению единого культурного пространства страны, укреплению творческих контактов, дружбы и взаимопонимания, формированию межэтнической и межрелигиозной толерантности.

На реке Охота в марте 2012 г. в самом северном национальном поселке Хабаровского края Арка прошел Праздник Севера¹¹, на который собрались оленеводы со всего Охотского района. Самые «дальние» шли в этом году на оленьих упряжках до места встречи две недели. Своими корнями этот праздник уходит в далекое прошлое, когда каждый март оленеводы Охотского района собирались в Арке, чтобы продать или обменять оленину, закупить продукты, покрестить детей, отпеть умерших. В советские годы Праздник Севера превратился в подведение итогов соцсоревнования. В Арке собирались оленеводы Охотского, Аяно-Майского и Тугуро-Чумиканского районов. Затем про праздник на долгие годы забыли. И только лет пять тому назад благодаря районной администрации и золотодобывающей компании «Полиметалл» его возродили. Теперь Праздник Севера — один из главных праздников в Арке.

Традиции эвены и другие коренные народы чтут свято¹². До сих пор сохранен «институт шаманства», хотя и бытует мнение, что все это — предрассудки. У эвенов запрещено говорить «люблю есть» медвежье или оленьё мясо. Вместо этого говорят «пробую», «могу пробовать». И вообще медведя медведем называть не принято. Только «абаа» — «дед». Так, эвены считают «деда» своим родственником, охотятся на него только при крайней необходимости, когда нужно мясо

для пропитания, а никаких других животных рядом нет.

До семи лет детишки оленеводов обычно живут с родителями в стойбище. Кочуют, приглядывают за оленями и не знают о благах цивилизации. В семь лет ребенка отправляют в интернат, где он должен учиться. Но маленькие эвены начинают обучение не с получения знаний. Им приходится учиться ходить по лестницам, спать в кровати и многому-многому другому. Цивилизация для них – это настоящий шок. Потом выясняется, что детишки плохо усваивают учебный материал, и врачебная комиссия почему-то ставит им ЗПР – «замедленное психическое развитие». Этот диагноз в будущем не позволяет им иметь оружие. А оленевод без оружия – не оленевод.

Еще одна проблема эвенов – увеличение числа одиноких оленеводов. Сложно найти супругу, которая согласилась бы вести кочевой образ жизни. Только в Арке числится 19 оленеводов старше сорока лет, которые не создали семью. Если бы эти девятнадцать женились, то уже бы

родилось девятнадцать, а то и больше детей. А дети – это и помощь, и продолжение рода, увеличение численности эвенов.

Правительство Хабаровского края делает все необходимое для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, для решения социально-экономических задач в этой сфере. Именно этим целям служит принятая государственная целевая программа «Развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае», реализация которой рассчитана на 2012–2020 годы. Коренным малочисленным народам, проживающим на своей исторической родине в Хабаровском крае, удалось не только сберечь свои культурные традиции и обычаи, но и создать собственные экономические, культурные и общественные институты: национальные предприятия и общины, этнокультурные центры и народные ансамбли, краевую и районные общественные организации народов Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственное решение этнических проблем // Тихоокеанская звезда. 2011. 25 августа; Все краски Земли Дерсу // Тихоокеанская звезда. 2011. 29 декабря.

² Пассар Л. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края // Ассамблея народов Хабаровского края. 2012. № 1. С. 23.

³ Там же. С. 23–24.

⁴ Ассоциация продолжает работать // Тихоокеанская звезда, 2012. 22 ноября; Минюст России обвинил в нарушении закона Ассоциацию коренных малочисленных народов // Труд – Приморье. 2012. № 42. 22 ноября.

⁵ Сулейманов С. Новые краски национального «пейзажа» // Тихоокеанская звезда. 2012. 22 февраля.

⁶ Судьба оленей и судьба людей, что связаны с оленями навек // Тихоокеанская звезда. 2012. 25 апреля.

⁷ Азбука главного эксперта // Тихоокеанская звезда. 2013. 30 января.

⁸ Судьба оленей и судьба людей, что связаны с оленями навек // Тихоокеанская звезда. 2012. 25 апреля.

⁹ Азбука главного эксперта // Тихоокеанская звезда. 2013. 30 января.

¹⁰ Здравствуй, форум! // Тихоокеанская звезда, 2012. 22 февраля.

¹¹ Большой праздник малого народа // Тихоокеанская звезда. 2012. 5 апреля.

¹² Там же.

О.А. Лиценбергер
М.Е. Шестаков

МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ

Рассмотрение межнациональных проблем через призму восприятия молодежи представляет бесспорный интерес. Молодое поколение современной России, с одной стороны, является носителем социальной энергии, обладает значительным инновационным потенциалом. С другой стороны, в процессе взросления, обучения, вхождения во взрослую жизнь молодым людям выстраивают взаимоотношения с представителями других народов, культур и религий. Именно в этом возрастном периоде не только активно складывается этническое самосознание, но и происходит формирование этнических стереотипов, обобщенных и устойчивых образов этнических групп, регулирующих восприятие их представителей.

По оценкам аналитиков Центра изучения проблем ксенофобии и экстремизма, идеи национализма разного рода привлекают 51–53% населения современной России, в том числе и молодежь¹. Широкое распространение национализма в молодежной среде, в том числе и радикального, явление весьма характерное для современного российского общества. Согласно результатам новейших социологических исследований российская молодежь обладает низким иммунитетом к национализму, а откровенно националистические призывы и лозунги стали заметным атрибутом социального пространства².

Изучению отношения молодежи г. Саратова к межнациональным проблемам было посвящено специальное исследование, проведенное авторами статьи в октябре – декабре 2012 г., отдельные результаты которого представлены ниже. Исследование было выполнено в г. Саратове методом самозаполнения опросных листов среди студентов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ в возрасте 17–30 лет, всего было опрошено 170 человек.

В качестве гипотезы исследования предположим, что на отношения между представителями отдельных национальностей в молодежной среде оказывает влияние уровень межэтнической конфликтности в городе и стране в целом. С одной стороны, учитывая относительную стабильность межэтнических отношений в Саратовской области, в последние годы уровень межнациональной толерантности в молодежной среде в г. Саратове должен быть достаточно высоким. С другой стороны, Саратовская область, как и многие другие регионы России, в последние годы столкнулась с всплесками этно- и мигрантофобии. С 2009 г. в г. Саратове и крупных районных центрах довольно часто можно увидеть молодых людей, танцующих лезгинку прямо на улицах под громкую музыку, доносящуюся

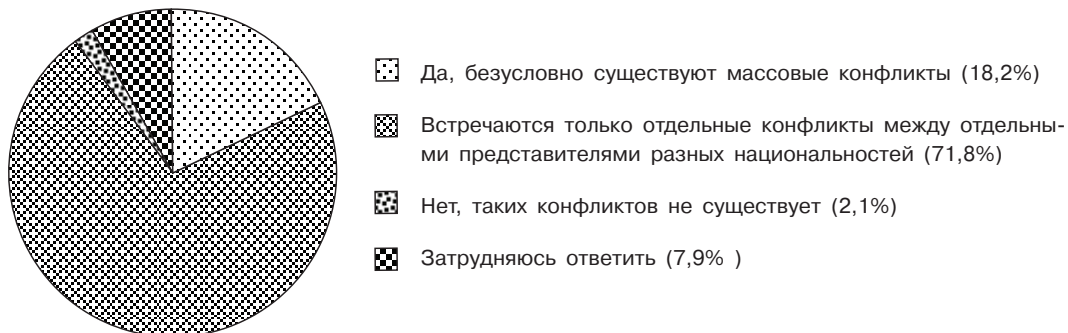
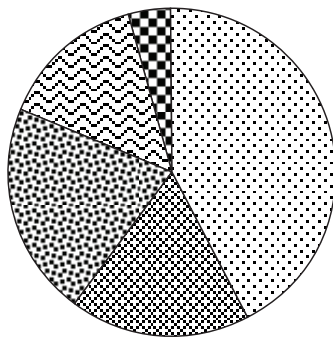

Рисунок 1 – Ответы на вопрос «Как Вы считаете, существуют ли в Саратовской области межнациональные конфликты?», %

- ☐ Не сталкивался (42,7%)
- ▨ С такими ситуациями сталкивались мои родные, близкие, знакомые (17,7%)
- ▩ Я был свидетелем, очевидцем таких ситуаций (21,0%)
- ▧ Я был участником таких ситуаций (14,5%)
- ▦ Затрудняюсь ответить (4,1%)

Рисунок 2 – Ответы на вопрос «Сталкивались ли Вы сами с конфликтными ситуациями на национальной почве за последний год?», %

из автомобилей³. Реакция различных молодежных кругов, властей и общественности на этнодансинг является неоднозначной. Лезгинка привлекла пристальное внимание различных средств массовой информации, обсуждение темы активно ведется на интернет-сайтах, в молодежной среде и зачастую воспринимается лишь как очередной повод для нагнетания мигрантофобии, вызывая межэтнические конфликты. Зачастую возрастная агрессивность, создающая питательную среду для конфликтов в молодежной среде, трансформируется в столкновения на национальной почве, которые проистекают также и из неудовлетворенности жизнью и неустроенности молодежи.

Первый вопрос, адресованный нами респондентам, звучал следующим образом: «Как Вы считаете, существуют ли в Саратовской области межнациональные конфликты?»

18,2% опрошенных указали, что «массовые конфликты безусловно существуют». Большинство опрошенной молодежи, а именно 71,8%, считают, что «встречаются только отдельные конфликты между отдельными представителями разных национальностей». То есть в молодежной среде широко распространено мнение о том, что наличие подобных конфликтов напрямую связано с культурными, религиозными и этническими различиями. Лишь 2,1% опрошенных ответили на поставленный вопрос отрицательно и указали, что «таких конфликтов не существует». Еще 7,9% респондентов затруднились с ответом.

Особого интереса заслуживают ответы на вопрос «Сталкивались ли Вы сами с конфликтными ситуациями на национальной почве за последний год?»

Почти 42,7% опрошенных выбрали вариант ответа «нет, я с такими ситуациями не сталкивался». Однако 17,7% респондентов отметили, что «с такими ситуациями сталкивались мои родные, близкие, знакомые». Еще 21,0% опрошенных ответили, что «были свидетелями, очевидцами таких ситуаций». 14,5% опрошенных указали на

то, что «являлись участниками таких ситуаций». 4,1% опрошенных затруднились с ответом.

Многие респонденты в ходе проведения опроса проявляли озабоченность и упоминали о конкретных конфликтах, свидетелями или участниками которых они стали. Подобные, пусть и немногочисленные, факты формируют отношение молодых россиян к межнациональным проблемам в целом. Полученные данные заставляют взглянуть на проблему не в упрощенных координатах «межнационального конфликта», а под иным углом – с точки зрения доминирующих социальных процессов, которые формируют молодежный радикализм и соответствующее отношение к власти и обществу в целом. Надо отметить и то, что разрастание молодежного радикализма происходит особенно в пограничных областях России – на фоне значительного увеличения на этих территориях миграционного населения, в том числе молодежи.

В целом, данные, полученные в результате проведения опроса в Саратове, коррелируются с опросами крупнейших социологических центров. Так, в ходе опроса «Об отношении россиян к людям разных национальностей и о межнациональных отношениях», проведенного Фондом общественного мнения в июле 2012 г., наличие межнациональных конфликтов подтвердили 34% опрошенных, а каждый десятый респондент заявил, что сам подвергался дискриминации по национальному признаку⁴.

Результаты ответа на следующий вопрос, предложенный нами респондентам, «Межнациональная ситуация в Саратовской области спокойная, благополучная или напряженная, неблагоприятная?» представлены в таблице.

Процент выбравших диаметрально противоположные ответы примерно одинаков. Ответ «безусловно спокойная, благополучная» выбрали 39,2% опрошенных, а ответ «скорее спокойная, благополучная» – 6,7% опрошенных, что свидетельствует о наличии значительного потенциала толерантности в российском обще-

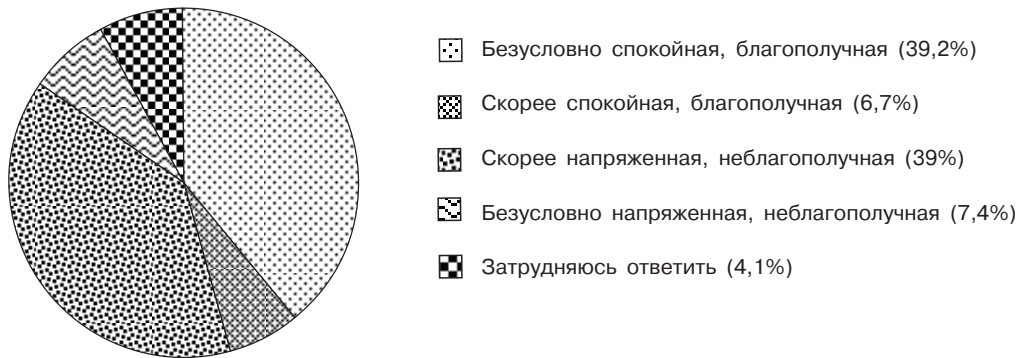

Рисунок 3 – Межнациональная ситуация в Саратовской области спокойная, благополучная или напряженная, неблагоприятная?

стве. Однако 39,0% предпочли вариант ответа «скорее напряженная, неблагоприятная», а 7,4% – «безусловно напряженная, неблагоприятная». Еще 7,7% респондентов затруднились с ответом. Анализируя распределение ответов по возрасту респондентов, можно сделать вывод, что при ответе на данный вопрос вариант «ситуация скорее спокойная, благополучная» выбрали только респонденты в возрасте 17–18 лет, не имеющие богатого социального опыта. Вариант ответа «безусловно напряженная, неблагоприятная» выбрали респонденты более старшего возраста.

С другой стороны, неверие в стабильность межнациональной ситуации и отсутствие высокого уровня межнациональной терпимости, видимо, отражает состояние общественного сознания в молодежной среде. Безусловно, данное исследование не претендует на полноту выводов относительно системы ценностей и социальных ориентиров молодежи, однако заставляет обратить внимание на тот факт, что, видимо, в российском обществе давно назрел вопрос о необходимости создания продуманной системы воспитания толерантности в молодежной среде, в том числе в российских вузах. Полученные данные подтверждают мысль о том, что этнографическое просвещение и воспитание межэтнической и межрелигиозной терпимости, безусловно, задачи крайне важные в поликонфессиональном российском обществе.

Образование должно не только осуществлять сохранение традиционных форм воспитания, но и обеспечивать расширение сферы межкультурного взаимодействия, перейти на новый уровень развития общей культуры молодежи, обеспечивать приобщение каждого этноса к российским достижениям, сформировать установки толерантного поведения, проявляя непримиримость в отношении ксенофобии и расизма.

Один из путей формирования толерантного мировоззрения может быть связан с преподаванием социально-гуманитарных дисциплин,

внедрением в программу обучения инновационных курсов по государственному регулированию этноконфессиональных отношений, этнологии, межкультурной коммуникации, историческим и культурным основам мировых религий. Именно через образовательные программы путем изучения истории, этнографии, языков, культурологии, культурно-нравственных аспектов религии, этнопсихологических особенностей разных народов происходит преодоление стереотипов, формирование иммунитета к ксенофобии.

В российской системе образования должна присутствовать идея глобальности мира, наполненного диалогом языков, культур разных народов. Следовательно, необходимо актуализировать проблемы гражданственности, патриотизма и толерантности в социально-гуманитарных дисциплинах. Именно эта прерогатива должна стать фундаментом образовательной политики в вузах.

Учитывая специфику молодежи, а особенно студенчества, необходимо отметить, что возможность формирования негативного восприятия той или иной этнической общности или мнения об исключительности своей национальной группы опасна вдвойне, поскольку в дальнейшем носителем негативных, интолерантных установок в межэтнических отношениях может стать интеллектуальная элита общества. В этой связи первостепенное значение имеет недопущение распространения радикальных экстремистских настроений среди молодежи, тем более что наличие экстремистских проявлений, межэтнических и религиозных конфликтов является дестабилизирующим актором с точки зрения поступательного социально-экономического и этнокультурного развития страны⁵. Таким образом, результаты социологического исследования фиксируют наличие «конфликтного потенциала» в сознании молодежи и свидетельствуют о необходимости целенаправленных усилий по преодолению межэтнической разобщенности и этнофобий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрохина Т.Н., Самсонова Е.А. Социальная неустойчивость российской молодежи как основа агрессивных поведенческих реакций // Молодежный радикализм провинциального социума в условиях трансформирующегося общества: сборник научных статей. Саратов, 2010. С. 18.

² Романов М., Степанов В. Беспорядки на манежной площади в восприятии молодежи // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга 2010 г. / под ред. В. Тишкова и В. Степанова. М., 2011. С. 22.

³ Лиценбергер О.А. Вопросы регионального развития. Восприятие властью этнокультурного и религиозного самовыражения // Вестник российской нации. 2011. № 4–5. С. 235.

⁴ Фонд общественного мнения. Официальный сайт // URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10544>

⁵ Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения: сборник материалов по результатам социологического исследования. М., 2008. С. 6.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ДИАЛОГ В УРАЛО-ПОВОЛЖСКОМ
ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

Оренбург: Издательский центр ОГАУ,
2012. – 224 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность», которая состоялась в г. Оренбурге 16 декабря 2011 г.

В представленных материалах рассматриваются этнополитические и этнокультурные процессы в Урало-Поволжском регионе, прослеживаются изменения этнической структуры населения, рассматривается исторический опыт государственного регулирования национальных и этноконфессиональных отношений.

М.А. Аствацатурова

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА*

Российская идентичность как единство многонационального народа России. Идея российской гражданской идентичности актуализируется современным содержанием социального, политического, управленческого, идейно-мировоззренческого и морально-нравственного пространства Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). При этом идея российской идентичности может быть отождествлена с идеей укрепления единства многонационального народа РФ, которая является магистральной в Указе Президента РФ В.В. Путина «Об обеспечении межнационального согласия» от 7 мая 2012 г. № 602.

Концепт межнационального согласия не вызывает сомнений. Однако обеспечению этого согласия препятствуют различия между «новыми богатыми» и «новыми бедными»; дифференциация качества, образа и стиля жизни в центре и регионах; отличие содержания политической культуры мегаполисов, столичных городов от «российской глубинки». Также это: противоречия административной реформы и реформы МСУ; «избыточная» этнополитическая и этноконфессиональная суверенизация отдельных субъектов РФ; следствия этнополитических конфликтов; национально-религиозный экстремизм, национализм, ксенофобия, мигрантофобия.

Президент РФ В.В. Путин в своих предвыборных статьях отметил, что Россия прошла транзитивный двадцатилетний период, и сегодня на повестке дня — проблема единства россиян как полиэтничной, мультикультурной нации. Очевидно, что без гражданского единства, без объединения на основе общероссийских ценностей — исторических, культурных, политических, ментальных — невозможно движение вперед.

Достижение взаимного общероссийского компромисса, общегражданского консенсуса возможно только при благополучном этнополитическом и этнокультурном состоянии и самочувствии всех народов и этнических групп и всех граждан РФ, имеющих этнокультурные интересы.

Важная политическая задача, о которой уже много лет пишут эксперты и которая не теряет актуальности, — деполитизация этничности, гуманизация этнического дискурса, максимальная концентрация этнических интересов в сфере культуры, образования, просвещения.

Это, прежде всего, задача органов власти и органов местного самоуправления как субъектов государственной национальной политики, которые реализуют управленческие ресурсы в сфере межэтнических, национальных и федеративных отношений.

При этом реализация данных ресурсов не есть политическое давление и бюрократическое администрирование. Это — воздействие, влияние, организация, взаимодействие при выраженной гражданской позиции федерального центра, Президента РФ, глав субъектов РФ, глав муниципальных образований, а также при активном участии лидеров национально-культурных организаций и конфессий.

Российская идентичность в Северо-Кавказском интерьере. Стоит отметить, что ресурсы упрочения российской гражданской идентичности неодинаковы в российских регионах. Так, Северный Кавказ имеет собственную судьбу в российском политико-правовом пространстве и выраженные региональные особенности. Среди этих особенностей в постсоветский период проявились:

* Статья подготовлена в рамках проекта «Упрочение российской идентичности в полиэтничном Северо-Кавказском регионе в контексте модернизации этнополитических и этнокультурных процессов», выполняемого по заданию Министерства образования и науки РФ в 2013 г.

■ **позитивные:** этнополитический и национально-культурный активизм, этнокультурная корпоративность, сочетаемость традиций и новаций общественной жизни;

■ **негативные:** этническая правосубъектность, этноцентризм, этнический сепаратизм, межэтнические конфликты, национально-религиозный экстремизм, этноклановость, терроризм, оправдываемый этническими и конфессиональными интересами.

В современной общественно-политической повестке СКФО среди прочих выделяются две проблемы: а) проблема внутреннего гражданского единства, б) проблема гражданского единства с остальной Россией.

Достижению единства с остальной Россией мешают ложные, провокационные идеи, имеющие бытование в российском обществе, в том числе и на Северном Кавказе:

– идея исключительности северокавказской истории, культуры, особенности северокавказской «цивилизации», несовместимой с общероссийским социокультурным контекстом;

– идея «нахлебничества», паразитирования Северного Кавказа, процветающего за счёт средств других регионов, масштабных инвестиций и трансфертов федерального центра;

– идея опасности Северного Кавказа как агрессивного, террористического, экстремистского, этноцентристского, ваххабитского региона, связанная с историческими традициями абречества, набеговой системы, заложничества, кровной мести;

– идея сущностной агрессивности северокавказцев как жестоких, мстительных людей, навязывающих окружающим свой менталитет, свои приемы жизненной, социальной адаптации.

Достижению внутреннего единства мешают, наряду с иными социально-экономическими и политическими факторами, разные интересы и конкуренция разных социальных (в том числе этнических) групп, так как в регионе представлены:

– русское население, казачество: реестровое и нереестровое;

– народы и этнические группы северокавказского происхождения: автохтонные, коренные, титульные, репрессированные, разделённые, не-представленные;

– диаспорные группы ближнего и дальнего зарубежья;

– граждане с религиозным мировоззрением и атеистически настроенные граждане;

– мигранты (граждане РФ и граждане зарубежных стран): беженцы, вынужденные переселенцы, временно перемещённые лица, иностранные рабочие;

– группы, пострадавшие в конфликтах и террористических актах (в том числе женщины, молодёжь);

– группы, принимавшие участие в антитеррористических и силовых операциях;

– группы, принимавшие участие в террористических акциях и экстремистских движениях и др.

С 2008 года ситуация на Северном Кавказе ухудшилась. Власти – федеральные, региональные, аппарат ЮФО – не сумели воспользоваться этнополитическим тайм-аутом 2005 – 2007 годов и не переломили ситуацию в сторону достижения безопасности, стабильности.

Сегодня в СКФО продолжают проявляться проявления терроризма, национально-религиозного экстремизма, осуществляется ротация незаконных вооружённых формирований и радикальных группировок за счёт молодёжи. В субъектах РФ СКФО радикальными группировками наносится системный ущерб безопасности, стабильности общественных отношений, отношений власти и общества – террористические акты, убийства известных и референтных лиц – священнослужителей, писателей, ученых, ректоров вузов, журналистов. Налицо проявления террора – системы многопрофильного устрашения власти, политиков, населения, а также внедрения в общественное сознание агрессии, жестокости, вражды, национализма, ксенофобии.

При этом стоит подчеркнуть, что все жители СКФО независимо от национальности, от принадлежности к этнической группе как россияне нуждаются в обеспечении конституционных прав на безопасность, на защиту, на реализацию интересов в соответствии с гарантиями, которые предоставляет государство и глава государства.

Баланс интересов этнических групп. Северный Кавказ всегда был и остаётся регионом с выраженными социокультурными, общественно-политическими особенностями, а также и выраженными этнополитическими рисками, которые были очевидны и для администрации Российской империи, и для руководства СССР, и для современного российского руководства. Сложности межэтнических отношений всегда были очевидны и для самих субъектов этих отношений – северокавказских коренных народов, русского населения (в том числе казачества), многочисленных диаспорных групп.

Именно с учётом этих рисков на Северном Кавказе веками вырабатывались и действуют до сих пор традиции и навыки межэтнического взаимодействия, поддержания баланса интересов, взаимного признания. Эти традиции, что стоит отметить особо, и сохранили северокавказское сообщество как сообщество российских граждан, российских народов.

Сегодня межэтнические отношения на Северном Кавказе, как и во всём мире, стали составляющими процессов жесткой витальной, социальной конкуренции, процессов позиционирования в экономической и политической сферах, процессов столкновения идентичностей – консервативной и модернизационной, светской и религиозной, патриотической и космополитичной, реформистской и радикальной и других.

Несмотря на сохраняющиеся северокавказские этнополитические риски, ситуацию в СКФО можно назвать управляемой, так как достигнут некий баланс интересов граждан, этнических групп, субъектов РФ СКФО. Признаки некоторой стабилизации северокавказского процесса следующие:

- в регионе нет массовых этнических конфликтов, массовых легальных радикальных этнополитических движений, представляющих угрозу суверенитету России, единству Северного Кавказа;

- среди населения не распространены идеи об отделении Северного Кавказа от России, о пересмотре границ, о ликвидации или формировании новых национально-государственных, национально-территориальных единиц;

- среди населения, озабоченного, прежде всего, экономическим положением, наличием рабочих мест, возможностями заработка и социального обеспечения, наблюдается недовольство радикальными идеями как непродуктивными и бесперспективными;

- в регионе завершилась массовая этническая миграция, которая являлась результатом этнополитических конфликтов 90-х годов XX века, осуществилась некоторая адаптация мигрантов, беженцев и переселенцев.

В СКФО при непосредственных усилиях полпреда Президента РФ А.Г. Хлопонина реализуются конкретные направления упрочения российской гражданской идентичности. Это: популяризация привлекательных сюжетов российской истории и государственности; «примирение с прошлым» как равно и «примирение с настоящим». Также это акцентирование объединяющих символов российского единства; реализация идеи кочующей культурной столицы СКФО; развитие зон территориального развития и туристического, санаторно-курортного кластера Кавказских Минеральных Вод; разработка привлекательных северокавказских брендов – «Сделано на Северном Кавказе»; популяризация Северного Кавказа как уникального и безопасного региона России.

Идея российской гражданской идентичности в той или иной степени является программной в деятельности Общественного совета СКФО, Совета старейшин СКФО, Экспертного совета СКФО, Всекавказского молодёжного лагеря «Машук» и иных общественных институтов СКФО.

Современная общественно-политическая повестка СКФО отражает многие проблемы и противоречия, в том числе этнополитической, этноконфессиональной природы. Поэтому здесь очевидна потребность в распространении идеи российской гражданской идентичности, идеи приверженности российскому общественному и социокультурному процессу при сохранении культурной самобытности. В этой связи насущной потребностью является поиск эффективных техник и технологий российского гражданского

всеобуча, который в императивном плане должен возвышаться над этнологическим, этноконфессиональным и этнополитическим всеобучем.

Миссия Ставрополя в СКФО. Ставрополь – авангардный субъект РФ СКФО, имеющий особые ресурсы для воздействия на всю систему этнокультурных, этноконфессиональных, этнополитических процессов в федеральном округе.

Для Ставропольского края как для наиболее крупного субъекта РФ СКФО важны принципы, отраженные в Стратегии государственной национальной политики РФ. В крае создана инфраструктура воздействия на межэтнические и этноконфессиональные отношения, которая базируется на консервативно-охранительной, государственно-патриотической доктрине власти. Её выразителем являются губернатор Ставрополья В.Г. Зеренкова, а также функционеры комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, члены Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений. В Ставропольском крае действуют около 300 этнических советов, советов мира и дружбы, около 100 национально-культурных организаций и автономий, уникальный Пятигорский дом национальных культур, несколько региональных отделений федеральных НКА. В крае базируется Терское казачье войсковое общество, осуществляется активное этнокультурное и этнополитическое структурирование казачества. Также в крае работают известные в регионе и в России эксперты в сфере межэтнических отношений, реализуются целевые программы и проекты, проводится множество форумов, конференций, акций миротворчества и межкультурной интеграции.

Благодаря действию этой инфраструктуры, а также благодаря здравомыслию населения, несмотря на множество этнополитических рисков, несмотря на террористическое воздействие и усилия радикальных сил расшатать ситуацию, в Ставропольском крае удалось избежать массовых этнических конфликтов, проявлений национализма и ксенофобии, организации массовых движений за передел границ, за дискриминацию отдельных этнических групп, за выход из политического и правового пространства России.

Ставрополь отражает множество «этнических позитивов» и «этнических негативов», имеющих как объективный, так и субъективный характер.

С одной стороны, отмечаются локальные обострения межэтнических отношений, угрожающие национальной безопасности проявления национально-религиозного экстремизма. Отмечаются общественно опасные межэтнические конфликты, резонансные преступления и правонарушения в этнических интерпретациях, стремления к демонстрации своего этнического присутствия представителями известных северокавказских групп. Существенную опасность представляют бытовой национализм, ксенофобия, мигрантофо-

бия, взаимное недоверие и неуважение, а также общая губительная гражданская неграмотность, этнополитическое невежество, «младосоциальность» и низкий социокультурный ценз, который отмечается у представителей всех народов, всех этнических групп.

С другой стороны, многочисленные провоцирующие сюжеты реальной жизни в Ставропольском крае, внешние дестабилизирующие вмешательства, в том числе из-за рубежа, а также сюжеты СМИ и интернет-пространства не привели полиэтничное население Ставрополя к массовым радикальным межэтническим конфликтам, к нанесению взаимных масштабных ущербов, к коллективным противоправным действиям, к структурированной массовой взаимной ненависти.

В этом плане сравнение Ставрополя с Косово, которое проводят некоторые ставропольские ученые, представляется не только преувеличенным и эмоциональным, но и политически и этически сомнительным. Народы Ставрополя, среди которых русские составляют более 80%, имеют гораздо более консолидированную историю, в том числе и общую историю российской государственности, чем балканские народы. Народы Ставрополя в своей общей истории никогда не наносили друг другу масштабных историко-политических ударов. Несмотря на тяжёлые сюжеты Кавказской войны и противоречия вхождения Северного Кавказа в политико-правовое и социокультурное пространство России, именно на территории современного Ставрополя сформировалась уникальная среда взаимодействия северокавказцев, русских, казачества, диаспор.

Ставрополье имеет особую миссию на Северном Кавказе, в составе Северо-Кавказского федерального округа — миссию пропаганды, трансляции, внедрения российских ценностей — государственных, политических, культурных, ментальных. Эта миссия лежит, прежде всего, на плечах русского населения, которое является на Северном Кавказе олицетворением российской традиции, русской идеи, российской идентичности.

Вместе с тем «этнические сюжеты» Ставрополя сигнализируют власти — федеральной и региональной, а также аппарату полпреда президента РФ в СКФО — о том, что необходим пересмотр тактики, техник и технологий реализации государственной национальной политики на Северном Кавказе. Межэтнические противоречия, возникающие в регионе, вскрывают общие проблемы качества власти и управления в реализации административной реформы, реформы местного самоуправления, реформы федеративных отношений и в большой степени — качество деятельности силовых, правоохранительных структур, которое оставляет желать много лучшего.

Русский тренд СКФО. Ставрополье по объективным причинам и очевидным факторам является регионом, в котором русский язык, русская культура

выполняют интегративную, реферирующую роль. Роль русских в России и на Северном Кавказе очевидна и исторически обусловлена. Именно с русскими связаны такие процессы, как формирование институтов российской государственности, российской социальности в регионе. Также нет сомнений, что именно пространство русского языка и русской культуры есть пространство не только межкультурного, межэтнического общения, но и пространство политического, гражданского единства, российской гражданской идентичности. В этом плане русское население СКФО, прежде всего Ставропольского края, значимо именно как фактор стабильности, фактор государственности, фактор консолидации.

Здесь важны такие векторы общественной самоорганизации русских, как формирование заметных активных русских и славянских общественных организаций, прежде всего в республиках с привлечением молодежи. Также важно, чтобы русские активисты — профессионалы, политики, бизнесмены — были представлены в органах власти и местного самоуправления, в политических организациях и движениях и могли бы лоббировать интересы русского населения.

При этом не стоит ограничивать интересы русских интересами казачества и православных общин, так как интересы русских как народа, вокруг которого сложилась российская государственность, гораздо шире и масштабнее. Это интересы гражданского, общественно-политического, цивилизационно-культурного свойства.

Крайне важно, чтобы русское население не занимало сомнительной оборонительной позиции на Северном Кавказе и не объединялось против представителей других народов России или против граждан России другой национальности. Напротив, русские призваны поддерживать свой коллективный авторитет и в своих же интересах нейтрализовать межэтнические противоречия, интегрировать в российское политическое и культурное пространство северокавказские сообщества, а также диаспорные группы.

Русские имеют собственные ресурсы (терпимость, несклонность к массовым радикальным акциям) для привлечения других этнических сообществ СКФО — абазин, аварцев, армян, балкарцев, белорусов, греков, грузин, даргинцев, евреев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, кумыков, лезгин, ногайцев, осетин, туркмен, украинцев, черкесов, чеченцев и многих других — к поступательному социальному развитию.

Диалог и конфликт идентичностей. Сегодня на Северном Кавказе зачастую проявляются две альтернативные групповые стратегии, равно неприемлемые для России как для светского, демократического, правового, полиэтничного государства.

Первая. Некоторые представители коренных северокавказских этнических групп стремятся

реализоваться в России как граждане России, использовать российские законы, российскую экономику, российское образование, российскую культуру, инфраструктуру российских городов, в данном случае Ставрополя, Пятигорска, Кисловодска, но при этом «без русских», а может быть, и без иных нетитульных этнических групп.

Вторая. Некоторые представители русского населения России, в том числе и на Северном Кавказе, стремятся упрочить свое положение в регионе, использовать его природно-климатические, туристско-рекреационные возможности, возможности досуга, развлечений, отдыха, но «без кавказцев», а может быть, и без иных неславянских народов.

Эти идеи в общем контексте провокационных призывов «Хватит кормить Кавказ» и «Русские – домой в Россию», как равно и сомнительные попытки акцентировать свое «хозяйское положение» и особые права на ту или иную территорию, должны пресекаться немедленно, оперативно, профессионально на всех уровнях – политическом, властно-управленческом, законодательном, правоохранительном, информационном, экспертном, образовательном, воспитательном и других.

Весьма двусмысленны всяческие демагогические идеи и практики, возвышающие конфессиональную принадлежность и конфессиональную публичную атрибутику над общегражданской российской символикой, над гражданскими правами, над российскими законами как законами светского государства. Также сомнительны всяческие попытки возвышения религиозной морали

над моралью светского государства в политическом и этнополитическом контексте. Стремление синкретизировать и конвергировать выполнение служебных обязанностей государственными и муниципальными служащими и работниками светских государственных учреждений и организаций с публичным отпращиванием на рабочих местах религиозных обрядов чревато угрозами правовому, демократическому государственному и гражданскому пространству РФ.

Некоторые необходимые проекции:

- дезавуация идеологии национально-религиозного экстремизма как антигуманной, бесчеловечной и бесперспективной, направленной на оправдание левых противоправных действий этническими и конфессиональными интересами;

- профилактика и нейтрализация крайне опасного для СКФО противостояния по принципу русские – нерусские, русские – северокавказцы, русские – диаспоры;

- расширение взаимовыгодного гражданского партнерства всех со всеми для взаимной этнокультурной и этнополитической безопасности, которому нет альтернативы в таком регионе, как Северный Кавказ;

- поддержка государством русского населения в сохранении и расширении русского демографического, культурного, социального пространства на Северном Кавказе;

- сохранение поликультурного, полиэтничного, поликонфессионального диалога всех народов, всех этнических групп СКФО на базе общих северокавказских и российских ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

¹ **Авксентьев В.А.** Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских задач // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

² **Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л.** Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

³ **Аствацатурова М.А.** Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. М.: Academia, 2011.

⁴ В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности / под общ. ред. В.В. Рудого, А.В. Понеделькова, Р. Крумма. Том 2. Юг России – Северный Кавказ. Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2010.

⁵ Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтничном регионе: материалы 52-й ежегодной научно-методической конференции, Ставрополь, 24 апреля 2007 г. / ред. колл. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

⁶ Кавказ: проблемы реинтеграции социокультурного пространства и вызовы региональной безопасности: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-н/Д: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2012.

⁷ Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / ред. В.К. Малькова и В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2010.

⁸ Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Россия – Кавказ – Мировое сообщество: материалы IV, V, VI Международных конгрессов. Симпозиумы 1, 2, 3, 19. Пятигорск: ПГЛУ, 2004, 2007, 2010.

⁹ Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова; ИЭА РАН. М.: Наука, 2011.

¹⁰ Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008.

¹¹ **Хопёрская Л.Л., Харченко В.А.** Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

¹² Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северо-Кавказского региона / науч. ред. В.А. Тишков. Ростов-н/Д: Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2011.

¹³ Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы / отв. ред. В.В. Черноус. Ч. 1 и 2. ЮФО и СКФО. Южнороссийское обозрение. 2010, № 63, 64. Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.

И.В. Нам

НОВАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ «СИБИРЯК»: АКТУАЛИЗАЦИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХОДЕ ВПН-2010

Всероссийская перепись населения 2010 г. актуализировала вопрос о сибирской идентичности. Включение в перечень возможных ответов о «национальной принадлежности» варианта «сибиряк» послужило поводом проведения в блогосфере акции «Мы – сибиряки». Участники сетевого сообщества «Настоящие сибиряки» призвали жителей Сибири называть себя «сибиряками» и «сибирячками». По их мнению, сегодня Сибирь рассматривается государством преимущественно как сырьевая колония, а существующие программы развития сибирских регионов ощутимого результата не дают. И если жители Сибири массово отнесут себя к сибирякам, то появится возможность создать национальную общность и получить соответствующие права, которые могут касаться льготных условий ведения бизнеса, развития культуры, сохранения благоприятной экологической среды и т.д. Инициатор акции красноярский блогер А. Коновалов мотивировал ее проведение «необходимостью пробуждения в жителях Сибири самосознания, а также прекращения восприятия Москвой Сибири исключительно как сырьевого источника». Д. Верхотуров (сchriftsteller) в своем блоге написал: «Это позволит заявить о своем существовании и требовать себе прав. Например, в 2002 году поморами себя назвали 6 571 человек, что дало им возможность получить права коренного народа. Также на той же переписи 67 239 человек указали себя как алтайцы, и это спасло Республику Алтай от ликвидации и насильственного присоединения к Алтайскому краю. Мы вправе и можем это сделать. Нужно агитировать всеми возможными средствами за то, чтобы на переписи 2010 года появилось как можно больше сибиряков. Скажи гордо: «Я – сибиряк!»¹

Организаторы сообщества представили психологический портрет сибиряка. По их мнению, настоящий сибиряк «гордится тем, что он сибиряк – где бы он ни жил. Сибиряк может чувствовать себя счастливым или несчастным, но в большинстве случаев он ощущает себя свободным <...> Сибиряк – «внутренний анархист». За анархию он не будет сражаться «ради

идеи», но, по большому счету, для себя лично он не признает безусловных авторитетов и не склонен к бессмысленному подчинению <...> Сибиряки не склонны к конфликтам. Вследствие чего сибирская жизнь довольно спокойна, но по той же причине иногда тормозит в своем развитии; общественность все же недостаточно активна. Может, это происходит еще и потому, что сибиряки – индивидуалисты, не склонные собираться в толпы. Даже в условиях ужесточения формальной власти сибиряк будет выкручиваться и стараться жить по-своему»². В Томске информационную компанию, запущенную А. Коноваловым, подхватили модератор интернет-сообщества «Настоящие сибиряки» М. Митренина и директор портала Д. Эпов. «Сибиряк» не является всего лишь обозначением места жительства. «Быть сибиряком, – считает М. Митренина, – означает еще и особый тип личности, на основе которого вполне может сформироваться отдельная национальность... И не исключено, что исследования ближайшего будущего покажут, что для оформления сибирской национальности или даже нации существуют реальные предпосылки»³.

Акция получила большой общественный резонанс. Разброс мнений полярен – от утверждения важности проблемы сибирской идентичности до обвинений в «празднике сепаратизма», во «всеобщем разрушении российской государственности». Разделились мнения и научного сообщества. По мнению некоторых ученых, возникновение подобного общественного движения вполне закономерно. «Этого следовало ожидать, – писал профессор Иркутского госуниверситета, доктор философских наук В. Федчин. – Сибирь всегда была удаленным краем, слабо связанным с центром, и население в этом регионе действительно специфичное. Как известно, в Сибирь съезжались каторжники, ссыльные, бунтари. Можно сказать, что население Сибири настроено оппозиционно на «генетическом уровне». Кроме того, сама метрополия, то есть Москва, никогда не способствовала тому, чтобы сибиряки ее любили, поставив регион в положение своеобразного сырьевого придатка страны»⁴. Другие считают,

что идея признания новой нации — «сибиряков» — не должна рассматриваться всерьез. По словам И. Октябрьской, заведующей отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, этносоциологические исследования, которые регулярно проводятся по всему сибирскому региону, показывают, что жители Сибири не выделяют себя из общероссийского единства, и региональная идентичность «сибиряк» не является доминантной⁵.

Заметим, однако, что другие социологи и этнологи, напротив, фиксируют тенденцию роста сибирской идентичности: «В целом если сравнить данные наших исследований и иркутских социологов, и в Западной, и в Восточной Сибири в настоящее время фиксируется сибирская региональная идентичность, общие черты характера, ментальности, культуры». По мнению М. Жигуновой, впервые самоопределение сибиряка в качестве этнического стало встречаться в начале 1990-х гг., на фоне довольно слабо распространенного регионального самоопределения. По ее данным, в 1986–1988 гг. сибиряками себя считали около 15% жителей Сибири, в 1994 г. — уже около 20, в 2000 г. — 30, в 2005 г. — 50, в переписном 2010 г. — уже 75%⁶.

«Настоящие сибиряки» широкую поддержку брошенного ими призыва записываться «сибиряками» оценили как «самопровозглашение сибиряков как нации. Это событие подвело черту под длительным вызреванием и формированием сибирской идентичности»⁷. С обвинениями в сепаратизме они не согласились, приводя следующие аргументы: «1. ...Большинство нормальных сибиряков не мыслят себя в отдельности от России... Другое дело, что... у регионов должно быть больше прав и свобод — это и есть настоящему федеративное государство (коим мы являемся по конституции). 2. Цель нашей акции, прежде всего, обратить внимание на проблемы Сибири... У нас больше нет других рычагов, и мы идем на этот во многом крайний шаг. 3. ... Еще одна цель акции — это пробудить самосознание сибиряков. То есть мы должны понять, что это наша родная земля, и мы должны заботиться о ней...»⁸

Во время самой переписи блогеры сообщали о многочисленных нарушениях, связанных с записью национальной принадлежности, которую переписчики обязаны были указывать со слов опрашиваемых. Приводился, к примеру, такой диалог опрашиваемого с переписчиком-студентом: «Национальность русский? — Нет, еврей. — Что, так и писать?» Отмечались случаи, когда переписчики автоматически записывали «русскими» тех людей, кто указывал свое гражданство как гражданство РФ. Нередко переписчики либо зачеркивали сделанную рукой опрашиваемого запись «сибиряк» — «сибирячка», вписывая «русский (ая)», или в качестве компромисса

оставляли запись «русский сибиряк») «русская сибирячка»⁹.

По наблюдениям опрошенных автором настоящей статьи переписчиков такие случаи были и в Томске. Некоторые записывались «сибиряками», как прокомментировал один переписчик, под «дружный смех соседей». Но были и те, кто аргументировали свой выбор идентичности тем, что если назваться «сибиряками», то Сибирь получит автономию. Но некоторых из тех, кто назвал себя «сибиряками», вопреки инструкции, записывали как «русских». Один такой случай описан журналисткой: «В прошлую пятницу случайно встретила во дворе своего дома на проспекте Комсомольском переписчицу. Подошла к ней, предложила присесть на лавочку и переписать мои данные — можно сказать, облегчить женщине жизнь. Сели. Переписываем. Когда доходим до графы «национальность», прошу записать меня сибирячкой... Переписчица в ответ — удивленные глаза: «Нет такой национальности! Так-то мы все сибиряки...». И, подумав секунду, пишет в графе «национальность» — «русская». Даже поспорить не успели...»¹⁰ Были случаи исправлений, когда первоначальная запись «сибиряк» исправлялась на «русский». Но, как пояснил руководитель внештатной службы ВПН-2010 в Томской области Р. Галимов, во всех подобных случаях в переписных листах останется первоначальная запись.

После того, как перепись закончилась, в прессе появилась серия публикаций, в которых сообщалось, что сибиряками записались многие и, вполне возможно, после подведения ее итогов встанет вопрос о том, чтобы признать сибиряков новой национальностью. По разным оценкам, которые приводились до того, как были опубликованы итоги переписи, сибиряками записались от сотен тысяч до нескольких миллионов человек. На сайте Всероссийской переписи населения даже был опубликован фокус-опрос о возможности и необходимости появления новой национальности «сибиряк»¹¹.

Однако после публикации предварительных результатов переписи оказалось, что «сибиряков» было зафиксировано лишь 4166 человек, т.е. существенно меньше, чем предполагалось в самых осторожных прогнозах активистов сибирского движения. Хотя в ряде СМИ эта ситуация оценивалась достаточно оптимистично, указывалось, что по сравнению с переписью 2002 г., когда было учтено всего 10 сибиряков, их стало почти в 412 раз больше¹². Комментируя итоги переписи в интервью «Тайге.инфо», инициатор акции А. Коновалов отметил, «что „сибиряками“ себя называли в основном горожане, активные пользователи интернета. Если к Сибири начнут относиться справедливо, то число „сибиряков“ уменьшится, если ничего не изменится, то, уверен, оно только вырастет»¹³.

В опубликованных окончательных данных переписи 2010 г. по национальному составу сибиряки не были указаны вовсе. Идеолог конструирования сибирской национальности Д. Верхотуров объяснил это включением их в графу «Не указавшие национальную принадлежность», отметив, что в 2002 г. в этой категории было 1,46 млн чел., а в 2010 г. «непостижимым образом» их стало 5,63 млн человек. «Вычислить численность сибиряков, таким образом, не составляет особого труда. Для этого нужно взять нормальный уровень лиц, не указавших национальность – 1,46 млн человек, сократить на процент сокращения населения (1,5% к 2002 г.), которое сказалось на численности всех национальностей. Получается 1,44 млн человек. Таким образом, получается 4 млн 190 тысяч человек. Вот эта цифра, скорее всего, отражает количество людей, которые указали на переписи свою национальность – сибиряк. При такой численности сибиряки превращаются в третий по численности народ в России, следуя сразу за русскими и татарами и составляя 2,9% населения страны. Такой результат переписи означает серьезное изменение национального состава населения и серьезное изменение национальной политики. Росстат, как и ожидалось, манипулировал с данными национального состава, не желая признавать очевидного, но сделал это так, что не составляет трудностей выяснить истинное положение дел. Нас – четыре миллиона. Мы – крупный народ»¹⁴.

Так заложенная в переписной бланк дефиниция идентичности, понимаемая как национальность, способствовала не только актуализации, но и политизации региональной сибирской идентичности. Само присутствие названия «сибиряки» в списке возможных ответов на вопрос о национальной принадлежности стало мощным толчком к возрождению идеи сибирского регионализма (областничества), активно разрабатывавшейся сибирской интеллигенцией во второй половине XIX – начале XX в. Сибирская идентичность, «сибирство» складывалась как совокупность множества идентичностей культурного, конфессионального, этнического происхождения, знаменателем которых является закрепленное в ментальности сибиряков представление об особости своего положения («Мы», «Сибиряки») по отношению к Европейской России («Другие»). Постепенно формировалась идея «сибирства», местной идентичности и патриотизма и бинарной пары «Россия и Сибирь», суждений типа «едет в Россию», «приехал из Сибири в Россию», «Мы – сибиряки» – другие – «несибиряки»¹⁵. Это дало основание для выдвижения сибирскими областниками идеи об образовании в Сибири особого культурно-антропологического типа («сибино-русской народности») по образу и подобию того, как это происходило в Америке.

Сегодня идеологи «сибирской нации» описывают «сибиряков» как национальную общность, которая существовала всегда, «отличаясь от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом», и эти особенности отмечались, начиная с XVII в. «Наша цель – формирование сибирской нации, которая провозгласила о своем существовании на переписи населения в 2010 году.. Правда, это не только национальная самоидентификация, но и территориальная, по месту жительства, однако сам по себе процесс показательный. Большинство жителей Сибири, не относящихся к местным народам, отделяют себя от русских хотя бы местом жительства. Пока еще существует в больших масштабах двойная самоидентификация, а сибирская нация имеет крайне размытые и нечеткие границы»¹⁶. В качестве ключевых элементов сибирской нации идеологи выделяют многокомпонентный состав (сообщество сибирских старожилов представляет собой «ядро» нации в том, что касается (традиционного) мировоззрения и культуры, но вокруг них собираются люди разных (в том числе смешанных) национальностей); сибирскую нацию составляют люди смешанного происхождения, которые путем «сибирского самоопределения» решают проблему самоидентификации; сибирский язык (пока существующий в форме письменного литературного языка, составленного Я. Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющийся в «живой» язык)¹⁷.

Одновременно в медийном пространстве все чаще встречаются трактовки сибирской нации как нации политической. «При этом культурное и языковое своеобразие как основа национального строя отходит на второй план, а на первом плане оказываются социально-экономические, экологические и культурные проблемы сибирского региона, осознание и проблематизация существующих несимметричных отношений между федеральным Центром и сибирским регионом в экономической, социальной и правовой сферах»¹⁸.

В современном сибирском движении формируются два направления – «националисты», трактующие категорию «сибиряк» как особую национальность, и «регионалисты» («сепаратисты»), рассматривающие «сибиряков» как выражение территориальной идентичности и разрабатывающие на этой основе различные проекты сибирской государственности. Идеологи конструирования «сибирской нации», образовавшие в октябре 2010 г. «Совет сибирского народа», откешиваются от обвинений в сепаратизме, их программа-минимум – создание политической партии и учреждение национально-культурной автономии сибиряков, программа-максимум – «переучреждение Российской Федерации как свободного объединения ее субъектов на основе

одного равноправного федеративного договора, создание подлинно федеративного государства; создание единого территориального объединения на территории Сибири»¹⁹. Их оппоненты выступают за предоставление экономической

и политической самостоятельности Сибири, за создание Сибирской Республики в составе РФ²⁰, вплоть до отделения и создания сибирской государственности («Областная альтернатива Сибири»)»²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Чеснокова Т.** Настоящие сибиряки и другие эльфы // URL: <http://www.rosbalt.ru/2010/10/18/781780.html>

² **Широкова В.** Национальность – «сибиряк» // URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/view.asp?id=17973>

³ Перепись-2010: для появления сибирской нации могут найтись реальные предпосылки // URL: <http://news.babr.ru/?IDE=88985>; http://community.livejournal.com/real_siberian/533306.html

⁴ **Широкова В.** Национальность – «сибиряк» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/view.asp?id=17973>

⁵ Ученые назвали «творческим сумасбродством» идею признания нации «сибиряк» // URL: <http://www.tv2.tomsk.ru/>

⁶ **Жигунова М.** «Разные, но вместе» // Эксперт Сибирь. 2011. № 50 (315). С. 11–13.

⁷ Сибирская декларация // URL: <http://newsbabr.com/?IDE=88893>

⁸ Тех, кто выбрал себе национальность «сибиряк», зря обвиняют в сепаратизме // URL: <http://newsbabr.com/?IDE=88512>

⁹ Переписчики массово нарушают право граждан на национальное самоопределение // URL: <http://newsbabr.com/?IDE=89036>

¹⁰ **Тайлашева Е.** Не записали сибиряком // URL: <http://news.tomsk.ru/stats/15/30625/>

¹¹ Фокус-опрос о возможности и необходимости

появления новой национальности «сибиряк» // URL: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=6390>

¹² Сибиряков в России за восемь лет стало почти в 412 раз больше – данные Росстата // URL: <http://tayga.info/news/2011/12/20/~106368>; Гражданин с региональным оттенком // URL: <http://expert.ru/siberia/2012/01/>

¹³ Сибиряков в России за восемь лет стало в 412 раз больше – данные Росстата // URL: <http://tayga.info/news/2011/12/20/~106368>

¹⁴ **Верхотуров Д.** Нас 4 миллиона // URL: <http://www.verkhoturov.info/content/view/1191/47/>

¹⁵ **Бороньев А.О.** «Сибирство» как форма территориальной идентичности [Электронный ресурс] // URL: <http://sibident.narod.ru/text/boronoev.doc>

¹⁶ **Верхотуров Д.** Долой сепаратизм! // URL: <http://www.verkhoturov.info/content/view/1213/47/>

¹⁷ **Верхотуров Д.** Аудиозапись лекции «Что такое сибирская нация?» // URL: <http://www.verkhoturov.info/content/view/1173/54/#comment-395>

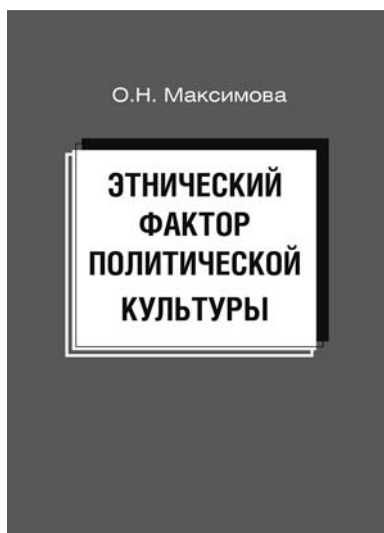
¹⁸ **Анисимова А.А., Ечевская О.Г.** Сибирская идентичность как форма политического высказывания // URL: <http://zaimka.ru/anisimova-echevskaya-siberian/>

¹⁹ Программа Совета Сибирского Народа (СЧН) // URL: <http://sibsovet.livejournal.com/8592.html>

²⁰ **Марголин Д.** Развитие Сибири. Программный документ // URL: <http://sibirnet.ru/node/71>

²¹ Сибирское Самоопределение начинается с первого шага // URL: <http://newsbabr.com/?IDE=103913>

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

О.Н. Максимова
ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Оренбург: Издательский центр ОГАУ,
2012. – 240 с.

Монография представляет собой исследование, посвященное социальным, политическим, идеологическим аспектам политической культуры, рассматриваемой в региональном контексте. На основе изучения взаимосвязи политической культуры с проблемами обеспечения политической стабильности, демократии, социальной справедливости показано, что во многом они определяются этническим фактором.

В.Л. Волгин

ОЙРАТЫ ВМЕСТО КАЛМЫКОВ: ДИСКУРС ВОКРУГ ИДЕИ СМЕНИТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В условиях трансформирующегося российского общества происходят процессы, вызывающие переосмысление этнической идентичности, попытки реконструировать привычные, казалось бы, самоидентификации. В этом смысле показательным, интересным и заслуживающим исследовательского внимания является появившееся в Республике Калмыкия движение за смену калмыцкой идентичности на ойратскую и реакция в обществе на данную инициативу.

Представленный в статье анализ направлен на выявление спектра мнений сторонников и противников вышеуказанной идеи, особенностей аргументации «за» и «против» нее в общественном дискурсе. Наиболее активно он проявился в интернет-форуме <http://forum.kalmykia.ru>.

Вызревавший подспудно феномен обновления этнической идентичности в Калмыкии обрел публичность в канун Всероссийской переписи 2010 г. Тогда Центр развития современной ойратской культуры «Тенгрин уйдл» («Небесный путь») объявил в республике акцию «Я – ойрат» и выступил с обращением к калмыкам записываться в переписных листах ойратами. В Элисте даже можно было встретить самодельные листовки, в которых рядом с официальной эмблемой переписи было написано: «Всероссийская перепись ойратов».

Ойраты – это западные монголы, этнические предки калмыков. В конце XVI – начале XVII века часть ойратских объединений, на основе которых впоследствии сложился самостоятельный калмыцкий этнос, откочевала во владения Русского государства, со временем расселилась в Нижнем Поволжье, месте расположения современной Республики Калмыкия.

Судя по контент-анализу материалов центра «Тенгрин уйдл» и открытых высказываний членов и сторонников этой организации в уже указанном интернет-форуме, инициатива видоизменения калмыцкой этнической идентичности имела множественную мотивацию.

Прежде всего, просматривалось желание возвратиться к так называемому исконному этнониму. Типичные высказывания (здесь и далее в цитатах исправлены грубые грамматические, пунктуационные, стилистические ошибки) на этот счет таковы: «Ойраты – исконное самоназвание

калмыков», «Произошло забвение исконного имени – ойраты», «Мы должны вспомнить наше родное, исконное имя – ойраты» и т. п.

Ощущался аксиологический (оценочный) аспект. Этноним «ойраты» толковался как более предпочтительное, «гордое» имя. «Ойраты, что значит близкие, ассоциируется с активностью, физическим и духовным здоровьем, политической и экономической мощью этноса», – говорилось в обращении центра «Тенгрин уйдл». Этноним же «калмыки», производный, как считается, от тюркского слова, означающего «отделившиеся», трактовался «чужеродным», «обидной тюркской кличкой».

Выражалась озабоченность проблемным состоянием калмыцкой нации, и при этом возвращение к ойратской идентичности само по себе считалось одним из путей преодоления кризиса, «возрождения» и, тем самым, – «сохранения» этнонации.

Чувствовалось стремление к возвышению нынешнего калмыцкого этноса через «великость» ойратского исторического и культурного наследия: «Все действительно великое в нашем этносе связано с именем «ойраты». Наши великие победы, наши государства, наши традиции и ценности, героический эпос «Джангар» – все они были созданы тогда, когда наш народ носил гордое имя ойратов», «Называя себя ойратами, мы устанавливаем связь с нашим прошлым, с нашей великой культурой».

Подчеркивалась ориентированность на глобальную ойратскую этническую консолидацию: «Принимая это имя, мы объединяемся, становимся действительно близкими людьми с нашими братьями в Монголии и Китае». По некоторым данным, в мире, и прежде всего в этих двух странах, проживает около 800 тыс. ойратов.

Следует заметить, что подобная ориентированность может вызвать предположение, будто идея ойратской идентичности направлена чуть ли не «во вне» по отношению к России. Обращает на себя внимание и то, что рассматриваемая инициатива выглядит превалирующей над возможными вариантами укрепления собственно калмыцкой консолидации. Например, в масштабах России, постсоветского пространства (немало калмыков есть в Киргизии) или даже мира (относительно

многочисленная калмыцкая диаспора существует в США, калмыки проживают во Франции, других странах).

Создавалось также впечатление о существенной роли субъективного фактора, серьезных личных амбициях авторов акции, которые старались придать максимально возможную значимость, перспективу своему начинанию. Так, речь шла не только о нынешнем поколении, но и грядущих: «Очень важно, чтобы калмыки вспомнили о своем исконном имени. Это наш долг перед <...> будущим», «Нужно использовать перепись как <...> сигнал будущим поколениям о желании предков сохранить свое исконное имя».

Наконец, неожиданно имело место декларирование воинственности: «Исконное ойратское мировоззрение основывалось на том, что каждый мужчина – воин», «Мы слишком многое потеряли, и наше имя, возможно, первый рубеж в битве за нацию». Правда, не объяснялось, почему битва, с кем предполагается биться и что будет сделано с побежденными в случае выигрыша.

Вместе с тем, настаивая на необходимости записываться ойратами, инициаторы этого движения уверяли, что наименования «калмык» и «ойрат» они не противопоставляют, а практически отождествляют: «У некоторых людей могут возникнуть опасения, что во время переписи калмыцкий народ из-за того, что многие запишутся ойратами, уменьшится в числе. Это не так. Все ойраты, как и те, кто запишутся дербетами, тургутами, бузавами, хошутами, зюнгарами, хойтами и т. д., в конечном итоге будут приплюсованы к калмыкам».

Примечательно, что рассуждения сторонников распространения ойратской идентичности порой сопровождалась безапелляционными высказываниями об этом процессе как исключительно внутрикалмыцком, до которого нет дела другим этническим группам в республике, да и, если следовать логике декларантов, народу Калмыкии в целом. «Для русских это неважно, а для нас весьма весомый и нужный показатель уровня самосознания», – уверялось в одном из сообщений. «По большому счету казахам (русским и другим) плевать, как мы называемся. Это нужно только для нас», – безапелляционно утверждалось в другом отклике.

С подобным игнорированием возможной реакции на процессы изменения калмыцкой идентичности трудно согласиться. Может быть, русским и представителям других национальностей, проживающим далеко от Калмыкии, действительно не важно, как именуется так называемая титульная нация республики. Но тем, кто живет в Калмыкии и рядом с ней, думается, вряд ли будет абсолютно безразлично, что какая-то часть «привычных» соседей-калмыков вдруг превратится в ойратов, намеревающихся, к тому же, вести некую «битву за нацию».

Реакция на акцию «Я – ойрат» не замедлила появиться. Правда, представители власти, СМИ, научного сообщества практически воздержались от участия в дискуссии, и она велась в основном на вышеназванном интернет-сайте. Тем не менее, этот срез мнений представляет немалый интерес для анализа.

Восприятие (выраженное, судя по всему, главным образом этническими калмыками) оказалось разнообразным.

Например, выказывалась безусловная поддержка: «Пусть возродится древнее самоназвание нашего народа в 21 веке!» Тех, кто «выступал за имя ойрат», комплиментарно именовали пассионариями.

Имелась условная поддержка: «Готов назвать себя ойратом, если это название учтут в числе калмыков в конечном итоге [в переписи]».

В случае неготовности сменить идентичность, тем не менее, встречалось толерантное отношение к акции: «Не впадаю в раздражение от того, что кто-то хочет записаться ойратом. Глядишь, и люди хоть историю почитают, а то вообще же ничего не знают».

Вместе с тем гораздо чаще говорилось о непонимании затеи. Утверждение ее инициаторов, что ойратов все равно посчитают по итогам переписи как калмыков, ввергало в недоумение: «И? Смысл весь в чем тогда?», «На фига тогда весь этот шум с ойратами? Если в итоге всех ойратов без их вехи и согласия все равно запишут калмыками, то иначе как бессмысленной всю акцию с ойратами назвать нельзя», «Это не более чем никому не понятные игры» и т. п. На этом основании затея считалась вовсе не нужной, ее даже называли «буря в стакане».

Сформировалось резкое неприятие акции как угрозы сокращения численности калмыков и утраты Калмыкией государственно-политической субъектности. «Ваши игры в ойратов ни к чему хорошему в данном случае не приведут», – утверждалось на форуме. Возникли опасения, что ойратов могут отнести не к калмыкам, а к алтайцам, китаяцам, монголам или «другим национальностям». В итоге калмыков в Калмыкии будет записано меньше, чем есть на самом деле. Из этого следовало, что уменьшение численности калмыков способно обернуться ликвидацией республики как субъекта РФ центральными властями. Те, кто ратует за ойратов, «льют на мельницу тех, кто желает упразднения республики», говорилось в одном из откликов. «Логика у федералов будет простой и циничной: если чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, аварцы, татары, башкиры растут стабильно в численности, то лучше их не трогать. А вот калмыки раскололись, уже нет 200-тысячного калмыцкого населения, единого монолита, а есть кусочки калмыков, ойратов, дербетов, тургутов, бузавов, болдыров. Это будет лишней повод использовать это в своих феде-

ральных целях. А цель у них по отношению к нацменам одна – растворить, руссифицировать, оправославить, «окультурить» и присоединить к русским областям и краям», – рисовал мрачную перспективу другой комментатор. По поводу истинности сформулированных выше «федеральных целей» едва ли можно безоговорочно согласиться, но, как видно, подобные настроения существуют, и их нельзя игнорировать. Тем более, что речь не идет о единичном случае. Свои фобии касательно вероятностей утраты Калмыкией существующего политико-правового статуса не скрывали и другие: «Ойратская акция с переписью может иметь очень негативные последствия для автономии Калмыкии. Чем меньше людей назовут себя калмыками, тем больше у Кремля будет желания автономию ликвидировать», «Нашим как всегда повыеживаться надо. Ойратами вдруг стали. Теперь ... Калмыкия первая в списке на присоединение [к соседним регионам], с чем и поздравляю ойратов и прочих умников». Хотя, надо заметить, не все впадали в крайний пессимизм. «Слияние республики с чем-то, конечно, плохо. Но вы преувеличиваете вероятность этого события, – говорил оппонент. – Со стороны очень похоже на то, что человек выдумал себе страх и с удовольствием начал его бояться. Мало этого, он еще предлагает другим побояться вместе с ним».

Как бы то ни было, выражалось решительное несогласие «переходить» в ойраты: «Я был и есть калмык!», «И с чего бы мне, всю жизнь бывшей калмычкой, сейчас вдруг с вашим приходом стать не калмычкой?»

Оспаривались доводы сторонников изменения идентичности, в частности, касающиеся того, что все действительно великое в калмыцком этносе связано с ойратским периодом. «Ничего не имею против нашей истории, всего того, что позволяет гордиться нашими корнями, – рассуждала одна из дискуссанток и, имея в виду собственно калмыков, добавляла. – Думаю, у нашего народа было немало доблестных подвигов и поводов к национальной гордости уже в более близкий к нам исторический период. Придут переписчики, запишут калмычкой».

Звучало возражение и по поводу того, что этноним «калмык» – «чужеродный», «тюркская кличка». «Для кого-то «калмык» – это только обидное прозвище, а для меня лично это своего рода раскрученный предками «исторический бренд», и нас в мире знают именно под этим этнонимом», – доказывал другой полемист. «Если калмыки стали называть себя калмыками, то лишь потому, что сами так решили, и на то были причины. Я не считаю, как некоторые, своих предков недалекими недоумками, которые, как овцы, восприняли чуждое им название. Я уважаю их выбор и не склонен менять свой этноним, исходя из моды, политики, просто психических отклонений и чего-либо еще», –

заявлял очередной участник обсуждения. «Наше самоназвание – калмык. Наши прадеды более 2 веков назад уже себя так называли. Калмыки – это самостоятельный этнос, – говорилось в следующем посте. – Призыв помнить о своих корнях, о предках, об их истории, об ойратах очень правильный. Но не надо мешать все в одну кучу. Еще раз: в переписи каждый калмык, которому не безразлична судьба именно калмыцкого народа, должен называться калмыком».

Недоверие распространялось не только на аргументы инициаторов акции, но и на личности, стоящие за ней. «Яростная и агрессивная кампания по смене названия именно перед всероссийской переписью не случайна. Люди-агитаторы либо глубоко заблуждаются, либо делают это из корыстных интересов», – отмечал дискуссант. Доходило до еще более негативных оценок в отношении энтузиастов принятия ойратской идентичности: они де «производят впечатление больных на голову комплексом неполноценности», являются «наймитами». Правда, не уточнялось – чьими.

Заметная часть интернет-активистов с тревогой восприняла акцию «Я – ойрат» как признак процесса утраты единства калмыцкого этноса и призывала противостоять этому: «Зачем нужно было в этой переписи придумывать ситуацию раскола?», «Если бы нас было пару миллионов, то называйтесь хоть как, а так либо специально хотите поделить народ, либо ваши действия недальновидны», «Историю я знаю и ничего не отрицаю, ойратами, конечно, называться можно, но на переписи все-таки важно называться калмыком. 400 лет мы в России калмыки, и сейчас процент именно калмыков очень важен», «Если прям-таки вы горды за своих предков, то зовитесь ойрат(д)ами, но при переписи указывайте калмык хотя бы ради сохранения нашего региона как субъекта».

«В жизни мы можем по-всякому себя обозначать: дербетами, торгутами, хошутами, ойратами, калмыками и т. д. Но бывают такие моменты, когда нация должна предстать единым организмом. И перепись как раз является таким показательным моментом. Акция «Мы – ойраты», к сожалению, вносит серьезный раскол в единстве представительства нашего народа в стране, – рассуждал один из форумчан и наставлял. – Ребята, нужно предлагать проекты, которые бы сплачивали наш народ, а не разделяли. Например, провели бы акцию, чтобы все болдыры (дети от смешанных браков, где один из родителей калмык или калмычка – В. В.) записались калмыками, и это могло серьезно увеличить численность нашего народа».

С одной стороны, констатировалось, что «раскол калмыков уже произошел». «Еще полгода назад я и подумать не мог об этом, а сейчас это уже реальность», – сокрушался один из участников дискуссии. С другой стороны, утвержда-

лось, что «проблема «раскола» явно надумана». В одном из сообщений говорилось: «Из друзей два-три человека ойратами запишутся, а другие калмыками, но что-то я не начинаю считать нас разным народом». Выражалась уверенность, что «калмыки, независимо от наречия и диалекта, уровня знания языка, толщины кошелька, места проживания, сумеют сплотиться вокруг общей задачи — сохранить свою идентичность, сохранить свой родной народ».

Некоторые воспринимали инициативу «Тен-рин уйдл» как не просто угрожающую единству калмыцкого этноса, но и как противопоставляющую, по выражению одного из дискуссантов, «крутых ойратов» и «каких-то калмыков». Критики прямо обвиняли руководство общественной организации в попытке внести «раздор внутри нашего народа», «возвысить ойратов и опустить калмыков». Надо сказать, основания для подобного понимания ситуации были. Так, некий сторонник ойратской идентичности говорил: «Те, кто называет себя калмыками (не все, но многие) — либо вообще не интересуются историей, то есть даже без понятия, какое отношение имеют к калмыкам ойраты, либо считают, что не надо гневить центр, называя себя ойратами». Другой уверял, что, если дойдет до присоединения Калмыкии к другому субъекту РФ, то «скорее всего именно ойраты, как более граждански активные и непримиримые, <...> будут в основном «на баррикадах» против объединения, а калмыки будут по домам сидеть — «как бы чего не вышло».

В ответ оппоненты решительно возражали против подобных заявлений активистов ойратского движения. Имел место, например, такой контрдовод: «Беда всех этих «ойратистов» заключается в том, что они совершенно бездоказательно решили, что они теперь самые-самые умные и теперь высокомерно указывают простым людям, как им называться». К этому добавлялось: «Складывается такое впечатление, что вы единственным оценочным критерием для работы своего центра сделали количество появившихся ойратов в Республике Калмыкия. Типа, чем больше ойратов, тем лучше работает центр. И вы ринулись достигать этой цели любыми путями, включая очернение современного самоназвания «калмык» и всего, что с ним связано. Это самый легкий путь, но он неправильный». «Большинству калмыков это совершенно не нужно, — сказано в одном из комментариев в адрес инициаторов акции. — Это нужно именно для вас. Типа, посмотрите, сколько народа я убедил обзваться ойратами. Это ваше самолюбие».

Части интернет-активной общественности идеи новой идентичности показались конъюнктурными: «Новоиспеченные ойраты, половина из которых

бездумно сменило свою национальность просто из модных, а-ля передовых тенденций, запросто могут и еще раз потом сменить национальность на что-нибудь другое, что будет модным в то время».

На критику инициаторы акции «Я — ойрат» отвечали упреками в боязни оппонентов назваться ойратами: «Все-таки запугали... вас», «В этих людях очень много неосознаваемого ими страха».

Такие аргументы, надо сказать, не воспринимались, вызывая дополнительное возмущение. Одна из дискуссанток недоумевала: «Если я хочу быть калмычкой, то меня запугали? Мда». Другой комментатор заявил: «Меня взбесило именно то, что они всех калмыков, которые и дальше продолжают себя называть калмыками, а не ойратами, считают, что они это делают из своей трусости перед федералами, как бы чего не вышло. С чего вы взяли? Большинство калмыков продолжают себя так называть по десяткам причин, абсолютно не связанным с политикой. Не надо тут писать чушь — типа, если ты и дальше продолжаешь именовать себя калмыком, то ты прогибаешься перед центром. Зачем вы провоцируете народ?»

Прогнозы на «ойратские» итоги переписи с обеих сторон были оптимистичными, хотя и взаимоисключающими. Сторонники сохранения калмыцкой идентичности полагали, что «очень небольшое число назовется ойратами». Адепты возрождаемого ойратского самоназвания считали: «В любом случае, даже несмотря на противодействие заблуждающихся, в этой переписи ойратов явно будет больше».

Похоже, так оно и произошло. Пока что опубликованы общие данные Всероссийской переписи 2010 г. о национальном составе населения Калмыкии, и количество тех, кто «записался» ойратами, не обнародовалось. По неофициальным источникам — их более тысячи, тогда как в 2002 г. было 86.

После проведения переписи дискуссия «Калмыки или ойраты?» практически стихла, однако это не значит, что тема исчерпана или потеряла актуальность. Есть признаки, что, начавшись, процесс переосмысления в калмыцком обществе различных аспектов, касающихся собственной этнической идентичности, в том числе возможности, необходимости, последствий ее изменения, уточнения, продолжается.

Тем не менее, очевидно: идея, чтобы калмыкам вдруг назваться ойратами во время переписи, не нашла широкой поддержки. По официальным данным, численность калмыков в республике в 2010 г. увеличилась в сравнении с 2002 г. на 6,8 тысячи и составила 162,7 тысячи, или 57,4% от количества лиц, указавших этническую принадлежность.

М.М. Юсупов

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Современные процессы глобализации способствуют модернизации многих сфер социальной жизни, изменению социокультурных ценностей, формированию специфики региональной и национальной идентичности. Трансформационные перемены в постсоветской России оказывают влияние на развитие новой иерархии ценностей и становление различных типов социально-групповых идентификаций.

Ценности образуют ядро личности и определяют ее самоидентификацию. Это сложный, многогранный процесс, который на различных уровнях и в сферах характеризуется противоречиями, возникновением проблемных полей напряжения. Что обусловлено, с одной стороны, проявлениями кризиса идентичности под воздействием трансформаций в обществе. С другой стороны, потребностью поиска новой идентичности или «корректировки» ее с учетом изменившихся социокультурных реалий.

Особенность постконфликтного региона состоит в преобладании ценностных ориентаций на реконструкцию жизнедеятельной социальной среды, физическое воспроизводство. Ценностные ориентации побуждают субъекты на те, или иные социальные действия, в соответствии с целями установления и поддержания мира, выживания и социального обустройства. В общественном сознании оказываются востребованными ценности «возрождения», «восстановления», «стабилизации», «согласия».

На первоначальном этапе в постконфликтной ситуации восстанавливаются объекты жизнеобеспечения, образовательного, здравоохранительского и культурного назначения, затем возникают у представителей гуманитарной интеллигенции и республиканской власти опасения за состояние социокультурных ценностей. Такая озабоченность вызвана тем, что военные действия деформировали существовавшую структуру, формы социальных связей и отношений, ослабили регуляторские функции традиционных норм и ценностей, спровоцировали рост социальных девиаций. Хотя нужно признать, что эти процессы были предопределены глубинными формационными изменениями, повлекшими «за собой разрушение прежней социальной структуры и, как следствие, прежней системы коллективных социальных

идентичностей»¹. Война усугубила, оголила данные тенденции, внесла механические разломы в систему социально-структурных связей. Именно как рефлексию на переживаемую ситуацию нужно в известной степени рассматривать наблюдаемые в регионе факты архаизации некоторых сторон социальных отношений

Формирование идентичности происходит в контексте противоречий религиозных и светских, традиционных и модернизационных ценностей. Характер протекания этих противоречий зависит от уровня образования, урбанизации, социальной занятости, историко-культурного опыта. Разные культуры имеют разный набор ценностей. Культуру Европы называют индивидуалистической, а Азии — коллективистской². Цивилизационная особенность России состоит в соотношении коллективизма и индивидуализма, выражающих не только различные жизненные стратегии, но и способы наиболее эффективного решения жизненных задач³. В переходных обществах наблюдается смешанность этих типов культур. В одних сферах жизнедеятельности и по одним ценностям они могут быть близки к Восточной, а по другим — к Западной.

В постконфликтном регионе чаще испытывают социальную потребность физического самосохранения и демографического воспроизводства, а ценности «самоуважения», «самореализации», «приобретения знаний» остаются маловостребованными. Ценностные предпочтения, выявленные на основе анализа 14 суждений, показывают, при некотором различии, близость социокультурного восприятия действительности в общероссийском и региональном сообществе. Интегрирующее ядро образуют в стране семья, порядок, общительность⁴. В Чечне — жизнь человека, жертвенность, семья, традиция, порядок (Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона», 2009, объем выборки — 1000 чел.)

Одновременно социологические данные свидетельствуют, что некоторая часть людей предрасположена предпочитать современные ценности. Региональная общность как бы расслоилась на две половины — приверженцев накопленного опыта и желающих обновлений, последователей традиций и обычаев и испытывающих потребность жизни по гражданским нормам.

Таблица 1 – Соотношение ценностей изменения и сохранения (Кис)

Ценности изменения (Ци)	Баллы	Ценности сохранения (Цс)	Баллы
Свобода	4,47	Традиция	4,68
Независимость	4,05	Порядок	4,65
Инициативность	3,74	Жертвенность	4,81
Своевольность	1,99	Властность	2,25
Итого	14,25	Итого	16,39
Коэффициент их соотношения: Кис – 0,86			

Это подтверждает и цивилизационная модель базовых ценностей населения ЧР, в ней индекс выраженности традиционных ценностей – 4,05, общечеловеческих – 3,87, современных – 4,27.

При этом надо признать, что мировоззрению и ценностным установкам многих присущ синкретизм, нерасчлененность традиционного и современного. Хотя люди, особенно молодые, чаще стремятся действовать в духе современных ценностей, с учетом своих индивидуальных интересов.

Базовые ценности выполняют интегративную функцию, определяют существование культурных норм, тип идентичности. Среди старшего и отчасти среднего поколения больше приверженцев сохранения и укрепления традиционных норм и ценностей, а молодые чаще ориентируются на социальные и культурные новации.

Итак, по своим ценностным ориентациям идентифицирующих себя с традицией и совре-

менностью примерно одинаково, как и во всей стране, что не исключает кризиса, конфликта идентичности.

Существуют интегрирующие и дифференцирующие ценности. По результатам экспертного опроса, в постконфликтной ситуации объединяют, сплачивают такие ценности, как язык, традиция, земля отцов, разъединяют последствия борьбы за власть, ослабление этических норм, расслоение на богатых и бедных, конкуренция групп за экономическое пространство.

Таким образом, региональная общность находится в переходном состоянии, как и все российское общество. Иерархическая структура ценностей подвижная, в ее изменении новационную роль может сыграть активизация ценностного потенциала модернизации – инициативности, предприимчивости, прагматизма, динамизма и маневренности, присущих многим жителям региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Филиппова Е. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. 244 с.

² Europe and the Asia. Pacific, Culture, Identity and Representations of Region. Edited by Stefanie Lawson. London and New York. 2003. 253 p.

³ Schwartz Shalom H. Universals in the content and

structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. Vol. 25 Copyright © 1992 by Academic Press, Inc.

⁴ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / составление и общая редакция Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. М., 2009.

С.И. Аккиева

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КБР В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Кабардино-Балкарская Республика (далее КБР) расположена на северном склоне Главного Кавказского хребта и входит в состав Северо-Кавказского федерального округа РФ. Граничит со Ставропольским краем, республиками Северная-Осетия Алания, Карачаево-Черкесия и с Грузией. Территория Кабардино-Балкарии составляет 12 470 кв. км.

Плотность населения республики высокая и составляет 71,8 чел. на 1 кв. км, что выше, чем в среднем по Северо-Кавказскому региону (53,3 чел. на 1 кв. км). По данным Всероссийской переписи населения (ВПН), численность населения КБР составила 859 939 человек. В составе населения наибольший удельный вес имеют кабардинцы — 490,4 тыс. чел. (57,2%), русские — 193,2 тыс. чел. (22,5%), балкарцы — 108,5 тыс. чел. (12,7%), украинцы — 4,8 тыс. чел. (0,6%), осетины — 9,1 тыс. чел. (1,1%), представители других национальностей (турок, татар, армян, азербайджанцев, грузин, белорусов, цыган) — 43,2 тыс. чел. (5,9%)¹.

В настоящее время в КБР насчитывается 10 районов, 3 городских округа, 7 городских поселений и 122 сельских населенных пункта.

Городское население составляет 58,5% от общего числа жителей республики, сельское — 41,5%.

Территория республики по своим природно-географическим характеристикам разделяется на три зоны: равнинную, предгорную и горную. Этому делению в определенной мере соответствует ареал расселения трех основных этнических групп Кабардино-Балкарии: кабардинцев — равнинная и частично-предгорная часть республики, русских — равнинная, балкарцев — горная и предгорная. Природно-географический фактор определяет и административно-территориальное деление республики: Прохладненский, Майский, Терский, Лескенский, Урванский районы — равнинные, предгорно-равнинные — Зольский, Баксанский, предгорно-горные — Чегемский, Черекский, и один район — Эльбрусский — является горным. Кабардинцы в основном проживают в Баксанском районе, они составляют 93% всего населения, Зольском — 90,8, Терском — 86,6, Урванском — 78,6, в Лескенском — 91,2, в Чегемском районе — 73,6, Черекском — 35,3,

Прохладненском — 27,2%. В Нальчике живет около 46,2% кабардинцев.

Русское население компактно проживает в Майском (78,2%) и Прохладненском (52,2%) районах и во втором по численности городе республики — Прохладном (79,0%). По данным последней советской переписи (1989 г.), удельный вес русских в этих районах был выше и составлял в Майском районе 83,5%, в Прохладненском — 58,2%. Доля русских в городах республики также была выше и составляла по 43% в гг. Нальчик и Тырныауз, по 80% в Прохладном и Майском, 38% в г. Нарткале, по 16% в гг. Терек и Баксан. К началу XXI в. численность русских во всех городах республики значительно сократилась (от 30 до 70%). С начала 2000-х гг. тенденция на сокращение численности русских продолжилась в сельских населенных пунктах Прохладненского и Майского районов.

Балкарцы живут преимущественно в предгорной и горной частях республики, и удельный вес балкарцев составляет в Черекском районе — 61,6%, Чегемском — 18, Эльбрусском — 64,4, 15,5% балкарцев проживают в составе Нальчикского городского округа (в него входят два самых больших балкарских населенных пункта — с. Хасанья — 10,5 тыс. чел. и Белая Речка — 3,5 тыс. чел.).

Структурные изменения 90-х гг. оказали негативное воздействие на этнодемографические процессы. Они привели к снижению рождаемости, высокой смертности, миграции, изменению этнического состава населения республики. Изменения коснулись не только количественных показателей населения, они отразились на качественных характеристиках населения. Регион за два последних десятилетия теряет урбанизированное и наиболее образованное население.

Период 1990–2005 гг. можно охарактеризовать как период регресса, в течение которого наблюдается снижение числа родившихся и увеличение числа умерших. За период с 1990 по 2005 гг. рождаемость населения снизилась в 2 раза (с 20 родившихся на 1000 человек в 1990 году до 10,0 в 2005 г.). С 2006 г. ситуация начинает улучшаться, и наблюдается рост рождаемости с 10,4 до 14,6 в 2010 гг. Снижение уровня рождаемости в первое постсоветское

десятилетие наблюдалось среди всех возрастных групп женщин КБР, как в городе, так и на селе. Наиболее существенное снижение рождаемости приходилось на возрастные категории: 20–24, 25–29 и 30–34 г., т.е. в той группе, которая вносит наибольший вклад в формирование итогового уровня рождаемости. В результате к началу 2000-х гг. Кабардино-Балкария наряду с Адыгейской Республикой, Ставропольским и Краснодарским краями оказывается в составе регионов с низкой детностью (1–2 ребенка в семье). А суммарный коэффициент рождаемости в республике оказался ниже среднего показателя по Северному Кавказу – 1,42². Снижение числа рождений, тенденции к раздельному проживанию молодых и родительских семей; безработица, низкий уровень жизни, увеличение доли семей с одним родителем в результате разводов, вдовства и т.п. можно назвать в числе тех причин, которые ведут к низкой детности. Современные параметры рождаемости намного меньше, чем требуется для замещения поколений: в республике в среднем на одну женщину в 2008 г. приходилось 1,49 рождений, тогда как для простого воспроизводства населения этот показатель должен составлять 2,09. Снижение рождаемости произошло в результате изменения воспроизводственных установок населения в сторону уменьшения числа детей, что обусловлено общемировыми тенденциями и характерно для большинства экономически развитых стран. Уровень рождаемости среди основных национальностей различен. Наиболее высок он у кабардинцев и остается таковым на протяжении последних десятилетий. В 1993 г. на 1000 кабардинцев рождаемость составила 18,1, что на 20,7% больше, чем в среднем по республике, балкарцев – 16,1 (на 7,3% больше), русских – 9,5, что на 36,7% ниже среднереспубликанского уровня³. Снижение уровня рождаемости у русских объясняется как установками на малую детность, так и старением населения. На старение населения указывают Г.С. Денисова и В.П. Уланов, отмечая, что уже с начала 80-х гг. из региона стала выезжать молодая часть русского населения, что привело к стремительному нарастанию тенденции старения остающейся части населения⁴.

С 2007 г. в республике отмечается повышение уровня рождаемости, при этом особых изменений этнических параметров рождений не отмечено, по-прежнему уровень рождаемости среди кабардинцев остается выше, чем у остальных этнических групп. У них же наметилась тенденция на рост числа многодетных семей. Этому способствуют демографические программы как федерального, так и республиканского уровня, о которых будет сказано ниже.

Двухдетная семья с 80-х годов XX в. стала преобладающей среди всех этнических групп.

На двухдетную семью как доминирующую тенденцию в республике, и в частности среди русских, указывают и материалы проведенного И.Х. Тхамоковой в 2006 г. исследования среди студенческой молодежи г. Нальчика. По ее данным, более половины опрошенных русских студентов (53,6%) хотели иметь двоих детей, 23,8 – троих, 7,3 – четверых и более, и только 6,6% желают ограничиться одним ребенком. Даже те студенты, которые являются единственными детьми своих родителей, сами желают иметь, как правило, не менее двух детей. В среднем на одного студента, ответившего на этот вопрос, приходится по 2,3 желаемого ребенка. Родители студентов имеют в среднем по 2,1 ребенка. 22,3% студентов являются единственными детьми у своих родителей⁵. Установки на двухдетную семью преобладают и в настоящее время. На это указывают и материалы исследования, проведенного авторами в 2010–2011 гг. в ряде населенных пунктов КБР. (Для изучения демографических установок населения было опрошено 300 человек, в том числе 50 балкарцев, 75 русских, 100 кабардинцев и 75 представителей других национальностей от 18 до 60 лет).

Среди причин, влияющих на сохранение установок на малую детность, наши респонденты назвали (ранжир по степени значимости): неудовлетворительные материальные условия; жилищные, безработица, неуверенность в завтрашнем дне. Среди кабардинцев неудовлетворительность материальных условий отметили 57,3%, балкарцев – 55,9, а среди русских – 63,1%. По мнению некоторых респондентов, сокращение рождаемости также связано с тем, что мужчины не готовы нести ответственность за семью, распространением алкоголизма, наркомании, падением семейных ценностей и др.

Следует отметить, что власти республики уделяют значительное внимание демографическим проблемам и поддержке семьям с детьми. За последние годы в Кабардино-Балкарской Республике принято 8 законов в области поддержки семьи, материнства, защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Согласно действующему федеральному и республиканскому законодательству семьям, воспитывающим несовершеннолетних детей, предоставляется 13 видов единовременных и ежемесячных пособий. В КБР в 2007 г. была учреждена медаль «Материнская слава». Ею награждается многодетная мать, родившая и (или) достойно воспитывающая (воспитавшая) пять и более детей и имеющая одного и более несовершеннолетних детей. Награжденным медалью «Материнская слава» выплачивается единовременное денежное вознаграждение из расчета 10 тыс. руб. на каждого ребенка. Женщинам, воспитавшим (воспитывающим) десять и более детей и награжденным медалью «Материнская слава»,

власти республики выделяют и микроавтобус. К федеральному пособию по рождению ребенка Кабардино-Балкария делает республиканскую доплату в сумме 2170 руб. В КБР при рождении пятого и последующего ребенка женщина получает вторую, региональную, выплату в размере 250 тыс. руб. Эти деньги предназначены для покупки или строительства жилья⁶.

Анализ ситуации с точки зрения репродуктивного поведения, включающего в себя не только естественный прирост населения – рождаемость и смертность, но также показатели брачности и разводимости, обнаруживает, что на протяжении последних двух десятилетий ситуация в этой области была неблагоприятной и характеризовалась сокращением числа браков. При этом положительным моментом являлось то, что не было значительного роста числа разводов. Как отмечают исследователи, особенностью демографического развития республик Северного Кавказа является низкий показатель разводимости, а коэффициент разводимости в республиках значительно ниже аналогичного показателя по России в целом. Так, в Республике Дагестан он в 3 раза ниже, в Республике Ингушетия – в 9 раз, а в Чеченской Республике – в 15 раз⁷. В Кабардино-Балкарии отмечаются колебания коэффициента брачности то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения, но в целом коэффициент разводимости ниже, чем в РФ.

На этнодемографическую ситуацию негативное влияние оказывает смертность, которая имеет тенденцию к росту. В течение последних десятилетий увеличилась смертность населения с 8,6 на 1000 человек населения в 1990 г. до 9,5 в 2010 г. При общей тенденции роста смертности населения следует отметить чрезвычайно высокую смертность мужчин трудоспособного возраста. Уровень смертности трудоспособных мужчин в четыре раза выше, чем уровень смертности женщин, а в возрастной категории от 25 до 30 лет – в 7,7 раза превышает уровень смертности женщин. Высокий уровень преждевременной и предотвратимой смертности связан с онкологическими заболеваниями, несчастными случаями, отравлениями и травмами и в значительной мере обусловлен ухудшением состояния здоровья населения, распространением социально обусловленных заболеваний (туберкулез, наркомания, токсикомания, алкоголизм). Так, смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя, возросла с 3,0 до 17,8%, а среди мужчин в трудоспособном возрасте – с 6,1 до 43,5% в 2005 г. (на 10 000 чел). Особую тревогу вызывает рост числа наркоманов в республике, по официальным данным, на учете в наркологическом диспансере в 2004 г. состояло более 2 тыс. человек. Настораживает факт все большего вовлечения в потребление наркотических средств лиц молодого возраста.

Молодежный контингент стал доминирующим среди лиц, зависимых от наркотиков. При этом наблюдается рост числа лиц, злоупотребляющих опиатами как естественного, так и синтетического производства⁸. Как отмечают специалисты, общая численность лиц, употребляющих наркотические и токсикоманические средства с вредными последствиями, увеличивается год от года. Наркологической службой ежегодно берется под наблюдение около 200 детей и подростков потребителей психоактивных веществ (алкоголь, наркотические и токсикоманические вещества). Состояние здоровья и уровень смертности населения негативно отразились на показателе ожидаемой продолжительности жизни, который снизился с 71,1 года в 1990 г. до 70,1 года в 2009 году. При этом продолжительность жизни мужчин намного меньше (65,5 года), чем продолжительность жизни женщин (75,9 года). Эти показатели несколько выше, чем в среднем по Российской Федерации (соответственно 60,3 г. и 73,2 года), но значительно уступают соответствующим показателям в развитых странах (75 и 80 лет)⁹.

Долговременные процессы, происходящие в численности населения, обусловили изменение его возрастной структуры. Удельный вес населения младше трудоспособного возраста сократился с 29,6% в 1990 г. до 20% в 2006 году. Удельный вес населения допенсионного возраста увеличился с 55,9% в 1990 г. до 64,2% в 2006 г., а доля лиц старше трудоспособного возраста возросла за этот же период с 14,5 до 15,8%. В обществе идет процесс демографического старения населения. Сегодня каждый шестой житель республики достиг пенсионного возраста.

Негативное влияние на здоровье населения оказывают стрессы, низкий уровень и качество жизни, неудовлетворительное состояние системы здравоохранения. Проблемы с ухудшением здоровья населения связаны с тем, что почти на всех предприятиях независимо от их вида собственности не соблюдаются установленные законом нормы трудового времени. А низкий уровень оплаты труда не позволяет компенсировать повышенные временные трудовые затраты посредством приобретения качественного питания, услуг или комфортного бытования. В погоне за заработком люди забывают не только о профилактике заболеваний, но зачастую и о самом лечении. За последние 10–15 лет кардинальные перемены произошли в досуговом времяпрепровождении – практически исчезли спортивно-оздоровительные виды досуга.

Мало внимания уделяется формированию у населения установок здорового образа жизни, профилактике сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, алкоголизма, наркоманий и табакокурения. Состояние здоровья и уровень смертности населения негативно отразились на

показателе ожидаемой продолжительности жизни, который снизился с 71,0 года в 1990 г. до 70,1 в 2006 году. При этом продолжительность жизни мужчин намного меньше (65,5 года), чем продолжительность жизни женщин (75,9 года). Эти показатели несколько выше, чем в среднем по Российской Федерации (соответственно 60,3 и 73,2 года), но значительно уступают соответствующим показателям в развитых странах (75 и 80 лет)⁹.

Долговременные процессы, происходящие в численности населения, обусловили изменение его возрастной структуры. Удельный вес населения младше трудоспособного возраста сократился с 29,6% в 1990 г. до 20% процентов в 2006 г. Удельный вес трудоспособного населения увеличился с 55,9% в 1990 г. до 64,2% в 2006 г., а доля лиц старше трудоспособного возраста возросла за этот же период с 14,5 до 15,8%. В обществе идет процесс демографического старения населения. Сегодня каждый шестой житель республики достиг пенсионного возраста. Немало проблем порождает отсутствие доступного жилья, недостаточный среднедушевой доход — из 106 тыс. семей с детьми до 18 лет 74 тыс. получают ежемесячные детские пособия. И для многих семей пенсии и детские пособия являются единственным средством существования.

Серьезной проблемой, влияющей на демографическую ситуацию и социально-экономическое развитие республики, являются миграционные процессы. В течение последних двух десятилетий в республике наблюдается отрицательное сальдо миграции, что отражено в таблице 1.

Если в начале 90-х гг. миграционная убыль компенсировалась относительно высоким естественным приростом населения, то за 2000 — 2005 гг. в результате оттока (на фоне резко сократившегося естественного прироста) численность населения республики стала сокращаться, а в ряде населенных пунктов Прохладненского и Майского районов численность населения сократилась вдвое за счет выезда людей молодого трудоспособного возраста за пределы КБР, и это миграция из числа невозвратной.

На протяжении 1990-х гг. миграция из республики в основном была связана с оттоком

русских и так называемой русскоязычной части населения (украинцы, немцы, евреи). Так, за период с 1989 по 1997 гг. из республики уехали 10,5 тыс. евреев из 12 тыс. проживающих в республике¹⁰, выехали также почти все немцы, которые по переписи 1989 г. составляли более 8 тыс. человек. Немцы и евреи, в т.ч. горские евреи, выезжая из КБР, в большинстве своем покидали Россию с тем, чтобы обосноваться в Германии, Израиле, США. В настоящее время численность горских евреев в республике составляет чуть более 1 тыс. чел., а численность немцев не превышает 200 — 300 человек.

В последние два десятилетия в республике отмечается рост численности турок-месхетинцев, которые впервые появились в республике в конце 60-х годов. За 4 десятилетия были еще две волны переселения турок-месхетинцев в КБР: 1) конец 80-х годов XX века — после ферганских событий в Узбекистане и 2) в 90-е годы (в период первой войны в Чечне). В настоящее время турки-месхетинцы составляют в республике около 12 тыс. чел. и проживают они в равнинной зоне (последние две волны турок-месхетинцев селились в тех населенных пунктах, откуда выезжали немцы, выкупая их дома). В настоящее время этнический состав мигрантов изменился. Так, если в 90-е гг. русские и другие нетитульные этносы (немцы, евреи, украинцы, татары) составляли преобладающую часть уезжающих из Кабардино-Балкарии, при незначительной доле титульных народов, то на сегодняшний день национальный состав мигрантов из КБР при сохранении полиэтничного характера изменился качественно, и в нем преобладают лица коренных национальностей — кабардинцы и балкарцы.

В последние годы автором был проведен ряд опросов, целью которых было изучение миграционных установок населения республики. Так, по материалам опроса 2007 г., проведенного авторами среди русских в гг. Нальчик, Прохладный и Майский, а также в селах Майского и Прохладненского районов (всего было опрошено 520 человек), было выяснено, что из республики желал уехать каждый четвертый русский. Более всего была настроена на отъезд молодежь в возрасте 18 — 24 года — около

Таблица 1 — Миграция населения Кабардино-Балкарии (чел.)

	1990	1995	2000	2002	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего по КБР:											
прибыло	31341	27691	21333	9117	7827	8638	7920	7241	6396	9774	11761
выбыло	21675	16944	14040	11150	19066	13230	10973	9718	9523	15322	17955
сальдо миграции	9666	10747	7293	-2033	-11239	-4592	-3053	-2477	-3127	-5548	-6194
На 1000 прибывших, выбыло, человек	692	612	658	1223	2436	1532	1385	1342	1489	1568	1394

Составлено по данным Территориальной службы Государственной статистики по КБР за 1990–2012 г.

37%. А среди старших возрастных групп доля желающих покинуть республику снизилась от 17% среди 30–49 летних до 5% среди тех, кому было 50 и старше.

Невозможность в силу ряда причин конкурировать с титульными этносами в условиях новых, рыночных отношений, слабая представленность во властных структурах и престижных сферах занятости, отсутствие перспектив социального роста и улучшения материального благосостояния также являются важными факторами, влияющими на миграционные настроения русских и на их желание покинуть республику.

Опрос 2010–2011 гг. (было опрошено 600 человек разных национальностей) показал, что практически каждый второй молодой человек до 30 лет хотел бы уехать из республики, при этом особых различий в миграционных установках в зависимости от национальности не выявлено. Миграционные установки молодых вызваны разными факторами, среди которых немалую роль играет изменение жизненных стратегий и установок молодых, их нацеленность на успех и расчет на свои силы и знания. В системе ценностей констант молодых на первом месте была семья – 65,3%, материальное благополучие – 64,3%, интересная работа – 58,3%, уважение со стороны людей – 45,6%. Главными направлениями миграции из КБР являются мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург) и области, примыкающие к мегаполисам, – Московская и Ленинградская. Миграция из республики идет в города Юга России (Ростов, Краснодар, Ставрополь, Сочи), а также в населенные пункты Российского Причерноморья и Кавказских Минеральных Вод. Значительное число русских мигрантов оседает в селах и станицах Ставропольского, Краснодарского краев и Ростовской области. Во многом благодаря миграции из национальных республик Северного Кавказа в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области обеспечивался рост численности населения на протяжении 90-х гг.¹¹ Эта тенденция сохраняется и сейчас. Притягивающими факторами при этом являются – наличие рабочих мест, высокие, по сравнению с местными реалиями, потенциальные заработки, наличие в данных регионах значительного числа выходцев из КБР и других национальных республик Северного Кавказа. Третье направление миграции, которое набирает обороты, – города Сибири (Красноярск, Новокузнецк, Омск, Тюмень и др.).

Как было уже отмечено, что если в 90-е гг. основную часть мигрантов составляли русские, то с начала 2000-х гг. число кабардинцев и балкарцев, покидающих республику, растет. Одной из главных причин миграционного оттока из КБР на протяжении нескольких десятилетий остается высокий уровень безработицы, который с каждым

годом только усугубляется, а не разрешается. По данным на 2008 г., в республике было зарегистрировано около 75 тыс. безработных (или 17,5% от экономически активного населения). Фактически это последние реальные данные о безработице в республике. В последующие годы данные официальной статистики не отражают реальное положение дел в республике. Так, уровень официальной безработицы в 2012 г. составил 6,4% от экономически активного населения. Официальные органы отмечают, что в большинстве районов республики сохраняется напряженная ситуация и уровень безработицы значительно превышает среднереспубликанский показатель. Однако реальные данные об уровне этой безработицы статистические и иные органы не сообщают.

Миграционный приток в республику в основном связан с трудовыми мигрантами из республик Центрального Кавказа и Южного Кавказа. Иностранцы оказались востребованы в строительстве, в оптовой и розничной торговле, на транспорте, на обрабатывающих предприятиях и т.д. В основном иностранцы трудятся в тех сферах, в которые не идут местные жители из-за низкой заработной платы и нарушений в сфере оплаты труда, которую нередко допускают руководители данных предприятий (задержка заработной платы и т.д.).

Иностранцы оказались востребованы в строительстве, в оптовой и розничной торговле, на транспорте, на обрабатывающих предприятиях, на промышленных объектах и т.д. В основном жители из стран СНГ (узбеки, киргизы, армяне и др.) трудятся в тех сферах, в которые не идут местные жители из-за низкой заработной платы и нарушений в сфере оплаты труда, которую нередко допускают руководители данных предприятий (задержка заработной платы, неоправданные штрафы и т.д.).

Приведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: этнодемографические процессы двух последних десятилетий характеризовались снижением уровня рождаемости, увеличением смертности, сохранилась тенденция на малую детность, активизировались миграционные процессы. В результате снизились численность и удельный вес русского населения, доля которого сократилась с 32% в 1989 г. до 22,5% в 2010 г. Возросла численность и повысился удельный вес титульных этнических групп, в первую очередь кабардинцев, доля которых в составе населения возросла с 48,2% в 1989 г. до 57,1% в 2010 г., удельный вес балкарцев повысился с 9,4% в 1989 г. до 12,6% в 2010 г. Изменение жизненных стратегий молодежи, сужение рынка труда, клановость и коррупция стимулируют миграционный отток наиболее образованной и трудоспособной части населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>

² **Абдулмананов П.Г.** Этносоциальное и этнодемографическое развитие регионов ЮФО // URL: wp...uploads/2010/02/abdulmananov-pg.pdf

³ **Аккиева С.И.** Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М., 2002. С. 77.

⁴ **Денисова Г.С., Уланов В.П.** Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социального статуса. Ростов-н/Д, 2003. С. 178.

⁵ **Тхамокова И.Х.** Урбанизация и семья русского населения КБР // De Saucaso. Историко-этнографический альманах. Вып. 1. Карачаевск, 2009. С. 195.

⁶ Данные Министерства труда и социального развития КБР // URL: http://mtsrkbr.org.ru/uslugi_posobi.html

⁷ **Абдулмананов П.Г.** Указ. работа.

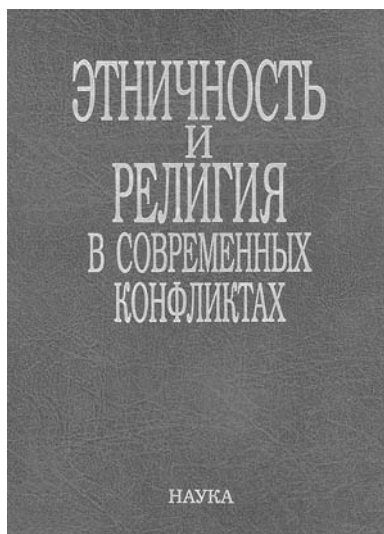
⁸ **Пашевкин О.Н.** Особенности заболеваемости наркоманиями и хроническим алкоголизмом и проблемы ее снижения в Кабардино-Балкарской Республике // URL: <http://www.mcfrru/journals/1/252/27142/27145/>

⁹ Российский статистический ежегодник. 2008. Статистический сборник. М., 2008. С. 113; Статистический ежегодник. Нальчик, 2009. С. 45.

¹⁰ **Аккиева С.И.** Указ. работа. С. 89.

¹¹ **Рязанцев С.** Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социс. 2002. № 1. С. 124–135.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Отв. ред. **В.А. Тишков,**
В.А. Шнирельман

М.: Наука, 2012. – 653 с.

Монография посвящена изучению современных этнических и религиозных конфликтов в ряде важнейших регионов мира (Европа, Канада, Центральная Азия, Ближний Восток, Северная Африка, Индия). В ней анализируются четыре типа разных конфликтов: спонтанные конфликты, погромы, отличающиеся быстротечностью, слабой организованностью и повышенной эмоциональностью участников; гражданско-правовые конфликты в рамках политического процесса; открытые вооруженные конфликты; религиозные конфликты, которые обычно описываются как «столкновение цивилизаций». В книге освещаются история конфликта, причины и поводы, приведшие к нему, особенности противоборствующих сторон.

В.С. Воронцов

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1989 – 2010 ГГ.)

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее ВПН), численность постоянного населения Удмуртской Республики составила 1 521 420 человек. По сравнению с переписью 1989 г. население Удмуртии сократилось на 84 243 (5,2%) чел., с 1 605 663 до 1 521 420 человек. Сокращение численности населения происходило в основном из-за естественной убыли населения (превышения числа умерших над числом родившихся) на фоне миграционной убыли в течение последнего межпереписного периода.

По данным ВПН-2010 г., в Удмуртии проживали представители более 130 национальностей. Первую по численности группу населения составили русские – 912 539 чел. (62,2%), на втором месте удмурты – 410 584 чел. (28,0%), на третьем татары – 98 831 чел. (6,7%), далее следуют украинцы – 8 332 чел. (0,6%) и марийцы – 8 067 чел. (0,6%). В десятку наиболее многочисленных этнических групп республики также вошли азербайджанцы – 3 895 чел. (0,3%), армяне – 3 170 чел. (0,2%), башкиры – 3 454 (0,2%), белорусы – 2 313 чел. (0,2%) и чувашаи – 2 180 чел. (0,1%). Кроме того, 54 797 чел. не указали свою национальность (3,6% от общей численности населения)¹.

Изменения в этническом составе населения обусловлены действием трех факторов. Первый фактор связан с различием в естественном воспроизводстве групп населения, второй – с внешней миграцией, третий – с процессами смены этнической принадлежности под влиянием смешанных браков и других обстоятельств.

Русское население по-прежнему является наиболее многочисленным и составляет 62,2% общей численности населения республики. По сравнению с переписью 1989 г. численность русских уменьшилась на 32,7 тыс. чел. (3,5%), при этом их доля в населении республики увеличилась с 58,9 до 62,2%. Сокращение численности русского населения связано, прежде всего, с негативными демографическими процессами. Всего в РФ переписью зафиксировано 111 017 тыс. русских, из которых 912 539 чел. (0,8%) проживает в Удмуртии.

За межпереписной период (1989–2010 гг.) численность удмуртов сократилась на 85,9 тыс. чел. (17,3%), а их доля в населении республики уменьшилась с 30,9 до 28,0%. Всего в России переписью учтено 552 299 тыс. чел., указавших, что их национальность – удмурты, за указанный период численность удмуртов сократилась на 162534 чел.

Таблица 1 – Численность наиболее многочисленных этнических групп Удмуртии и их прирост/сокращение за период 1989–2010 гг.

	1989 год (чел.)	2002 год (чел.)	2010 год (чел.)	+ Прирост / – убыль (чел.)
Все население	1 605 663	1 570 316	1 521 420	–84 243
В том числе:				
русские	945 216	944 108	912 539	–32 677
удмурты	496 522	460 584	410 584	–85 938
татары	110 490	109 218	98 831	–11 659
украинцы	14 167	11 527	8 332	–5 835
марийцы	9 543	8 985	8 067	–1 456
башкиры	5 217	4 320	3 454	–1 763
белорусы	3 847	3 308	2 313	–534
чувашаи	3 173	2 764	2 180	–993
немцы	2 588	1 735	1 238	–1 350
бесермяне	–	2 998	2 111	–887
азербайджанцы	1 799	3 908	3 895	+2 096
армяне	880	3 283	3 170	+2 290

(22,7%) с 714 833 до 552 299 человек. Сокращение численности удмуртского этноса связано не только с демографическими проблемами, но и с усилившимися ассимиляционными процессами среди удмуртской молодежи. Кроме того, из состава удмуртов выделелись в самостоятельную группу бесермяне (на 2010 г. — 2201 чел.).

Численность татар за этот же период уменьшилась на 11,7 тыс. чел. (10,6%), при этом их доля в населении республики почти не изменилась и составила 6,7% (в 1989 г. — 6,9%). Численность татар в Удмуртии уменьшилась в основном из-за сокращения рождаемости и роста смертности. Всего в РФ переписные работники зафиксировали 5310649 татар, из них 98831 чел. (1,9%) проживало в Удмуртии.

В постсоветский период главным образом за счет миграции и низкой рождаемости снизилась численность украинцев (на 41,2%), белорусов (на 39,9%) и немцев (на 52,2%), из-за негативных демографических процессов сократилась также численность марийцев (на 15,5%), башкир (на 33,8%), чувашей (на 31,3%). Вместе с тем за два последних десятилетия республика пополнилась представителями так называемых «новых этнических групп»². Например, численность армян увеличилась с 0,9 тыс. до 3,2 тыс. чел., азербайджанцев с 1,8 тыс. до 3,9 тыс. чел. В Удмуртии появились относительно крупные общины узбеков (1131 чел.), цыган (960 чел.), таджиков (722 чел.), грузин (520 чел.), чеченцев (344 чел.), корейцев (290 чел.), казахов (285 чел.) и др.

В 2012 г. в Удмуртии родилось 23 161 чел., умерло 19 442 чел., естественный прирост составил 3 719 чел. На каждую 1000 жителей республики пришлось 15,2 рождений и 12,8 смертей (за 2011 г., соответственно, 14,3 рождений и 13,4 смертей). Переломным для Удмуртии стал 2009 г., когда рождаемость впервые с 1993 г. превысила смертность (естественный прирост составил 882 чел.). За три последующих года удалось укрепить эту тенденцию. В Приволжском федеральном округе республика находится на первом месте по рождаемости — 15,2 промилле и на втором по показателям смертности — 12,8 промилле, лучший показатель имеет только Республика Татарстан (12,2 промилле)³.

Вне всякого сомнения, демографические процессы оказывают определяющее воздействие на рост либо снижение численности этнической группы. Но парадокс заключается в том, что в Удмуртии рождаемость среди удмуртов пускай ненамного, но все-таки выше, чем среди русских и татар. Это косвенно подтверждают и данные переписи населения 2010 г. Так, самая высокая доля родивших одного ребенка среди женщин в возрасте 15 лет и более отмечается у русских — 33,3% (татары — 23,7%, удмуртов — 21,9%); доля родивших двух детей, соответственно, 35,1, 35,8, 37,4%. В то же время самая низкая доля женщин,

родивших трех и более детей, зафиксирована также среди русских — 10,6% (татары — 18,1%, удмурты — 24,9%)⁴.

На протяжении XX века ассимиляционные процессы в России протекали с различной степенью интенсивности и усиливались по мере урбанизации, роста образовательного уровня, внутренней миграции граждан разных национальностей. Все эти процессы приводили к смешению разноэтничного населения и росту межнациональной брачности. Межнациональные браки и стали основным ассимиляционным каналом в нашей стране. Напомним, что доля межнациональных браков в Удмуртии была одной из самых высоких в России (на 1989 г. — 22,5%). Последствия смешанных браков для этноса тем значительней, чем выше удельный вес таких браков. Понятно, что при таком раскладе в более «неблагоприятном» положении оказывается национальное меньшинство, именно их представители, как правило, и подвергаются ассимиляции. Проблема национального самоопределения для потомков из смешанных семей не только представляет предмет внутренних размышлений о себе («внутренний референдум»), но и является реакцией на статус национальной группы, престижность нахождения в ней, отношение к ней со стороны ближайших «этнических соседей».

Точные данные о межнациональных браках в современной России, к сожалению, отсутствуют. Однако общее представление о брачных процессах дают материалы последней переписи. По данным ВПН-2010, из общего числа частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, 84% домохозяйств в стране являются мононациональными. При этом в 2002–2010 гг. число мононациональных домохозяйств уменьшилось на 2,5% за счет сокращения таких домохозяйств среди белорусов (на 37%), украинцев (на 36%), удмуртов (на 16%), чувашей и марийцев (по 13%), башкир (на 6%), татар (на 5%), русских (на 3%) и мордвы (на 2%). И наоборот, высокие темпы роста числа мононациональных хозяйств в это период были у ингушей (30%), кумыков (27%), даргинцев (22%), аварцев (19%) и чеченцев (17%)⁵.

Определенное влияние на демографическую ситуацию и численность этнических групп в республике оказывают и миграционные процессы. В 1990-е гг. естественная убыль в определенной мере компенсировалась положительным миграционным приростом. За 1990-е гг. в республику прибыло на 32 тыс. чел. больше, чем выбыло. В своем большинстве это были уроженцы Удмуртии (русские, удмурты, татары), вынужденные в силу разных причин возвращаться из бывших союзных республик. Однако к концу 1990-х гг. этот источник почти иссяк. Географическое положение, сложное состояние экономики, ограниченный рынок труда — все эти факторы

делают республику не слишком привлекательной для мигрантов. Так, за период с 2001 по 2011 гг. миграционные потери населения Удмуртии составили 27 тыс. человек. В 2012 г. выезд из Удмуртии по-прежнему превышал въезд: прибыло в республику 35454 чел., а выбыли за ее пределы 39552 чел., миграционная убыль составила 4098 чел. (в 2011 г. – 3846 чел.). В основном жители Удмуртии уезжают в другие регионы России (гг. Москва, Санкт-Петербург, Московская обл., Татарстан, Пермский и Краснодарский края, Свердловскую обл. и др.), часть из них отбывает и за пределы страны (за прошлый год таковых было 502 чел.)⁶.

Таким образом, материалы переписей свидетельствуют о неуклонном снижении численности старожильческих этнических групп Удмуртии. Сокращение численности населения явилось результатом совокупного действия нескольких факторов: относительно низкого уровня рождаемости, высокого уровня смертности, ухудшения уровня и качества жизни населения, сложностей психологической адаптации населения к новым политическим и социально-экономическим реалиям, миграционного оттока. Как бы того ни хотели политики и общественность, демографические проблемы невозможно «исправить» в одночасье указами президента, постановлениями правительства или принятием «хороших» законов. Необходим системный подход, широкий комплекс

мер, направленных на повышение уровня и качества жизни россиян, снижение смертности от всех причин, профилактику заболеваний. Нужны эффективные программы по деалкоголизации и денаркотизации населения, пропаганде здорового образа жизни, развитию физкультуры и спорта, семейного туризма. Параллельно необходимо возрождать в российском обществе ценность семьи и детства, существенно расширить льготы многодетным семьям, продолжить стимулирование рождаемости.

Необходима модернизация региональной экономики, качественное и количественное расширение рынка труда, новые высокотехнологичные рабочие места. Это, с одной стороны, позволит снизить отток из республики «местных» высококвалифицированных кадров, а с другой, снизит нездоровую конкуренцию на рынке труда, оздоровит взаимоотношения местного населения с гастарбайтерами.

Мы много пишем и говорим о многонациональном (полиэтническом) составе населения России, о широком распространении национально-смешанных браков, но при этом до сих пор отказываем выходцам из таких семей в праве идентифицировать себя посредством двойной (сложной) национальной принадлежности. Государство обязано предоставить возможность гражданам указывать любую национальность, в том числе и сложную (двойную).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Удмуртской Республике // URL: <http://udmstat.gks.ru/perepis2010/Docs/itogi%20ur.aspx>

² Термин «новые этнические группы» используется нами для обозначения представителей этнических групп Северного Кавказа, государств Закавказья и Средней Азии, которые до распада СССР присутствовали на территории Удмуртии в незначительном количестве.

³ Основные показатели социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в 2012 году // Российская газета, 2013. 13 марта.

⁴ О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) // URL: www.gks.ru

⁵ О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) // URL: www.gks.ru

⁶ Общие итоги миграции населения Удмуртской Республики за 2012 год // URL: <http://udmstat.gks.ru>

К.С. Мокин

СТРУКТУРНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАК КОНТЕКСТ ПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Передел и распад государственных границ, глобальные миграционные процессы привели к потере прежних надэтнических идентификаций и, как следствие, к усилению роли этнокультурного статуса на индивидуальном и групповом уровнях.

В настоящее время в современной науке уделяется серьезное внимание процессам взаимодействия между этническими миграционными сообществами и принимающим населением. Основной целью подобных исследований является выявление противоречий, прямо или опосредованно влияющих на уровень социальной напряженности общества и/или местных сообществ.

Результаты эмпирических исследований, данные официальных статистик показывают, что, с одной стороны, современные города являются «центрами притяжений» современных миграционных потоков (более высокие заработные платы, широкий выбор альтернатив работы и т.д.), а с другой, сами города, обладающие собственным, уникальным социально-культурным контекстом, социально-экономической и социально-географической спецификой, влияют на формы и интенсивность межэтнического взаимодействия, определяя тем самым локусы социально-стратификационной конкуренции между местным населением и мигрантами за имеющиеся наличные (или воображаемые) материальные и социальные ресурсы.

При этом в условиях сложной демографической ситуации, когда уровень смертности экономически активного населения превышает уровень рождаемости почти в два раза, в обозримой перспективе миграционный приток населения в регионы России будет являться одним из источников прироста населения. Важно, чтобы этот приток надежно регулировался, отвечал установленным приоритетам социально-экономического развития городов региона, не создавал конфликтных ситуаций, не подрывал благосостояние и безопасность ее жителей¹.

Сложившаяся ситуация в восприятии миграции и мигрантов со стороны населения, органов власти и местного самоуправления требует пересмотра самого феномена миграции в соответствии с современными научными теориями, введения в «бытовой», повседневный уровень восприятия принципов управления культурным многообрази-

ем, конструктивистского понимания социальных процессов.

В течение 2003–2013 гг. нами проводились этнологические исследования в Саратовской области, анализ результатов которых показывает, что уровень мигрантофобии достаточно высок². И часто проблема интолерантности, в силу «повседневного» понимания этносоциальных проблем, перекладывалась и исследовалась в дихотомии «меньшинство – большинство».

Но мы, в свою очередь, подчеркиваем, что практически все наблюдаемые нами проявления интолерантности и ксенофобии относятся к группе этнического большинства, доминирующего на данной территории.

Важно понять, что, по сути, ксенофобия – реакция населения на *воображаемые* или *реальные* угрозы в ситуации, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или ограничены возможности сохранения своих позиций или интересов (как социальных, культурных, так и статусно-материальных).

Ксенофобия, как и другие формы социальных фобий, предполагает акцентированное значение ценностей «мы», выражаемых в требованиях представления населению «принадлежащих» ему прав, статуса, преимуществ и других разного рода предпочтений. В этом плане фобии выполняют важную роль механизмов коллективной интеграции.

Безусловно, существует масса примеров того, что этническое меньшинство выполняет роль носителя ярко выраженной конфликтогенности, особенно в условиях актуализированной борьбы за свою этнокультурную идентичность. Однако и в этом случае этническая мобилизация меньшинства – лишь реакция на внешние (как правило, негативные) условия.

Исходя из этого, мы предполагаем, что этнический конфликт (или конфликт, имеющий этническую окраску) возможен при определенном давлении на меньшинство (культурное, экономическое, социальное и т.д.) со стороны большинства. При этом все усилия меньшинства по защите от этого давления могут описываться в терминах конфликта (интересов, идей, действий).

Основным критерием наличия конфликтогенного потенциала в дуальной паре «большинство – меньшинство» является определяемая

большинством степень включенности меньшинства в «жизненный мир» большинства. Иначе говоря, как большинство определяет себя (позиционирует) к той или иной этнической группе. Например, этнические меньшинства в Саратовской области, такие как украинцы, мордва, татары, воспринимаются как свои, полностью интегрированные в автохтонное население. С другой стороны, например, «новые» этнические группы – таджики, азербайджанцы, цыгане – воспринимаются как чужие, «пришлые», и по отношению к ним выстраивается целая система позиционирования, отчуждения, система дискриминационных практик.

Этническая принадлежность является сегодня определяющим маркером отношений «свой – чужой». По данным наших собственных исследований, ксенофобские настроения разделяет большинство населения. Преувеличенное значение этничности, пронизывающее все аспекты социальных контактов («транспарентная этничность»), в первую очередь, затрагивает мигрантов. Анти-мигрантские настроения (по данным Л.Д. Гудкова («Левада-Центр»), антипатию к мигрантам сегодня разделяют 68% россиян) базируются на представлении о мигрантах как чуждых, иных и тесно коррелируют с распространенностью ксенофобий.

Тесная взаимосвязь мигрантофобий и этнофобий лежит на поверхности: и мигранты, и представители других этнических групп являются «иными», отношения местного населения и с теми, и с другими проецируются через призму отношений «свой» – «чужой». Мигрантофобии проецируются на представителей этнических общин зачастую независимо от времени и особенностей их формирования³.

Широкое распространение в научных и общественных кругах получила точка зрения, согласно которой основными причинами распространения этнической нетерпимости являются два главных фактора – миграция и связанная с ней безработица, как следствие конкурентной борьбы на рынке труда. Сложилось представление о том, что в России определенные регионы относятся к разряду «этнически конфликтных», а прочие – к разряду «этнически спокойных», как прямое следствие напряженности на региональном рынке труда. Однако упрощенный взгляд на ситуацию, которая на самом деле динамична, приводит к тому, что столкновения в таких спокойных регионах, как Карелия, Татарстан, предстают полной неожиданностью и для экспертов, и для управленцев⁴.

Полагают также, что именно экономическое неблагополучие региона порождает ксенофобию и межэтническую напряженность. И наоборот, в экономически благополучных регионах России, где безработица низка, межгрупповая напряженность и общественные раздоры на этнической почве маловероятны.

Однако, по данным мониторинга, проводимого сетью EAWARN, да и по наблюдениям других

исследователей, наблюдаемый уровень этнической нетерпимости нередко выше в более обеспеченных регионах, в частности, в Москве, и ниже – в обеспеченных или даже в депрессивных, где низок уровень занятости, например, в республиках Алтай или Тува. Исследования показывают, что данным феноменом управляет далеко не только пресловутый «материальный фактор», и далеко не все следует сводить к модным сегодня макро- и мезоэкономическим показателям.

Особое значение в современных условиях принадлежит субъективной сфере – коллективным и частным воззрениям и стратегиям. Поэтому особенно важно в условиях социально-экономического кризиса, его последствий, высокого уровня миграционной активности, в т.ч. усиленных международных перемещений, играющих для социального и общественного благополучия России огромную роль, прояснить фундаментальные причины этнической нетерпимости⁵.

Здесь важно исходить из понимания того, что «язык мобилизации этничности – это язык родства»⁶, при этом этничность сталкивается с глубокой потребностью в «близком общении и содружестве, в по-семейному тесных узах, в эмоциональной поддержке и взаимопомощи, в заступничестве и разрешении разногласий – во всех потребностях, удовлетворяемых родством, но в большем масштабе»⁷. Этничность, в обыденном понимании, основывается на «родстве», но это означает не только родственников, но также соседей и тех, кто имеет «такие же» культурные особенности.

Постоянная борьба за относительное групповое достоинство в сравнении с другими значимыми факторами создает основу для современных этнических стычек, конфликтов. Часто это выражается в этнических стереотипах, в соответствии с которыми этнические группы, населяющие тот или иной регион, оцениваются по степени экономической или культурной «отсталости» или «развитости» в сравнении с доминирующей группой. Подобные «обыденные» классификации создают основу для широкой и влиятельной типологии разного рода регионалистских (включая сепаратизм, или ирредентизм) движений в полиэтничных государствах.

Здесь важно понимание того, что ключевым моментом подобной конфигурации социальных отношений (и конфликтов) является этническое исключение, граница между «нами» и «ними», и универсальное сопоставление с «Чужим»⁸.

В зависимости от усилий государства по нациестроительству формируется контекст для производства этнических категорий, та арена, где различные группы добиваются легитимности, борются за символическое существование и признание. Политика установления однородности населения создает «нацию», добивается, чтобы у «граждан» было еще что-то общее,

помимо самого государства — разделяемая ими культура и/или «этническое происхождение». Государство одновременно устанавливает норму и выделяет тех, кто от нее отклоняется, причем культура оказывается привилегированным полем, на котором все это происходит. Идеология нациестроительства и определяет, какой должна быть однородная культура. Не из этнической идентичности развивается национальная/гражданская, наоборот, последняя создает рамки, внутри которых «рождается» этничность: отличия приобретают социальное значение.

Маркирование подобных различий — одна из главных задач государства. В своих работах мы уже отмечали, что государство — главный актер в процессе идентификации, определяющий «кто есть кто» — какая социальная группа есть этнокультурное меньшинство, а какая *будет считаться меньшинством* (в зависимости от целей, задач национальной политики и усилий лоббирования своих интересов этническими предпринимателями)⁸.

Однако, несмотря на то, что государство является самым сильным актором в поле идентификации, оно не может монополизировать власть на производство и распространение идентификаций и категорий. Идентификации, производимые государством, могут быть оспорены и часто оспариваются. При этом важную роль в «споре за идентичность» играют лидеры движений, этнические предприниматели, оспаривающие официальные позиции и официальные идентификации. Под воздействием лидеров движений, являющихся социально и ценностно-значимыми фигурами, индивид начинает позиционировать себя определенным образом по отношению к окружающим и по отношению к государству,

приписывающему ему определенные категории, при этом члены групп начинают воспринимать себя как сходные между собой по этому основанию идентификации, и эта идентификация осознанна и эмоциональна¹⁰.

Идентичность по своей сути, несмотря на неоднозначность трактовок и пониманий, есть продукт социального взаимодействия, результат проекции индивидами на себя ожиданий и норм других¹¹, *способ*, которым индивидуальные и коллективные действия управляются посредством частного понимания «себя» и социальной позиции¹².

Современные условия развития страны, необходимость поиска адекватных ответов на рассмотренные вызовы стимулируют поиски инструментов и механизмов формирования национальной, гражданской идентичности. Приходится констатировать, что создание единой «русской идентичности» *уже* стало полем культурной битвы. Принимая во внимание продолжающееся укрепление позиций существующих этнокультурных идентичностей и множество линий разлома в социальной структуре нашего общества, трудно представить себе разработку коллективной идентичности. В настоящее время вслед за М. Биллингом можно предложить рассмотрение сложносоставных образований (Евросоюз, Россия) как «единое отечество» либо как «отечество отечеств», или следовать формуле, предложенной В. Тишковым — «нация наций»¹³.

При этом «конструкторы нации» должны будут разработать миф о происхождении, переписать историю, изобрести новые традиции, ритуалы и символы, которые создадут новую идентичность. Они должны будут найти общую цель, проект, способный мобилизовать энергию своих граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ № 1666 от 19.12.2012

² **Мокин К.С.** Этнокультурная ситуация в Приволжском федеральном округе // Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / под. ред. В. Тишкова. М.: ИЭА РАН, Министерство регионального развития РФ, 2008. 308 с.; **Мокин К.С.** Этнокультурная динамика в Саратовской области // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года / под ред. В. Тишкова. М.: Наука, 2007. 516 с.

³ **Тишков В.А., Шабаев Ю.П.** Этнополитология: политические функции этничности. М.: МГУ, 2011.

⁴ Аналитический отчет «Занятость и безработица в регионах Российской Федерации как источник межэтнической напряженности». Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00537 (рук. В.А. Тишков). С. 2.

⁵ Там же.

⁶ **Смит Э.** Национализм и модернизм. М., 2005. С. 303.

⁷ **Horowitz D.** Ethnic Groups in Conflict. Berkeley CA and Los Angeles CA: University of California Press. P. 52.

⁸ **Armstrong J.** Nations before Nationalism. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press. P. 5.

⁹ **Мокин К.** Диаспорная идентичность в динамике: конвергенция и энтропия (изучая армян саратовской области) / DIASPORAS. 2006. № 4, С. 150–168.

¹⁰ **Melisa Nobles.** «Responding with Good Sense»: The Politics of Race and Censuses in Contemporary Brazil. Yale University, 1995.

¹¹ **Малахов В.** Символическое производство этничности и конфликт. М.: Карнеги-центр, 2003. С. 116.

¹² **Брубейкер Р., Купер Ф.** За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 89.

¹³ **Тишков В.А.** И русский и российский // Вестник российской нации. 2008. № 4. С. 45–56.

В.В. Полещук

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНОПОЛИТИКУ ЭСТОНИИ ДО ЕЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОСОЮЗ

В данной статье мы обрисуем в самых общих чертах, какое влияние оказывали крупные международные организации на политику Эстонии в отношении русскоязычного меньшинства после 1991 г. и до того момента, как страна стала членом Евросоюза в мае 2004 г.

Россия была единственным иностранным государством, которое регулярно затрагивало вопрос о положении русскоязычного населения Эстонии, причем отрицая официальное эстонское толкование событий недавней истории как «советской оккупации». В ответ Таллин пытался представить эту критику как свидетельство империалистических тенденций во внешней политике восточного соседа, который к тому же стремится дестабилизировать ситуацию в Эстонии при помощи местных русскоязычных. Эстонскими официальными лицами активно использовался и используется образ страны-жертвы, пострадавшей в ходе противоборства супердержав. Например, заключительная фраза из ежегодника за 2006 г. эстонской полиции безопасности (спецслужбы) звучит так: «Все это типичные примеры длительной информационной войны, ведущейся империей (*Россией* – В.П.), которая развязала II мировую войну и победила в ней, против маленькой страны-жертвы, страдавшей и понесшей великие жертвы в результате оккупаций обеих сражавшихся сторон»¹. В Таллине проводимая в отношении меньшинств политика считается справедливой с точки зрения соблюдения интересов титульного населения и в историческом контексте.

Запад обычно демонстрировал, что понимает опасность Эстонии в отношении России. Кроме того, по замечанию Т. Полосковой, позиция стран Запада во многом определялась задачей «закрепить распад СССР и не позволить России занять место определяющей державы в постсоветском пространстве, а тем более осуществить хотя бы его частичную реинтеграцию»². Однако открыто игнорировать интересы Москвы никто не решался, и в 1990-е гг. любое обсуждение проблем русскоязычного меньшинства явно или неявно предполагало участие России. Делалось это и на площадках международных организаций. Со своей стороны западная дипломатия пыталась

оказывать скрытое давление на Эстонию с тем, чтобы не допустить в регионе насильственного конфликта. По политическим причинам в рамках этой стратегии не вмешалось решение многих проблем меньшинств.

Еще в самом начале 1990-х гг. Эстонию и Латвию посещали специальные делегации ООН, Совета Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которые были призваны собрать и проанализировать факты о положении с правами человека в обоих государствах. Отчеты этих делегаций были позже опубликованы, а местные правительства получили рекомендации. Надо сказать, что с самого начала реакция местных правительств на критику была неоднозначной. Это, впрочем, легко объяснимо, ведь тогдашние правящие круги пришли к власти на волне борьбы за независимость: сторонние рекомендации рассматривались ими как ограничение недавно приобретенного суверенитета.

В эстонских условиях наибольшее влияние на ситуацию с правами меньшинств оказали ОБСЕ и Совет Европы, а также Европейский Союз, который консолидировался с первыми двумя организациями по некоторым вопросам.

Постоянная миссия ОБСЕ в Эстонии больше, чем кто-либо, была вовлечена в негласную дипломатию, направленную на изменение ситуации с меньшинствами. Она преследовала цели гуманитарного характера и стремилась к предотвращению возможных конфликтов. Главным инструментом ее воздействия на местные власти были регулярные отчеты с рекомендациями, предоставляемые местному правительству. Однако принцип конфиденциальности ограничивал значение этих отчетов, делая их составляющей некой долгосрочной тактики, направленной на постепенное изменение установок и поведения представителей верхних эшелонов власти.

По мнению «летописца» миссии ОБСЕ в Таллине Х-М. Биркенбах, миссия открыто поддерживала эстонское правительство, более того, публично разделяла его политико-идеологическую позицию³. В другой своей работе исследователь со ссылкой на содержание закрытых для общест-венности отчетов миссии утверждает, что та

уходила от юридических оценок ситуации (касающихся, прежде всего, вопроса о предоставлении гражданства), уделяя основное внимание рекомендациям⁴. Исследователь объясняет это задачами превентивной дипломатии: согласно мандату их деятельность должна была способствовать стабильности, диалогу и пониманию между общинами в Эстонии. В то же время мандат позволял миссии устанавливать контакты с властями на общереспубликанском и местном уровнях, с неправительственными организациями, партиями, СМИ и т.п. В ее задачи входили также сбор и критическая оценка информации. Свою деятельность миссия могла координировать, например, с Верховным комиссаром ОБСЕ по делам национальных меньшинств.

Закрытие миссии ОБСЕ в декабре 2001 г. привело к небольшому дипломатическому скандалу. Чтобы преодолеть «вето» России, соответствующее решение было принято на уровне, не требовавшем консенсуса⁵. Мандат миссии концентрировался на вопросах, связанных с меньшинствами, многие из которых были тогда далеки от разрешения. Однако во время австрийского председательства в ОБСЕ в 2001 г. был составлен список абстрактно сформулированных «проблем». Четко выражено было лишь требование отменить языковые требования для депутатов⁶. Это и было сделано эстонскими властями, чтобы добиться закрытия миссии.

До конца 2001 г. также была очень заметной в Эстонии деятельность Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств. В мандате Верховного комиссара значится, что он «будет обеспечивать по возможности на самом раннем этапе «раннее предупреждение» и, в соответствующих случаях, «срочные действия» в отношении связанных с проблемами национальных меньшинств напряженных ситуаций, которые еще не вышли из стадии раннего предупреждения, но потенциально способны, по мнению Верховного комиссара, перерасти в конфликт в регионе СБСЕ⁷, затрагивающий мир, стабильность или отношения между государствами-участниками, и требуют внимания и действий Совета и Комитета старших должностных лиц»⁸.

В 1993–2001 гг. на посту Верховного комиссара находился бывший министр иностранных дел Нидерландов М. ван дер Стул. В ходе своей деятельности он выработал (неустановленную в мандате) процедуру: после поездок в конкретное государство и ознакомления с ситуацией «на месте» он высылал руководству страны юридически необязательные рекомендации, на которые правительство представляло свои комментарии и замечания. Политический авторитет ван дер Стула подкреплялся возможностью обратиться за помощью к Постоянному Совету ОБСЕ, который рассматривал рекомендации и обычно поддерживал их.

Первый визит ван дер Стула в Эстонию состоялся в январе 1993 г. Уже в первом письме-рекомендации эстонскому правительству ван дер Стул пишет «о долгих годах, когда Эстония страдала от советской оккупации, и о горечи, вызванной тем, что воспринималось как намеренная политика русификации в эти годы»⁹. Подобная позиция позже резко ограничивала для него возможности для маневра. В опубликованной в 2001 г. монографии автор данной статьи тщательно проанализировал все известные общественности «эстонские» рекомендации М. ван дер Стула и пришел к выводу, что они были направлены: 1) на налаживание диалога между правительством Эстонии и неэстонцами, причем верховный комиссар порою выступал здесь в качестве посредника; 2) на стимулирование процесса натурализации, причем комиссар видел предпосылку успешной социальной интеграции представителей меньшинств, прежде всего, в приобретении ими эстонского гражданства; 3) на облегчение положения иностранцев, в особенности тех из них, кто были постоянными жителями республики до 1991 г.; 4) на решение проблем, связанных с языковым регулированием в частной сфере и в контексте выборов¹⁰.

Рекомендации Верховного комиссара ван дер Стула находились в русле политических обязательств, выраженных в документах ОБСЕ, и в соответствии с требованиями международных документов по правам человека. В то же время они оказали незначительное влияние на эстонское законодательство. Можно утверждать, что правительство, в основном, выполнило лишь советы, касающиеся «технических деталей» (сроки, оформление документов и т.п.), или которые верховный комиссар подкреплял вескими доводами из области международного права (натурализация детей родителей без гражданства и т.п.)¹¹.

Определенное воздействие на Эстонию оказывал и процесс вступления страны в Совет Европы (СЕ). Рассуждая о роли СЕ в начале 1990-х гг. в контексте политики гражданства, А. Григорьев отмечал, что один из первых подготовленных организацией докладов, затрагивающий вопрос об эстонском гражданстве, «нанес неисчислимый вред. Он подорвал позицию умеренного центра (который утверждал, что ограничительный подход к гражданству международное сообщество не потерпит)... Другие международные организации, такие как ООН, продемонстрировали схожую нечувствительность. Не удивительно, что Эстония интерпретировала такое признание его предположительно демократического правительства как одобрение своего подхода к негражданам страны»¹².

Эстония была с 1995 г. объектом мониторинга со стороны Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), который был прекращен в январе 1997 г. путем принятия Резолюции № 1177¹³.

Однако Эстония к тому времени ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, за выполнением которой следит особый Консультативный комитет.

Консультативный комитет в 2001 г. принял Первое мнение об Эстонии, которое касалось выполнения Рамочной конвенции. В заключительных замечаниях Комитет, похвалив Таллин за начало политики интеграции, выразил озабоченность тем, что «защита национальных меньшинств не отражена последовательно и в должной мере в законодательном процессе и административной практике, особенно в законах, касающихся языковых требований для кандидатов на выборах и касающихся использования языка в вывесках частного характера, вывешенных на всеобщее обозрение...»¹⁴ (оба ограничения были позже отменены). Кроме того, Комитет призвал исправить текст Закона о культурной автономии национальных меньшинств, принять меры к ускорению темпов натурализации; в контексте реформы образования меры, направленные на улучшение знания эстонского языка, должны были бы увязываться с гарантиями получения образования на родном языке или изучения родного языка для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам¹⁵.

Другой орган Совета Европы – Европейская комиссия против расизма и нетерпимости – выпустила целых два доклада по Эстонии до того, как страна стала членом Евросоюза. В своих докладах комиссия затрагивала проблемы законодательного регулирования использования языка, доступа к гражданству, борьбы с проявлениями расизма и дискриминации и т.п.¹⁶

Огромную роль в укреплении позиций ОБСЕ и Совета Европы по ряду вопросов сыграл Европейский Союз (ЕС). Членство в ЕС рассматривалось эстонским правительством, кроме прочего, как гарантия безопасности, как некое дополнение к членству в НАТО. Политика властей по переориентации основных экспортных и импортных потоков Эстонии с Востока на Запад со временем сделала страну зависимой от ЕС в экономическом плане. Хотя Европейский Союз был и остается преимущественно экономической организацией, с самого начала он предъявлял своим будущим членам и определенные политические требования. Так, на Копенгагенском Совете 1993 г. были установлены чисто политические критерии для членства в ЕС, включающие «уважение и защиту прав меньшинств» (так называемые копенгагенские критерии).

Изначально проблемой ЕС было отсутствие в его собственных документах развернутого определения того, что понимается под «уважением и защитой прав меньшинств». ЕС был вынужден заимствовать стандарты у ООН (прежде всего, Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Пакт о гражданских и поли-

тических правах), у Совета Европы (Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств, Европейская Хартия о языках меньшинств или региональных языках) и у ОБСЕ (стандарты и принципы «человеческого измерения»).

Видимо, в глазах Евросоюза у ОБСЕ имелись определенные преимущества перед другими организациями. Так, в документах ОБСЕ стандарты обращения с представителями меньшинств раскрыты наиболее полным образом, хотя они и представляют собой политические обязательства (а не юридические нормы). Однако этими обязательствами были связаны все страны ЕС, каждая из которых также входила в ОБСЕ. Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств, напротив, не была ратифицирована всеми членами ЕС и не могла играть той же роли. Кроме того, в Эстонии постоянная миссия ОБСЕ и Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств действовали очень активно. За рекомендациями этих структур местным правительствам стояли авторитетные органы ОБСЕ, во многом состоявшие из представителей государств-членов ЕС и НАТО. Более того, бывало, что в регулярных «отчетах об успехах» Эстонии (progress reports) уже непосредственно Европейский Союз в лице Европейской Комиссии солидаризировался с позицией органов ОБСЕ.

Можно привести пример, когда консолидация усилий Европейского Союза и ОБСЕ была особенно плодотворной. В 1999 г. в Эстонии ужесточили Закон о языке в части, касающейся требований к использованию государственного языка на рынке труда (в том числе в частной сфере), а также требований к публичному использованию языков меньшинств. Из-за особенностей языковой ситуации в Эстонии эти изменения затрагивали огромную часть населения. Языковое регулирование явно находилось в противоречии с рядом международных договоров о правах человека. Это послужило поводом для критики со стороны международных структур, особенно ОБСЕ. Это регулирование также ограничивало возможности иностранного бизнеса в Эстонии. С точки зрения Европейского Союза, это могло также привести к нарушению положений некоторых заключенных в его рамках договоров. В итоге, в Закон о языке были внесены положения, которые провозглашали возможность установления пропорциональных языковых требований в частной сфере, только если это оправдано в общественных интересах¹⁷.

В 2000 г. Евросоюз делает важный шаг, направленный на борьбу с расовой и этнической дискриминацией, – принимается так называемая Расовая директива¹⁸. Примечательно, что на момент вступления в ЕС Эстония, как и многие другие страны, так и не транспонировала целиком эту директиву в национальное законодательство¹⁹.

Полноценный Закон о равном обращении вступил в силу в Эстонии только в январе 2009 г.²⁰

Европейский Союз также не посчитал нужным оказать на Эстонию и Латвию политическое давление в том, что касалось окончательного решения проблемы массового безгражданства. Это не означает, что данная тема на переговорах не затрагивалась. Специальный анализ показывает, что в случае Эстонии и Латвии «впервые натурализационные процедуры стран-кандидатов подверглись в рамках подготовки к членству воздействию со стороны ЕС, полномочия которого в данной области весьма ограничены»²¹. Но в любом случае, принятие в 2004 г. в члены ЕС двух государств с многотысячной армией неграждан, по сути, придало на паневропейском уровне легитимности всей местной политики в отношении русскоязычных меньшинств.

Накануне расширения ЕС Российская Федерация не желала автоматически распространять на новые страны-члены действие основополагающего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве Россия – ЕС 1994 г. (СПС). Кроме прочего, Москва хотела зафиксировать в документе о расширении действия СПС требование о соблюдении Эстонией и Латвией прав национальных меньшинств. В Таллине информация об этом была воспринята с крайней обеспокоенностью. В итоге 27 апреля 2004 г. в Люксембурге было принято политическое Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия – ЕС, которое прямых ссылок на Эстонию и Латвию не имеет. Тем не менее, текст содержит утверждение,

что «Российская Федерация и ЕС приветствуют членство в ЕС как твердую гарантию защиты прав человека и лиц, относящихся к меньшинствам. Обе стороны подчеркивают свое обязательство защищать права человека и лиц, относящихся к меньшинствам» (п. 16)²².

Сразу после вступления новых государств в ЕС тогдашний президент Европейской Комиссии Р. Проди заявил эстонской газете, что «мы (Евросоюз – В.П.) не станем вмешиваться во внутреннюю политику Эстонии и поучать вас, как нужно обеспечивать меньшинствам равное с большинством обращение»²³. Но следует признать, что даже в теории возможности органов Евросоюза «поучать» страны-члены до сих пор остаются весьма незначительными с учетом отсутствия у организации развитых внутренних стандартов в отношении прав национальных меньшинств²⁴.

Таким образом, международное влияние на эстонскую этнополитику в 1991–2004 гг. было противоречивым. С одной стороны, ряд государств, особенно западных, солидаризировался с Эстонией, противостоящей критике Российской Федерации. Наиболее влиятельные международные организации, прежде всего органы ОБСЕ и Совета Европы, не ставили под сомнение основы этнополитики Эстонии и тем самым придавали ей легитимности. С другой стороны, международным акторам в целях недопущения открытых конфликтов удавалось оказывать влияние на Эстонию для решения пусть отдельных, но весьма важных проблем русскоязычного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Security Police of the Republic of Estonia, Annual Review 2006. Tallinn, 2007. P. 35 // URL: <http://www.kapo.ee>.

² **Полоскова Т.** Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М., 1999. С. 198.

³ **Birckenbach H.-M.** Präventive Diplomatie: Das Beispiel der OSZE-Mission in Estland unter besonderer Berücksichtigung der Beteiligung von Frauen. Bern, 1999. S. 29.

⁴ **Биркенбах Х.-М.** Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляд международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии. М., 1998. С. 47.

⁵ Заявление МИД России в связи с прекращением работы миссий ОБСЕ в Эстонии и Латвии от 24 декабря 2001 г., № 2413-21-12-2001, имеется на сайте МИД РФ // URL: <http://www.mid.ru>.

⁶ Report to the OSCE Permanent Council on the work of the OSCE Mission to Estonia. Presented by Ambassador Doris Hertrampf, Head of Mission on 28 June 2001, Vienna (в архиве автора).

⁷ Официальным названием ОБСЕ до 1995 г. было Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

⁸ Мандат принят на Хельсинском саммите СБСЕ в 1992 г. См.: Helsinki summit 1992. CSCE. СБСЕ. Хельсинский документ 1992 г.: Вызов времени перемен. Хельсинки, 1992. Хельсинские решения (II).

⁹ **Poleshchuk V.** Advice not Welcomed: Recommendations of the OSCE High Commissioner and the Response, Munster, 2001. P. 22.

¹⁰ Ibid. P. 104.

¹¹ Ibid. P. 107.

¹² **Grigorievs A.** The Baltic Predicament // Caplan R. and Feffer J. (eds.) Europe's New Nationalism. States and Minorities in Conflict. New York. Oxford, 1996. P. 131.

¹³ Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Resolution 1117 (1997) Honouring of Obligations and Commitments by Estonia, 30 January 1997.

¹⁴ Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities, Opinion on Estonia, adopted on 14 September 2001, ACFC/INF/OP/I(2002)005. Section 67.

¹⁵ Ibid. Sections 68–70.

¹⁶ Все материалы работы комиссии имеются на сайте Совета Европы // URL: www.coe.int.

¹⁷ **Poleshchuk V.** Estonia, Latvia and the European Commission in Language Regulation in 1999–2001 // Eumap's featured articles, Budapest, 2002.

¹⁸ Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin, Official Journal. L 180. 19/07/2000.

¹⁹ **Poleshchuk V.** Reports on Measures to Combat Discrimination, Directives 2000/43/EC and 2000/78/EC, Country Report: Estonia. Brussels and Utrecht, 2005.

²⁰ Võrdse kohtlemise seadus, Riigi Teataja I 2008. № 56, art. 315.

²¹ **Kochenov D.** EU's Numerous Contradictory Approaches to Minority Protection: Internal-External Paradox and Mutually Exclusive Pre-accession Standards, paper

presented at 'Exchanging Ideas on Europe 2006: Visions of Europe: Key Problems, New Trajectories' UACES 36th Annual Conference and 11th Research Conference, Limerick, Ireland (31 August – 2 September 2006). P. 24.

²² Текст соглашения имеется на официальном сайте МИД РФ // URL: www.mid.ru.

²³ Eesti Päevaleht (газета) от 11 мая 2004 года.

²⁴ См. подробнее: **Kochenov D.** European Union's Troublesome Minority Protection: A Bird's-Eye View // Kymlicka W. and Boulden J. (eds.) International Approaches to Governing Ethnic Diversity, Oxford, 2013 (готовится к печати).

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Под ред. **Т.А. Сенюшкиной**

Севастополь: Вебер, 2013. – 427 с.

В сборнике размещены материалы выступлений участников XII международного семинара «Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности», г. Ялта, 20–25 мая 2013 г. Раскрываются проблемы взаимоотношения этничности и власти, этнической, религиозной, гражданской и глобальной идентичности, особенности управления этнополитическими процессами в условиях манипулирования коллективным сознанием, технологии конструирования коллективной памяти, анализируются актуальные вопросы этнополитики, механизмы формирования межэтнической и межконфессиональной толерантности.

Д.Н. Денисов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЮТЕРАНСКОЙ ОБЩИНЫ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ*

Первые лютеране появились в степях Южного Урала одновременно с началом широкомасштабного освоения региона, ещё в составе Оренбургской экспедиции 1734–1737 гг. Это были офицеры и гражданские чиновники, среди которых в Российской империи традиционно была высока доля немецких дворян как из собственных прибалтийских губерний страны, так и перешедших на русскую службу из многочисленных земель раздробленной Германии, а также выходцев из Швеции, Дании, Голландии, Финляндии. Лютеранами были оренбургские губернаторы и генерал-губернаторы И.А. Рейнсдорп (1730–1781), О.А. Игельстром (1737–1817), П.П. Сухтелен (1788–1833), Ф.Ф. фон Таубе (1857–1911), гражданские губернаторы К.И. Глазенапп (1745 – ок. 1802), И.Г. Фризель (1760–1810), Е.И. фон Зенгбуш (1823–1878), командующие Оренбургским казачьим войском А.Г. фон Энгельгардт (1774–1834), А.А. фон Гельд (1777–?) и многие другие.

В отдалённых гарнизонах Российской империи офицеры лютеранского вероисповедания не имели возможности совершать религиозные обряды в отсутствие собственного духовенства и церквей. Поэтому 6 ноября 1767 г. императрица Екатерина II утвердила проект Военной коллегии о введении штатных должностей полевых пасторов в Украинской дивизии, Казани, Оренбурге, Севске, Смоленске, Тобольске и Иркутске. Им были установлены казённые оклады по 300 руб. в год и 100 руб. ежегодно на аренду квартиры, где предлагалось одновременно проводить богослужение¹.

Первым лютеранским пастором и дивизионным проповедником в Оренбург по указу от 12 марта 1768 г. был определён **Филипп Христиан Вернборнер**². Он родился 9 февраля 1738 г. в местечке Мерлау в Гессене в семье священника. В 1754–1758 гг. обучался теологии в г. Гиссене, а в 1759 г. поступил в университет г. Галле (ныне земля Саксония-Анхальт, ФРГ), откуда уехал

в Россию и работал педагогом в лютеранской школе при церкви св. Анны в Санкт-Петербурге. Получив назначение в Оренбург, он прибыл к новому месту службы в июне 1768 г.

Приезд собственного священника, наконец, позволил местным лютеранам организовать богослужение. Для этого верующие купили за 331 руб. дворовое место на Большой (ныне Советской) ул. площадью 520 кв. саж. с деревянным домом, в котором первоначально и проводились религиозные обряды. Всю необходимую для этого серебряную алтарную утварь стоимостью 300 руб. подарил лютеранской общине командующий Оренбургским корпусом генерал-майор И.Ф. Медем³.

Первый пастор Ф.Х. Вернборнер руководил приходом недолго, только с июня по декабрь 1768 г., а уже в следующем году скончался. 24 сентября 1769 г. на его место был назначен **Сигизмунд Израэль Берген**. Он родился 11 октября 1728 г. в г. Фрайберге (Саксония) в семье юридического чиновника. В 1748 г. окончил знаменитый Виттенбергский университет, а в 1750 г. получил степень кандидата теологии в г. Любеке. В 1769 г. был ординирован и короткое время служил пастором в церкви св. Петра российской столицы. В декабре 1769 г. он прибыл к новому месту службы в Оренбург, но уже в апреле 1770 г. по приглашению вернулся обратно в Любек⁴.

Третьим лютеранским пастором города и подлинным устройтелем религиозной жизни местного прихода стал **Иоганн Георг Гюбнер** из Меммингена (в Швабии), сын ткача. До своего назначения в Оренбург он был домашним учителем в российской столице. Ко времени его приезда в город местная община по-прежнему собиралась на богослужения в небольшом деревянном доме, крыша которого, к тому же, протекала во время дождей. Поэтому ещё в 1770 г. был объявлен сбор средств на возведение полноценной

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005.

кирхи по инициативе оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа (1730–1781), который сам пожертвовал на благое начинание крупную сумму денег⁵. В исторической литературе общепризнанной датой постройки лютеранской церкви в Оренбурге считается 1772 г.⁶, однако это не верно. В 1772 г. городская кирха была только заложена, но строительству помешала Крестьянская война 1773–1774 гг. под предводительством Е.И. Пугачева. Поэтому лютеранская церковь св. Екатерины была торжественно открыта пастором И.Г. Гюбнером после завершения всех строительных работ лишь 24 июля 1776 г.⁷.

3 мая 1787 г. пастор И.Г. Гюбнер скончался, а его преемником стал **Иоганн Готлиб Пауль Мевуис** из города Кобурга (в Верхней Франконии). Он был женат на Иоганне Лютер из рода самого религиозного реформатора. В апреле 1791 г. уехал из Оренбурга в Западную Сибирь, где служил пастором в приходе Барнаул–Томск и на Алтайских заводах до смерти в 1814 г.

На его место в Оренбург был переведён уроженец Гольштейна, бывший ректор лютеранской школы при церкви св. Екатерины в Петербурге **Детлев Петерсен**⁸, который окормлял местную общину в 1791–1801 гг. При нём с 1794 г. жалование проповеднику было увеличено на 40 руб. серебром, из которых 20 руб. удерживались за обслуживание в военном госпитале.

После небольшого перерыва на должность пастора в 1804 г. удалось пригласить **Иоганна Михаэля Карла Аллендорфа**. Он родился 16 сентября 1775 г. в городе Буттштадте (Тюрингия) в семье мясника. В 1795 г. окончил факультет теологии в Йене⁹. 14 июня 1804 г. был назначен лютеранским священником в Оренбург, куда прибыл в ноябре и нашёл местный приход в глубоком упадке. За время простоя все церковные здания сильно обветшали без надлежащего ухода. В своих донесениях консистории пастор постоянно жаловался на нехватку средств у прихожан. Поэтому уже в начале 1806 г. И. Аллендорф покинул Оренбург и до 1822 г. возглавлял общину в немецкой колонии Рибенсдорф (ныне с. Рыбное Острогожского р-на Воронежской обл.), в 1822–1823 гг. – приход Тамбов–Рязань, а в 1823–1826 гг. – церковь колонии Ягодная Поляна (ныне Татищевского р-на Саратовской обл.).

В 1806–1816 гг. пастором в Оренбурге был **Иоганн Фридрих Христиан Виерек**. Он родился 3 ноября 1759 г. в Дёбберзене (Мекленбург)¹⁰. В 1802–1805 гг. служил священником в колонии Рибенсдорф, откуда и приехал в Оренбург. Поначалу он также безуспешно просил консисторию о помощи, но затем сам активно взялся за возрождение прихода. Ему удалось собрать деньги не только среди оренбургских лютеран, но и в богатых общинах по всей Российской империи, особенно в Прибалтике. На эти средства в 1811–1813 гг. пастор И. Виерек основательно

перестроил весь комплекс приходских зданий: кирху, дом священника и флигель. Восстановив нормальную религиозную жизнь в лютеранской общине Оренбурга, он уехал в Ижевск, где исполнял духовные обязанности с 1817 г. до своей смерти в 1832 г.

21 декабря 1819 г. на должность оренбургского проповедника был определён кандидат теологии **Карл Фридрих Розенталь**, родившийся 17 ноября 1789 г. в Барвальде, регион Неймарк (ныне Мешковице, Польша). Одновременно с его назначением в Оренбург с 1819 г. местному священнику опять повысили государственный оклад до 1200 руб. ассигнациями (342 руб. 65 коп. серебром).

При пасторе К.Ф. Розентале в лютеранском приходе г. Оренбурга были образованы органы общинного самоуправления для решения финансово-хозяйственных вопросов. Сначала единоличным церковным старостой с 26 апреля по август 1821 г. был командир 1-й бригады 26-й пехотной дивизии полковник И.П. Стеллих (1773–?). В августе 1821 г. община избрала коллегиальный орган управления – кирхенрат в составе президента и двух заседателей. На период до 13 октября 1835 г. генерал-майор И.П. Стеллих стал его председателем, а членами – оренбургский полицмейстер **Ф.Ф. Вангенгейм фон Квален** (04.05.1791–10.07.1864) и председатель Оренбургской пограничной комиссии полковник **Г.Ф. Генс** (1787–10.05.1845).

В 1823 г. К.Ф. Розенталь оставил приход св. Екатерины в Оренбурге и до 1827 гг. работал пастором церкви св. Михаила в Санкт-Петербурге, в 1827–1835 гг. – в Иркутске, а в 1837–1851 гг. – в Пскове.

На его место в Оренбурге заступил **Оливер Христоф Гольм**. Он родился 18 марта 1781 г. в г. Норрчёпинге (ныне провинция Эстергётланд, Швеция) в семье фабриканта. В 1798 г. поступил в университет г. Упсала (Швеция), а в 1802 г. – Або (ныне Турку, Финляндия). В 1805–1810 гг. преподавал в школе г. Вильманstrand (ныне Лаппеэнранта, Финляндия), в 1810–1812 гг. – г. Нюслот (ныне Савонлинна, Финляндия), в 1812–1820 гг. – в гимназии г. Борго (ныне Порвоо, Финляндия)¹¹. В 1820–1822 гг. он служил пастором в колонии Беттингер (ныне с. Баратаевка Марковского р-на Саратовской области), а в 1823–1839 гг. – в Оренбурге.

13 октября 1835 г. в религиозной общине прошли перевыборы церковного совета. Свои полномочия сохранили генерал-майоры И.П. Стеллих в качестве президента и Г.Ф. Генс в качестве члена, а вторым заседателем стал командир Оренбургского линейного батальона № 4, подполковник **О.П. фон Рима** (01.12.1788–?). С 22 января 1839 г. Г.Ф. Генс возглавил церковный совет и оставался на посту президента до 13 апреля 1841 г., а членами представительного

органа стали подполковник А. фон Фасс до 30 апреля 1841 г. и полковник Корпуса инженеров путей сообщения Ф.Ф. Зеге-фон-Лауренберг (15.08.1796–30.08.1859) до 3 сентября 1842 г.

Тяжёлые времена для общины наступили после того, как в 1839 г. по предложению генерал-губернатора В.А. Перовского император Николай I для экономии бюджетных средств решил упразднить штатную должность военного пастора в Оренбурге. Священник О. Гольм уехал из города и в 1841–1849 гг. служил в немецкой колонии Ягодная Поляна¹². Для того, чтобы оренбургские лютеране не остались вовсе без совершения треб и регистрации актов гражданского состояния, в 1840–1842 гг. их стал навещать пастор **Фридрих Бернер** (21.11.1805, Рига – 06.1868, Екатеринбург) из Ижевска.

Несмотря на то, что после закрытия оренбургская кирха практически не использовалась, для надзора за пустующими приходскими зданиями 30 апреля 1841 г. новым президентом церковного совета был избран комендант города, генерал-майор М.Х. Лифлянд (?–29.06.1848). По ходатайству оренбургского военного губернатора В.А. Обручева (1793–1866) император Николай I указом от 8 августа 1842 г. вернул штатную единицу лютеранского пастора в Оренбурге с выплатой государственного жалованья в размере 1200 руб. ассигнациями ежегодно, «назначением к нему казённого денщика и отпуском по положению квартирных денег»¹³. С 1858 г. их размер был увеличен до 171 руб. 43 коп. серебром, а с 1860 г. к жалованью были прибавлены 99 руб. в год серебром столовых денег на питание¹⁴.

С восстановлением в Оренбурге должности военного пастора в 1842 г. на неё был назначен **Карл Генрих Эдуард Фрюауф**. Он родился 7 августа 1813 г. в колонии Дитель Камышинского уе. Саратовской губ. (ныне с. Алёшники Жирновского р-на Волгоградской обл.) в семье местного священника. В 1832–1836 гг. учился в гимназии Дерпта (ныне Тарту, Эстония), а в 1836–1841 г. – на теологическом факультете местного университета¹⁵.

Э. Фрюауфу снова пришлось выводить местную общину из кризиса. За 3 предыдущих года без надзора постоянного священника дела совершенно расстроились. Приходские здания, перестроенные 30 лет назад, требовали срочного ремонта, а в опустевшей церковной казне было всего 18 руб. 66 коп. Поэтому новый пастор энергично взялся за её пополнение. Он смог собрать в лютеранской общине Оренбурга 447 руб. 45 коп., а в других приходах – 452 руб. 89 коп. Ещё 1150 руб. на реконструкцию кирхи выделил оренбургский губернатор В.А. Обручев, который был внуком лютеранского пастора по своей матери, немке П.К. Гёртнер. На собранные прихожанами 2069 руб. храм был полностью перестроен уже к концу 1843 г.

Для обновлённой кирхи губернатор В.А. Обручев подарил серебряный алтарь на постаменте из эбенового дерева. Внутри храма были устроены специальные хоры, для которых в 1843 г. часовой мастер Ф.И. Лемке (1783–?) пожертвовал собственноручно сделанный орган. Правда, вскоре он сломался, и в 1848 г. прихожане заказали профессиональный инструмент в г. Дерпте, в мастерской известного органного мастера Э.К. Кесслера (1808–1863)¹⁶.

После перестройки храма при пасторе Э. Фрюауфе обеспечивался и его текущий ремонт за счёт государственных средств, выделявшихся оренбургскими губернаторами. Так, в 1852 г. В.А. Перовский отпустил на отделку лютеранской церкви военного ведомства 100 руб., А.А. Катенин в 1859 и 1865 гг. – по 50 руб., а Н.А. Крыжановский в 1865 г. – ещё 250 руб.¹⁷ К столетнему юбилею кирхи в 1876 г. она снова была отремонтирована за счёт пособия в 300 руб., предоставленного районным комитетом Кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов в России, основанной в 1859 г.¹⁸

С именем Э. Фрюауфа связано ещё одно важное преобразование в жизни лютеранской общины Оренбурга. По его инициативе 22 апреля 1845 г. здесь впервые открылась кирхеншULE – приходская школа, где офицеры немецкого происхождения стали бесплатно обучать 17 детей (8 мальчиков и 9 девочек). Программа начальной школы включала вероучение, немецкий и русский языки, чистописание, арифметику и церковное пение. Но преподавание дисциплин постоянно прерывалось из-за отсутствия профессиональных педагогов и занятости добровольцев по основному месту службы. В результате школа закрылась, и с 1847 г. лишь сам священник продолжал заниматься с детьми при кирхе 3 раза в неделю вероучением и немецким языком.

Возродить полноценную школу удалось только в 1861 г. благодаря Кассе взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов России. Эта благотворительная организация стала ежегодно выделять оренбургской общине пособие в 420 руб., из которых 120 руб. шли на аренду учебного помещения, а 300 руб. – на оплату труда и жилья двум преподавателям. За счёт этих средств с 11 октября 1861 г. при оренбургской кирхе снова открылась приходская школа. К 1863 г. уже 19 детей (7 мальчиков и 12 девочек) занимались в ней вероучением, немецким и русским языками, арифметикой, географией, историей, рисованием и церковным пением. Из-за нехватки средств школа неоднократно закрывалась, но усилиями прихожан и благотворителей каждый раз её удавалось возродить. Центральный комитет Кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов России выдавал ей субсидии в 1862–1875 и 1882 гг., а районный комитет – в 1862–1866 гг. и регулярно с 1902 г.¹⁹

Благотворительная организация оказала действенную помощь и в устройстве приходской библиотеки. В 1860 г. Центральный и Рижский районный комитеты Кассы взаимопомощи подарили оренбургской лютеранской общине религиозную литературу для возрождения и активизации евангелической работы. По данным 1863 г., фонды общинной библиотеки насчитывали уже 646 томов книг и 497 томов различных христианских журналов.

При пасторе Э. Фрюауфе лютеранское население Оренбуржья стало существенно расти, особенно со второй половины XIX в. Если прежде небольшую общину в самом Оренбурге составляли преимущественно офицеры и чиновники, то теперь в городах Оренбургской губернии стали селиться предприниматели и ремесленники из Германии и немецких колоний Поволжья, привлечённые выгодами торговли со Средней Азией и бурным развитием на её основе промышленности. Количество прихожан в лютеранском церковном округе увеличилось с 280 человек (178 мужчин и 102 женщин) в 1843 г. до 626 верующих (368 мужчин и 258 женщин) в 1862 г.

На огромную Оренбургскую губернию приходилось всего 2 лютеранских церкви: в Оренбурге (с 1768 г.) и Златоусте (с 1810 г.). Поэтому по долгу службы пастор губернского города был вынужден сам посещать своих единоверцев, рассеянных по всему Южному Уралу, для совершения религиозных обрядов и регистрации актов гражданского состояния. На эти цели согласно указу от 8 августа 1842 г. ему ежегодно выделялись прогонные деньги²⁰ в размере 150 руб. на 3 лошади. К этому времени в Оренбургский лютеранский церковный округ входили 15 городов: Белебей, Бирск, Бугульма, Бугуруслан, Бузулук, Верхнеуральск, Илецкая Защита (Соль-Илецк), Мензелинск, Оренбург, Орск, Стерлитамак, Троицк, Уральск, Уфа и Челябинск. По мере продвижения России на юг, в Центральную Азию границы религиозного округа существенно расширились: в 1845 г. к нему был отнесен Западный, а в 1853 г. — Юго-Западный Казахстан, где в отдалённых гарнизонах и основанных правительством новых городах несли службу офицеры и чиновники из числа лютеран. Впоследствии эти территории составили

Таблица 1 — Динамика численности лютеран в Оренбургском церковном округе за 1843–1865 гг.

Территория	Годы			
	1843	1853	1859	1865
Оренбургский лютеранский церковный округ	280	510	600	718
В том числе г. Оренбург	180	213	238	257

Уральскую, Тургайскую, Закаспийскую области и Сыр-Дарьинскую линию.

Ежегодно летом лютеранский священник из Оренбурга отправлялся в пастырскую поездку по подведомственным населённым пунктам и территориям. Например, в 1860 г. Э. Фрюауф на лошадях проделал путь в 4600 вёрст. С 1861 г. районный комитет Кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов России стал дополнительно выдавать ему по 300 руб. в год на транспортные расходы. В 1863 г. территория Оренбургского округа несколько сократилась благодаря постройке отдельной кирпичи в Самаре, к приходу которой были отчислены отдалённые уезды Самарской губернии: Бугурусланский и Бугульминский. Но с 1877 г. в духовное заведование оренбургского пастора, как ближайшего к региону, передали недавно присоединённые среднеазиатские владения России, из которых были образованы Самаркандская, Сыр-Дарьинская и Ферганская области. В качестве викария он был вынужден преодолевать колоссальные расстояния при отсутствии железных дорог для духовного окормления поселившихся там лютеран.

Увеличение паствы в самом Оренбурге и за его пределами, расширение приходского хозяйства, появление школы и библиотеки требовали неусыпного попечения церковного совета, состав которого регулярно обновлялся из числа высших офицеров и гражданских чиновников. Так, должность его президента занимали: с 29 апреля 1848 г. по 3 декабря 1857 г. — начальник артиллерии гарнизонов Оренбургского округа генерал-майор Г.А. Фрейман (10.12.1789—03.12.1857), с 11 декабря 1857 г. по 19 декабря 1859 г. — начальник Оренбургского таможенного округа действительный статский советник А.И. Роде (?—19.12.1859), с 11 января 1860 г. по 7 июня 1870 г. — командир 1-го эскадрона Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса полковник П.Л. Энгельке, с 7 июня 1870 г. по 3 января 1878 г. — оренбургский гражданский губернатор генерал-майор Е.И. фон Зенгбуш (19.04.1823—03.01.1878), с 20 апреля 1878 г. до конца 1890 г. — член Совета Оренбургского военного округа от Военного министерства тайный советник А.И. Кизеветтер (?—21.12.1890), отец видного историка и деятеля кадетской партии А.А. Кизеветтера (1866—1933), а с 3 ноября 1896 г. до 3 апреля 1900 г. — командир 22-й резервной пехотной бригады, генерал от инфантерии И.А. Берг (19.11.1830—03.04.1900), отец основоположника отечественной радиолокации и кибернетики, академика А.И. Берга (1893—1979). Членами церковного совета при них состояли: с 12 мая 1843 г. по 10 июня 1856 г. — командир 6-й учебной бригады военных кантонистов генерал-майор П.О. фон Кистер (1790—22.03.1865), с 10 июня 1856 г. по 11 января 1860 г. — полковник П.Л. Энгельке, с 9 февраля 1860 г. по 20 апреля

1878 г. – врач Николаевского женского института А.Ф. Гумбург (1832–15.02.1908), с 20 апреля 1878 г. по 30 января 1880 г. – начальник Оренбургской инженерной дистанции полковник Э.А. Анерт (02.12.1828–1891), а с 30 января 1880 г. уже 2 человека: до 15 февраля 1908 г. – врач А.Ф. Гумбург и до 1896 г. – оренбургский купец 2-й гильдии К.А. Шморель (1832–1902), дед героя-антифашиста и православного святого Александра Мюнхенского (Шмореля) (1917–1943).

В целом, пасторство Э. Фрюауфа оставило очень яркий след в истории лютеранской общины Оренбуржья. При нём была возрождена и основательно перестроена кирха, богато украшен её интерьер, открыты приходская школа и библиотека, заметно возросла численность верующих и наполнилась опустевшая церковная казна. Э. Фрюауф возглавлял лютеранский приход Оренбурга дольше всех других пасторов – 41 год и скончался 18 июля 1883 г.

После его смерти с октября 1883 по 1906 гг. долг лютеранского священника в Оренбурге нёс **Иоаким Яковлевич Чахмахсазианц**. Он родился 17 августа 1841 г. в Баку в семье армянского торговца, перешедшего в лютеранство. В 1862–1868 гг. обучался в Базеле (Швейцария). В 1870 г. поступил на теологический факультет Дерптского университета, где проучился только до 1871 г. Затем в 1872–1875 гг. он служил адьюнктом (помощником) пастора в колонии Екатеринштадт (ныне г. Маркс Саратовской обл.), а в 1875–1880 гг. был священником в колонии Эйгенфельд Мелитопольского уе. Таврической губ. (ныне с. Полянка Мелитопольского р-на Запорожской обл. Украины). С 1880 по 1883 гг. И.Я. Чахмахсазианц занимал должность адьюнкта (помощника) пробста всей Правобережной (Горной) стороны Волги в Саратове, откуда и был направлен в Оренбург на место умершего пастора²¹.

При нём в 80–90-е гг. XIX в. началось масштабное переселение немецких колонистов из Украины и Поволжья в сельские районы Оренбургской губернии, где оставались обширные неосвоенные участки земли. В 1884 г. появилась первая лютеранская колония Мещеряковка у пос. Перовский Богуславской станицы (ныне Соль-Илецкий р-н). В 1892 г. переселенцами были основаны 4 колонии лютеран в Дмитриевской вол.: 2-я Вознесенка, Егорьевка, Петровка, Херсоновка (ныне Сакмарский р-н). В 1894 г. там же возникла колония Старая Старица, а в 1896 г. – Новая Старица (ныне Беляевского р-на)²². В результате к 1898 г. только в Оренбургском уезде насчитывались 11 лютеранских и 10 смешанных с католиками хуторов. Общая численность лютеран в губернии выросла с 625 человек в 1868 г. до 1592 верующих в 1897 г.

В 1906 г. оренбургский пастор И.Я. Чахмахсазианц вышел на пенсию, а в апреле на этом

Таблица 2 – Распределение лютеран в Оренбургском церковном округе в 1859 г.

Территориальная единица	Лютеран	Всего жителей	Вёрст до кирхи
Оренбургская губерния			
Оренбург	238	20676	0
Уфа	140	13029	351
Стерлитамак	29	5264	125
Белебей	11	2062	168
Верхнеуральск	11	5380	596
Орск	10	2183	613
Троицк	10	4244	501
Челябинск	8	4322	547
Бирск	6	2731	1306
Мензелинск	6	3101	272
Уральск	6	11122	628
Илецкая Защита	3	2424	419
Самарская губерния			
Бутуруслан	14	6085	353
Бутурусланский уезд	10	–	–
Бузулук	7	6524	252
Бугульма	5	4526	461
Казахская степь			
Форт Перовский	17	–	1150
В рассеянии	69	–	–
ИТОГО:	600		

Таблица 3 – Динамика численности лютеран Оренбургской губернии в 1868–1897 гг.

Территориальная единица	Численность лютеран по годам (чел.)	
	1868	1897
Оренбург	539	937
Илецкая Защита	3	2
Оренбургский уезд	8	367
Верхнеуральск	4	24
Верхнеуральский уезд	1	88
Орск	18	22
Орский уезд	0	1
Троицк	23	61
Троицкий уезд	17	14
Челябинск	0	67
Челябинский уезд	2	9
Всего в губернии:	625	1592

посту его сменил **Вильгельм Фердинандович Гершельман**. Он родился 3 мая 1871 г. в г. Феллин (ныне Вильянди, Эстония) в семье местного лютеранского священника. Окончил Александровскую гимназию в Дерпте, в 1891–1896 гг. учился на теологическом, а в 1896–1897 гг. – на историко-филологическом факультетах местного университета. В 1899–1906 гг. служил пастором в немецкой колонии Эйгенфельд.

При В. Гершельмане остро встал вопрос о расширении здания кирхи в Оренбурге. На рубеже XIX–XX вв. численность её прихожан в городе возросла с 937 человек в 1897 г. до 1135 верующих в 1907 г. Церковный зал уже давно не вмещал всех желающих и был переполнен даже в обычные воскресные дни, не говоря уже о праздниках. С 80-х гг. XIX в. на протяжении 20 лет прихожане копили деньги на перестройку кирхи, но собрали только 3500 из 9000 руб., необходимых по смете. Как и прежде, на выручку им пришла Касса взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов России. В 1908 г. её Центральный комитет выделил 3000 руб. в качестве безвозвратной субсидии²³, а также беспроцентный кредит ещё на 1500 руб. Это позволило прихожанам построить не только более просторное здание церкви, но и отдельный учебный корпус, которые обошлись в 18000 руб. Ещё одним важным преобразованием в жизни прихода стало учреждение в нём 14 февраля 1908 г. Дамского благотворительного общества, которое выдавало пособия нуждающимся и вносило плату за обучение детей бедняков.

В 1910 г. территориальные границы Оренбургского лютеранского церковного округа существенно сократились, так как большинство городов Уфимской губернии отошли к новой кирхе, построенной в Уфе. Тем не менее, округ охватывал на Южном Урале 44 только крупных населённых пункта: Верхнеуральск, Оренбург, Орск, Троицк и Челябинск Оренбургской губ., Бузулук и Сорочинск Самарской губ., Белорецк Уфимской губ., Кустанай Тургайской обл., села и хутора Эстонский Верхнеуральского уе., Ащебутак, Бородино, Егорьевку, Николаиталь, Новую Старицу, Пановку, Пустошь-Адамовку, Разбойку, Фриденсталь, Цветную Пустошь, Циберт Оренбургского уе., Романовку Орского уе., Антошкино, Бешлеевку, Денисово, Доможировку, Караульное, Мирзиково, Неденко, Сумки, Чумаково Троицкого уе., Белоусово, Бошарово, Двотьянское, Илленбай, Килленбек, Пастухово, Николаевку, Чубурак, Чудиново, Яйпак Челябинского уе. Оренбургской губ., Мариновку, Надеждинку, Чебендовский Кустанайского уе. Тургайской обл.²⁴

В 1913 г. пастор В. Гершельман уехал на службу в один из приходов Берлина, а 4 апреля 1936 г. скончался в г. Арнштадте (Тюрингия). В отсутствие собственного священника с 1913 по 1914 гг. для

обслуживания лютеранской общины Оренбурга из Самары приезжал пастор **Герман Арнольд Лейцус** (31.03.1863, Нью, Эстония – 01.07.1928, Нарва, Эстония).

В 1914 г. местные лютеране снова обрели постоянного духовного наставника в лице пастора **Иоганнеса Штенцеля**. Он родился 25 июня 1877 г. в немецкой колонии Франк Аткарского уе. Саратовской губ. (ныне с. Медведица Жирновского р-на Волгоградской обл.). Учился в религиозных школах колонии Визенмиллер (ныне с. Луговское Ровенского р-на Саратовской обл.) и г. Саратова. В 1889–1897 гг. постигал науки в Саратовской гимназии, а в 1897–1901 гг. – на теологическом факультете Дерптского университета. В 1903 г. был назначен адъюнктом пастора с. Шёндорф (ныне с. Репное Краснокутского р-на Саратовской обл.). После разделения прихода в 1905 г. служил пастором в с. Гоффенталь (ныне с. Ждановка Краснокутского р-на Саратовской обл.), а в 1905–1914 гг. – в с. Красный Яр (ныне Энгельсского р-на Саратовской обл.). Переехал в Оренбург, чтобы дать своим детям хорошее образование, и возглавлял местную лютеранскую общину в 1914–1921 гг.²⁵

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. новое советское правительство взяло курс на искоренение религии из общественной жизни. Согласно декрету СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. всё церковное имущество было национализировано, а конфессиональные училища и благотворительные организации запрещены. Среди прочих, прекратили свою работу Дамское благотворительное общество евангелическо-лютеранского прихода г. Оренбурга и кирхеншколе.

Лютеранское население в городах составляли в основном представители имущих классов, которые воспринимались новой советской властью как эксплуататоры и враги простого народа: дворяне, чиновники, офицеры царской армии, промышленники и торговцы. Ужасы Гражданской войны, разрухи, голода и тифа, начавшиеся гонения на религию, опасения за жизнь и имущество вынуждали оренбургских лютеран массово уезжать в Германию как страну их изначальной культуры. Многие из них вернулись на родину в Эстонию, Латвию и Финляндию, которые обрели собственную государственность. Как следствие, численность лютеран в Оренбурге стремительно и резко сократилась, а их религиозная жизнь практически замерла.

В 1921 г. эмигрировал в Германию даже местный священник И. Штенцель. Сначала он служил пастором в лагере беженцев во Франкфурте-на-Одере, а затем в 1921–1923 гг. – в Евангелической общине российских немцев в Берлине. В 1923–1945 гг. был пастором Генисаретской церкви в берлинском районе Ней-Кёльн. Активно работал в обществах по-

мощи голодающим Поволжья. Стал автором множества статей по истории, культуре и образованию российских немцев. Скончался в Берлине 30 декабря 1946 г.

Только с 1923 г. в лютеранской общине г. Оренбурга возобновились литургии после того, как советские власти сослали сюда пастора **Готлиба Яковлевича Коха**. Он родился 2 марта 1861 г. в немецкой колонии Гнаденталь Аккермановского уе. Бессарабской губ. (ныне Саратовского р-на Одесской обл. Украины). В 1883–1887 гг. обучался на теологическом факультете Дерптского университета. В 1887–1923 гг. служил священником в колонии Вейценфельд (ныне с. Розовое Советского р-на Саратовской обл.)²⁶.

При пасторе Г. Кохе в Оренбурге постепенно начала возрождаться духовная жизнь, снова была собрана община из оставшихся лютеран, в конце 1923 г. впервые зарегистрирована по советскому законодательству местная религиозная организация²⁷, восстановлен церковный совет. К началу 30-х гг. кирху посещали 88 верующих (32 мужчины и 56 женщин)²⁸. Но 8 марта 1930 г. священник Г. Кох был арестован органами ОГПУ, а 10 апреля 1931 г. приговорён к 5 годам ссылки в Сибирь, где и умер уже после освобождения²⁹.

В 1931 г. лютеранская церковь в Оренбурге была закрыта, а в феврале 1932 г. передана клубу им. Я.М. Свердлова³⁰. Впоследствии это здание было снесено, а на его месте построен один из корпусов нынешней медицинской академии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XVIII. № 13003.

² **Kahle W.** Zur Geschichte der evangelisch-lutherischen St. Katharinen-Gemeinde in Orenburg // Kyrios 1964. Vol. IV. S. 3.

³ **Busch E.H.** Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. St. Petersburg – Leipzig, 1867. S. 313, 316.

⁴ Bergen Sigismund Israel // Erik-Amburger-Datenbank: Ausländer im vorrevolutionären Russland [Электронный ресурс]. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=92743&mode=1> (дата обращения: 14.03.2012); Kahle W. Zur Geschichte der evangelisch-lutherischen St. Katharinen-Gemeinde in Orenburg // Kyrios. 1964. Vol. IV. S. 4.

⁵ **Grot J.C.** Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Rußischen Reiche: in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre kirchliche Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. St. Petersburg und Leipzig, 1797. S. 405.

⁶ **Королев-Антошечкин Г.Е.** Кирха св. Екатерины в г. Оренбурге // Оренбургские губернские ведомости. 1889. № 1; **Судоргина Т.В.** Лютеранская кирха в Оренбурге // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург: Димур, 1997. С. 89.

⁷ **Busch E.H.** Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der

Таким образом, лютеранское население Оренбуржья стало формироваться с начала его широкомасштабного правительственного освоения, в 30–40-е годы XVIII в., а организационно объединилось в религиозную общину с 1767 г. за счёт учреждения в губернском Оренбурге должности военного пастора с государственным окладом для служивших в крае офицеров и чиновников. Постепенно сложились и другие приходские институты: в 1776 г. построена постоянная кирха, в 1821 г. образован выборный церковный совет для решения финансово-хозяйственных вопросов, в 1845 г. открыта начальная школа, в 1860 г. – приходская библиотека, в 1908 г. – благотворительное общество. Большинство оренбургских пасторов до 40-х гг. XIX в. было выходцами из Германии, прошедшими подготовку за рубежом, а затем – российскими немцами, окончившими в Дерпте единственный университет страны, который давал лютеранское теологическое образование. Со второй половины XIX в. численность лютеранского населения Оренбуржья стала существенно возрастать за счёт переселения на свободные степные земли немецких колонистов, а в города – предпринимателей и ремесленников, привлечённых выгодами торговли с недавно присоединённой Средней Азией и бурным развитием на её основе перерабатывающей промышленности. В рамках атеистической политики Советского государства лютеранское духовенство Оренбурга было репрессировано в 1931 г., а кирха закрыта в 1936 г.

Ev.-luth. Gemeinden in Russland. St. Petersburg – Leipzig, 1867. S. 312.

⁸ **Grot J.C.** Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Rußischen Reiche: in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre kirchliche Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. Vol. 1. St. Petersburg und Leipzig, 1797. S. 404.

⁹ Allendorf Johann Michael Karl // Erik-Amburger-Datenbank: Ausländer im vorrevolutionären Russland [Электронный ресурс]. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=92678&mode=1> (дата обращения: 14.03.2012).

¹⁰ Viereck Johann Friedrich Christian // Erik-Amburger-Datenbank: Ausländer im vorrevolutionären Russland [Электронный ресурс]. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=1050031> (дата обращения: 14.03.2012).

¹¹ Bidrag till kändedom av Finlands natur och folk. Vol. 9. Helsingfors: Finska Litteratur-sällskapet tryckeri, 1866. L. 211, 295, 360, 361.

¹² **Schnurr J.** Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen – Evangelischer Teil. Stuttgart: AER Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1978. S. 145.

¹³ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XVIII. № 15938.

¹⁴ **Busch E.H.** Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. St. Petersburg –

Leipzig, 1867. S. 313; ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXIV. Ч. 2. № 35285.

¹⁵ Schüler-Album des Dorpatschen Gymnasiums von 1804 bis 1879. Dorpat: C. Mattiesen, 1879. S. 85. № 1175; **Бахарева О.Я.**, Фрюауф М., Фрюауф С. Поколения Фриауфов (Фрюауф) в России и Америке // Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат. III регион. науч.-практ. конф. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. С. 157–163.

¹⁶ **Busch E.H.** Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. St. Petersburg – Leipzig, 1867. S. 315–316.

¹⁷ **Королев-Антошечкин Г.Е.** Лютеранская кирха св. Екатерины в г. Оренбурге // Оренбургские губернские ведомости. 1889. 1 января.

¹⁸ **Gernet v. A.O.** Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungs-Kasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Rußland. St. Petersburg: J. Watsar, 1909. S. 191.

¹⁹ Там же. S. 190.

²⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XVIII. № 15938.

²¹ **Фёдорова А.В.** Немецкие колонии на земле войска Оренбургского // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Оренбург: Димур, 1998. С. 26–35.

²² **Kahle W.** Zur Geschichte der evangelisch-lutherischen St. Katharinen-Gemeinde in Orenburg // Kyrios. 1964. Vol. IV. S. 3.

²³ **Gernet v. A.O.** Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungs-Kasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Rußland. St. Petersburg: J. Watsar, 1909. S. 191–192.

²⁴ **Kahle W.** Zur Geschichte der evangelisch-lutherischen St. Katharinen-Gemeinde in Orenburg // Kyrios. 1964. Vol. IV. S. 3, 7.

²⁵ **Идт А.** Штенцель Иоганнес // Энциклопедический словарь сайта DIE GESCHICHTE DER WOLGADEUTSCHEN [Электронный ресурс]. URL: http://wolgadeutsche.net/lexikon/_Stenzel.htm (дата обращения: 14.03.2012).

²⁶ **Hasselblatt A.** Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat: C. Mattiesen, 1889. S. 819, № 11971; **Schnurr J.** Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen – Evangelischer Teil. Stuttgart: AER Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1978. S. 151, 197; **Лиценбергер О.А.** Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). М.: Готика, 1999. С. 361.

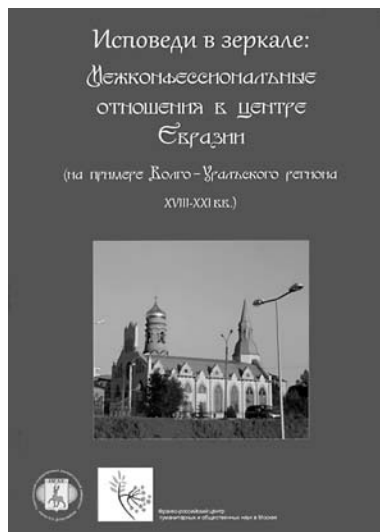
²⁷ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 476.

²⁸ ГАОО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 75. Л. 2, 13–14

²⁹ **Кох Готлиб Яковлевич** // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/d18/f40.htm> (дата обращения: 14.03.2012).

³⁰ ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 652.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ИСПОВЕДИ В ЗЕРКАЛЕ: МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРАЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГО- УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА – XVIII–XXI ВВ.)

Сост. и отв. ред.:
**Стефан А. Дюдуаньон,
Ксавье Ле Торривеллек,
Ольга Н. Сенюткина**

Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ,
2012. – 482 с.

Сборник научных статей Исповеди в зеркале: «Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.)» является результатом международной конференции, которая была проведена совместно Нижегородским государственным лингвистическим университетом и Центром франко-российских исследований.

Е.Н. Велешко

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Проблема этноконфессиональной идентичности приобретает особенную остроту во время социальных и национальных конфликтов и противоречий. Одна из причин – трудности социальной адаптации и интеграции в иной этноконфессиональной среде. Следует также учитывать возможность определенной эволюции самого содержания религиозной идентичности, влияющего на способ восприятия мира и самого себя в нем, а также модернизацию самих традиционных представлений.

При ответе на вопрос «Кто я?» человек использует две категории: категорию идентичности и категорию аутентичности. Проблематика аутентичности – это ответ на вопрос «Кто я есть на самом деле?» А это уже вопрос тождественности субъекта¹. Проблематика религиозной идентичности фиксирует тождественность субъекта в смысле субъективного осознания своей принадлежности к тому или иному религиозному сообществу, принадлежности внешней, социальной, коммуникативной.

Таким образом, религиозная идентичность – это субъективная причастность к группе, субъективное переживание индивидом своей принадлежности к религиозному сообществу. Такое переживание может базироваться на разных основаниях: религиозной вере, символических, культовых практиках, на принадлежности к группе, идеологических убеждениях, традициях, ценностях.

Религиозная идентичность формируется не только через самоопределение субъекта во внешнем коммуникативном пространстве, но и через признание такой идентичности другими (ее легитимацию).

Исследователи указывают на различные срезы существования этнической идентичности как групповой идентичности:

- внутренняя;
- декларируемая;
- приписываемая другими;
- официально фиксируемая.

Американский этнолог Дж. Де Вос рассматривает этническую идентичность как воплощенную в культурной традиции и обращенную в прошлое.

То есть ориентация Я-образа на прошлое дает этнической идентичности ориентацию на настоящее – гражданин государства, на будущее – исследователь какой-либо идеологии в светской или религиозной форме².

Таким образом, проблема групповой идентификации рассматривается как личностное и социальное конструирование. Гипотеза об организации сознания индивида по типу идентификации матрицы была предложена С. Московичи. Основу идентификационной матрицы человека составляет множество идентичностей: общечеловеческая, половая, религиозная, этническая, профессиональная. И в какой-то момент доминирующее положение может занять та или иная идентичность. От этого зависит взгляд на мир под определенным углом, он имеет свои фигуры и фон, а также значимые параметры сравнения собственной группы и других групп³.

Руперт Браун выделяет три основные стратегии манипулирования определенностью групповой идентичности:

- 1) декатегоризация;
- 2) рекатегоризация;
- 3) категоризация⁴.

Декатегоризация заключается в том, что путем специальных воздействий снижается акцент или значимость групповых идентичностей, что приводит к повышению толерантности межгрупповых установок.

Смысл рекатегоризации состоит в том, что какая-либо общая надгрупповая идентичность «выпячивается» и делается наиболее ясной, что позволяет снизить проблему межгрупповой дифференциации.

Категоризация – это попытка создать кооперацию путем поддержания четкой, определенной групповой идентичности взаимодействующих общностей. Эта стратегия была предложена самим Брауном.

Браун, анализируя исследования в русле «гипотез контакта», пишет, что «в большинстве этих работ авторы, предлагая пути налаживания межгрупповых контактов, ориентируются на то, чтобы изменить определенность групповой

идентичности путем ее уменьшения. Это позволило бы снизить стремление представителей контактирующих групп к категоризации, а следовательно, нивелировало бы негативные межгрупповые установки»⁵.

Крымский регион в силу своего этнического и конфессионального многообразия является территорией с высоким конфликтотенциалом. Исследователи отмечают наличие нескольких негативных тенденций в АР Крым⁶:

– обострение противоречий между центральной и крымской властью, уменьшение влияния центральной власти на ситуацию в автономии;

– рост напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях;

– активизация пророссийских политических сил и общественно-политических объединений;

– рост присутствия радикальных исламистских группировок;

– существенный рост внешнего влияния, в первую очередь, со стороны России⁷.

Крымские политологи, анализируя реалии и опыт «межконфессионального сосуществования», чаще всего говорят о целесообразности региональной идентичности и поиске общего дела для представителей различных этнических (и конфессиональных) групп.

Так, в докладе о результатах исследования, проведенного в 2009 году Центром Разумкова, в частности, указывается, что «жители полуострова склонны связывать свое конфессионально-церковное самоопределение с национально-этническим, языковым и культурным, что может иметь следствием формирование целостных ментальных комплексов, присущих сторонникам определенных конфессий и церквей»⁸. Крымские

исследователи отмечают, что мониторинговые опросы и социологические исследования, проводимые в Крыму и в Украине, показывают, что «...жители полуострова, в отличие от населения всех остальных областей Украины, ощущают себя, прежде всего, не столько обитателями своего города (села, поселка), не столько гражданами всего государства, сколько единой региональной общностью»⁹.

Крымский историк и политолог А. Никифоров, помимо региональной идентичности как фактора, влияющего на сглаживание конфликтных взаимодействий в Крыму, также указывает, что «...второй момент, крайне важный (и он происходит в ходе реализации этого общего дела) – это время, это ресурс времени, который нас сближает в какой-то степени объективно – чем дольше мы живем вместе, чем дольше мы демонстрируем уживчивость, способность договариваться и избегать острых конфликтов, тем больше мы накапливаем тот социальный капитал, который гарантирует нас от каких-то эксцессов в нашем – я не сомневаюсь – светлом будущем»¹⁰.

Таким образом, крымская ситуация показывает, что исследования Р. Брауна вполне приложимы к крымским реалиям. В процессе рекатегоризации групповых идентичностей, а именно, сделав акцент на надгрупповой региональной идентичности, происходит снижение актуализации проблемы межгрупповой дифференциации. А поиск возможностей и вариантов кооперации (общих целей, сотрудничества во имя какой-то идеи, дела) будет способствовать налаживанию конструктивного диалога и повышению уровня межгрупповой толерантности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Василевич Н. Социальный аспект религиозной идентичности // URL: <http://churchby.info/rus/59>.

² Белик А.А. Два подхода к проблеме этничности в психологической антропологии // URL: http://ethnopsy.com/index.php?option=com_content&task=view&id=86.

³ Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 8–47.

⁴ Скоробогатая А.А. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии. М.: ТЕИС, 2008. 190 с.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ URL: <http://www.bigyalta.com.ua/node/1974>.

⁷ Там же.

⁸ URL: <http://razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2008&cat=142>.

⁹ URL: <http://www.bigyalta.com.ua/story/30619>.

¹⁰ URL: <http://www.bigyalta.com.ua/story/26111>.

А.В. Мартыненко

ИСЛАМСКАЯ УММА МОРДОВИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В XV–XVI вв. ислам распространяется на территории Мордовского края, вернее, той его восточной части, которая находилась под военно-политическим контролем Казанского ханства. На протяжении XVII–XX вв. ислам в Мордовии переживал те же взлеты и падения, что и ислам общероссийский. Периоды стабильности сменялись тяжкими испытаниями, время развития местной исламской культуры чередовалось с десятилетиями упадка и застоя. Особенно показательным в этом отношении стал XX век – век крупных и социально-политических, и социокультурных потрясений в российском социуме.

Так, в советский период в результате насаждавшейся сверху политики государственного атеизма число мечетей на территории Мордовии резко сократилось. К середине 1980-х гг. единственным функционирующим культовым зданием мусульман Мордовии оставалась мечеть в селе Алтары Ромодановского района республики.

Что касается системы мусульманского образования, то начальные исламские школы мектебы в республике были ликвидированы советской властью еще в 1920-е – 1930-е гг.¹

О времени гонений на религию вспоминают представители старшего поколения жителей села Татарская Свербеевка в открытом письме, опубликованном в газете «Ислам в Мордовии»: «К сожалению, в годы репрессий мечети, медресе закрыли. Хафиз муллу расстреляли, Якуб Мулла без вести пропал, мулла Минхаеддин успел уехать из деревни, оставив семью...»².

Вытеснение ислама из культуры и быта татар Мордовии советская власть сочетала с масштабной атеистической кампанией. С другой стороны, из среды татар-мусульман Мордовии вышло немало видных представителей новой, нарождающейся советской интеллигенции. В их числе, например, Фахрель-Ислам Невмятуллович Агеев (1887 – 1937 гг.), уроженец деревни Тенишево Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне – Атюрьевский район РМ), первый профессиональный татарский детский писатель, ставший жертвой сталинских репрессий³.

После Великой Отечественной войны, на начало 1946 г. на территории Мордовской АССР сохранилось 73 здания бывших мечетей: 55 из

них было занято под культурно-просветительские учреждения; 2 – под жилые дома; 14 – под склады и производственные организации; 2 пустовало⁴.

В послевоенных татарских селах Мордовии группы мусульман периодически проводили пятничные коллективные молитвы (джума). Численность этих групп, по данным местных властей, составляла в разных селах от десяти до пятидесяти человек. Их нежелание регистрироваться официально имело простое объяснение. Зарегистрированная группа должна была иметь специальное здание для отправления религиозного культа – мечеть, за аренду которого надо было платить: «Да и бюрократическая волокита, – пишет современный исследователь А.И. Белкин, – необходимость ходить (причем неоднократно) по различным инстанциям отпугивала верующих. Поэтому, когда уполномоченный Совета по делам религиозных культов писал об отсутствии религиозного движения среди мусульман Мордовии, он плохо представлял себе подлинную картину религиозной жизни республики. Отправление религиозных обрядов в татарских селах практически никогда не прекращалось»⁵.

Советские власти в Мордовской АССР создавали искусственные препятствия в решении запросов верующих-мусульман об открытии мечетей.

До второй половины 1980-х гг. умма Мордовии фактически находилась на нелегальном положении. Верующие тайком собирались в частных домах или на квартирах для совершения намаза, проводили коллективные праздничные молитвы на пустырях или кладбищах. Одной из немногих семей имамов, которые пережили репрессии, стала семья Айзатуллиных в селе Белозерье. В советское время наибольшим авторитетом среди мусульман республики пользовался имам Абдулкарим Айзатуллин (отец нынешнего председателя Регионального духовного управления мусульман РМ, муфтия Заки-хазрата Айзатуллина).

В отличие от соседних регионов РСФСР, Мордовская АССР не была представлена даже в той подконтрольной советским властям системе мусульманского образования, которое имело место в 1960-е – первой половине 1980-х гг. (например, в медресе «Мир-и-Араб» в Бухаре, в Ташкентском исламском институте): «Община татар Мордовии не была ни многочисленной, ни авторитетной.

Число татар в вузах, на постах в партийном и хозяйственном руководстве республики строго лимитировалось, что не способствовало возникновению национальной элиты, способной экономически содержать направленных из Уфы имамов»⁶.

В целом, к началу «перестройки» исламское сообщество Мордовии переживало стадию кризиса и упадка, обусловленную репрессивной политикой советского государства предшествующих десятилетий.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. наметилась тенденция к возрождению, восстановлению позиций ислама как в России в целом, так и в Поволжском регионе, в частности. Как указывалось выше, в Мордовии основным носителем ислама суннитского толка является татарская община, которая насчитывает около 50 тысяч человек, т.е. около 6% населения республики.

В 1990-е – начале 2000-х гг. среди татар Мордовии усилилось движение за восстановление своих культурных традиций, за культурную самоидентификацию⁷. Данное движение неразрывно связано с исламом: татарская община республики придерживается, как, впрочем, абсолютное большинство российских мусульман, ортодоксального суннизма (ахль ас-сунна ва-ль-джама'а – люди Сунны и согласия) и ханифитского мазхаба (одной из четырех основных юридических школ суннитов)⁸.

В 2000 г. в Мордовии практически одновременно были образованы два муфтията – Духовное управление мусульман (ДУМ) РМ и Региональное духовное управление мусульман (РДУМ) РМ. Если ДУМ РМ ориентируется на Совет муфтиев России (СМР), возглавляемый муфтием Равилем Гайнутдином (Москва), то РДУМ РМ – на Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) России, возглавляемое муфтием Талгатом Таджутдином. В 2008 г. было создано Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) Республики Мордовия, которое с декабря 2010 г. вошло в состав новообразованной структуры – Российской ассоциации исламского согласия (РАИС), возглавляемой муфтием Ставропольского края Мухаммад-хаджи Рахимовым.

К сожалению, приходится констатировать, что разделение относительно небольшой уммы Мордовии на три муфтията носит характер соперничества и внутриконфессионального конфликта, отражая общую ситуацию в российском исламском сообществе начала XXI века.

Первое десятилетие XXI века в Республике Мордовия было отмечено заметной активизацией деятельности местной мусульманской общины.

В начале 2000-х гг. значительно усилились связи мусульман Мордовии с миром зарубежного ислама. Это особенно наглядно проявляется в организации хаджа – паломничества в Мекку, к аль-Ка'абе и другим важнейшим исламским

святыням. Если в конце 1990-х паломничество в Саудовскую Аравию могли совершить единицы правоверных республики, то в начале 2000-х гг. хадж стали совершать около сотни мусульман из Мордовии ежегодно.

Большое развитие получила благотворительная деятельность мусульман Мордовии. Например, ДУМ РМ и общественная организация «Исламский молодежный центр» ежегодно проводят гуманитарную акцию помощи детям-сиротам под названием «Сладкий Рамадан». Как известно, одним из богоугодных с точки зрения ислама деяний является помощь сиротам, детям, которые по тем или иным причинам остались без родителей. Руководство муфтията и активисты «Исламского молодежного центра» обратились с призывом к верующим о сборе детских вещей, игрушек, канцтоваров для воспитанников детских домов. Особенность данной акции состоит в том, что женщины-мусульманки из Саранска и отдельных татарских сел республики готовят для детей домашнюю выпечку национальной кухни, которая традиционно готовится в течение Рамадана. Все это передается воспитанникам детских домов.

Отметим, что благотворительная деятельность мусульман Республики Мордовия осуществляется в полном соответствии с нормами этой религии, объявившей помощь бедным (закят) одним из своих столпов. Так, современный исламский богослов Шейх Мухаммад аль-Газали подчеркивает этическую суть такой социально ориентированной деятельности: «Обязательное пожертвование (закят) не является обыкновенным налогом, взимаемым из карманов людей. Его цель заключается, прежде всего, в том, чтобы посеять семена сочувствия и милосердия, а также укрепить узы дружбы и отношения товарищества между различными слоями общества»⁹.

Получила развитие и информационная сеть мусульман Мордовии. В начале 2000-х гг. стали действовать периодические издания «Ислам в Мордовии», «Молитва Дога¹⁰», «Татарская газета», «Юлдаш (Спутник)».

Кроме того, все три муфтията Мордовии, указанные выше, располагают собственными сайтами.

Мусульмане Мордовии активно развивают просветительскую деятельность, в том числе в сфере религиозного образования детей. С 2003 года в районе села Белозерье действует летний духовно-просветительский лагерь «аль-Ансар» («Помощник»), работа которого причудливо сочетает мероприятия, ведущие традицию со времен пионерских лагерей («линейки», спортивные эстафеты, детские концерты, и т.п.) с мусульманской спецификой. Эта специфика прослеживается уже в названиях детских отрядов и спортивных команд – «Сестренки-мусульманки», «Мусульманские звездочки», «Звезда Ислама»;

кроме того, вожатые — юноши и девушки мусульманского вероисповедания — проводят с детьми занятия и воспитательные мероприятия по основам исламского вероучения.

С другой стороны, приходится констатировать, что до настоящего времени, в силу различных причин организационного характера, в Мордовии так и не открыто медресе — конфессиональное учебное заведение, хотя о его необходимости говорят представители всех трех муфтиятов республики.

Характеристика процессов, происходящих в умме Мордовии в конце XX — начале XXI столетия, будет неполной, если не затронуть весьма шекотливую и деликатную тему отдельных проявлений исламского экстремизма на территории РМ.

Здесь автор статьи сразу хотел бы разъяснить свою позицию. Экстремистские общины и группировки в исламе существовали на протяжении всей его истории: от хариджитов-азрацитов и фидаев-исмаилитов Средневековья до салафитов-ваххабитов Новейшего времени. Однако активизация исламистских течений в исламском мире на современном этапе неизбежно привела к созданию в общественном сознании во многих странах (и Россия не стала исключением) искаженного образа ислама как религии, якобы, «фанатичной», «нетерпимой к инаковерующим», и т.п. Такие представления ислама тем более несправедливы, что с осуждением проявлений экстремизма выступают многие авторитетные мусульманские богословы XX века. Например, египтянин Шейх Юсуф аль-Кардави утверждает:

«Ислам объявил человеческую жизнь священной, стоит на страже достоинства людей и установил, что покушение на жизнь человек — второй из величайших грехов перед Аллахом после отрицания Всевышнего»¹¹. Ему вторит богослов из Саудовской Аравии Мухаммад Али аль-Хашими: «В силу своей приверженности к справедливости истинный мусульманин никого не притесняет»¹².

Проблема реального наличия сторонников исламского экстремизма (ваххабизма, или салафийя) в Мордовии впервые обозначилась в середине 1990-х гг., когда салафитский эмиссар из Астраханской области Абузар (О. Марушкин) попытался создать общину-джамаат в селе Белозерье Ромодановского района республики. Деятельность Абузара и его сторонников была достаточно быстро локализована властями, силовыми структурами республики, а также старейшинами и большинством верующих села Белозерье.

Кроме того, в начале 2000-х гг. на территорию Мордовии неоднократно проникали проповедники и даже боевики отдельных салафитских группировок Поволжья, Северного Кавказа и Центральной Азии. Однако их деятельность носила локальный характер, быстро пресекалась правоохранительными органами и, главное, вызвала открытое осуждение большинства мусульманского населения Мордовии.

В целом, можно констатировать, что, несмотря на обозначенные выше деструктивные явления, в настоящее время мусульманская община (умма) Республики Мордовия обладает достаточно сильным потенциалом (организационным, культурным, экономическим), что обуславливает ее быстрое и интенсивное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белкин А.И. Исламские религиозные общины в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) // Духовное развитие региона: состояние и перспективы: сб. ст. Саранск, 2006. С. 121–129.

² Ислам в Мордовии. Периодическое издание. 2007. № 9(82). С. 2.

³ Ислам в Центрально-Европейской части России: энциклопедия / под ред. Д. З. Хайретдинова. М., 2009. С. 8–9.

⁴ Белкин А.И. Указ. соч. С. 121.

⁵ Там же.

⁶ Ислам в Центрально-Европейской части России... С. 198.

⁷ Салимов М.Ш. Тенденция развития мусульманской общины Мордовии в 90-х гг. XX в. // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России: сб. ст. Саранск, 2006. С. 322–325.

⁸ См., например: Абу Амина Биляль Филипс. Законы жизни мусульман. Эволюция Фикха. М., 2002. С. 124–132.

⁹ Шейх Мухаммад аль-Газали. Нравственность мусульманина. Киев, 2005. С. 13.

¹⁰ Араб. «дога» — «мольба».

¹¹ Шейх Юсуф аль-Кардави. Дозволенное и запретное в исламе. М., 2005. С. 301–302.

¹² Шейх Мухаммад Али аль-Хашими. Личность мусульманина. М., 2007. С. 235.

Р.Ю. Беляков

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕТИ EAWARN В ТАТАРСТАНЕ

Двадцать лет, особенно в наше время, огромный срок. В памяти встают примеры из отечественной истории. Ровно двадцать лет прошло от реформы 1861 года до взрыва бомб на Екатерининском канале. Всего два десятка лет отделяли трагедию 1941 года и полет Гагарина.

В одном случае революционеры в столице государства среди бела дня убили отца «великих реформ», что во многом предопределило крах династии и империи. В другом невозможно без восхищения говорить о масштабе подвига страны и народа, сумевшего в кратчайший исторический срок не только преодолеть разруху, но и первыми ворваться в космос.

Ныне идут ожесточенные споры об итогах первого постсоветского десятилетия. Для одних главный итог — полный минус, для других — сплошной позитив.

Ясно одно: Россия и мы, ее граждане, за эти годы изменились кардинально. Хотя результаты этих перемен весьма противоречивы.

Многие вопросы, которые были поставлены в российскую повестку дня в начале 90-х годов прошлого века, остаются актуальными и сегодня. Останется ли национальный вопрос «большим зубом» России? Возможен ли реальный федерализм в федерации? Способна ли федеральная региональная политика обеспечить стабильное социально-экономическое развитие субъектов федерации? Какова судьба этнической культуры, языков народов в период глобализации? Насколько глубок демографический кризис в России?

По сути дела, эти противоречия и стали объектом исследования Сети этнологической экспертизы и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Символично, что Сеть приступила к работе «горячей» осенью 1993 года, когда страна погрузилась в очередной и весьма опасный политический кризис. Впереди были Чечня, скандальные выборы 1996 года, дефолт, «поздний» Ельцин, раскол элиты на выборах 1999 года, путинская стабилизация, дело Ходорковского, эпоха «тангема», война с Грузией, мировой экономический кризис и политический кризис 2011–2012 годов. Эти знаковые события не могли не отразиться на итогах мониторинга, их оценки сохранились в статьях экспертов.

Как говорится, своя «дорожная карта» была за эти годы и у каждого региона. Немало интересных сюжетов имела новейшая история Татарстана.

Республика Татарстан встретила 1993 год с новой Конституцией, которая законодательно оформила итоги республиканского референдума, прошедшего в марте 1992 года. В республиканской Конституции Татарстан именовался «суверенным государством, субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения». Конституция 1992 года устанавливала верховенство республиканского законодательства, собственное гражданство, неприкосновенность территории, границы «с другими государствами», хозяйственную самостоятельность республики, ее право на международные отношения, обмен дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами. Россия упоминалась в этом документе два раза — в статьях о статусе республики и о гражданстве.

Самое интересное состояло в том, что на момент принятия новой Конституции РТ никакого договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения с Российской Федерацией не было. Переговоры по этому вопросу развивались в вялотекущей манере. К тому же под Федеративным договором, утвержденным весной 1993 года, подписи Татарстана также не было.

Для более глубокого понимания ситуации следует напомнить, что в татарских этнополитических кругах Россия в то время упоминалась не иначе, как соседнее государство. На улицах татарстанских городов было невозможно встретить российские гербы и флаги.

Люди моего поколения, наверное, помнят первую в истории Татарстана политическую голодовку Фаузии Байрамовой, ее же статью «Мэйдан татарларны кетэ» («Площадь ждет татар»), где клеймились не только шовинисты, федеральный центр, но и татарские национал-предатели — «манкурты».

Опасность, исходившая от национал-радикалов, не была мифом. Милли меджлис (национальный парламент) и милли назарият (национальное правительство) всерьез готовились создать национальную гвардию. Председа-

тель Татарского общественного центра Зиннур Аглиуллин, выступая на различных митингах, призывал расстрелять тогдашнего Президента Татарстана Минтимера Шаймиева, а затем телеграммой известил его о том, что он приговорен к смертной казни за предательство интересов татарского народа. После того, как у него было обнаружено оружие, Аглиуллин за незаконный оборот оружия и боеприпасов и призывы к насильственному свержению власти был осужден Верховным судом Татарстана к лишению свободы.

Сохранились в памяти отдельные показательные события, в которых пришлось принимать участие.

Лето 1993 года. Идет научно-практическая конференция по этноконфессиональным проблемам в Академии наук Татарстана. Основной докладчик академик Мирфатых Закиев говорит, что министерства образования и культуры Татарстана должны заниматься исключительно татарской школой, языком и традициями. У русских есть «свои» министерства в России.

Сентябрь 1993 года. Национальный культурный центр «Казань» (совсем недавно филиал Центрального музея В.И. Ленина). Участвую в заседании оргкомитета партии Татарстана «Единство и прогресс». Сопредседатель комитета Рафаиль Хакимов говорит об опыте партии младотурок, необходимости сотрудничества с политическими партиями Украины, Узбекистана, Казахстана. О России, российских партиях ни слова.

Примерно в это же время присутствую на встрече вице-президента Лихачева с православными активистами, где обсуждаются вопросы возвращения храмов. Василий Николаевич эмоционально и подробно обличает архиерея, «который ему в этом деле не помогает», живописует свое положение во власти как «русского человека» в чужеродной осаде. Я, совсем неопытный в политике, думаю, что я, верно, ослышался.

В 1993 году на территории республики оказались сорванными всероссийский референдум (апрель) и думские выборы (декабрь).

Сегодня кому-то может показаться, что все это какая-то ненаучная фантастика, будто это было не с нами. А все это реалии 90-х.

Провал выборов первой Думы в Татарстане показал, что затягивание с подписанием Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан только усугубляет политическую неопределенность.

Первый вариант Договора был подписан 15 февраля 1994 года. Обстановка стала разряжаться буквально на глазах. Уже в апреле в Казань во второй раз приехал Президент России Ельцин. Поездка резко контрастировала с его первым визитом, который казанцы запомнили тем, когда визитер в буквальном смысле слова сбежал от

лидеров Татарского обкома КПСС, решив «подемократически» прокатиться на трамвае.

В 1995 и в 1996 годах республика приняла участие в федеральных выборах. В первом случае Татарстан дал самый большой вклад в копилку черномырдинского «Нашего дома – России», а на президентских выборах состоялось первое татарстанское электоральное чудо, когда между двумя турами 350 тысяч сторонников кандидата в президенты Геннадия Зюганова «передумали». И с тех пор Республика Татарстан неизменно выполняет на выборах роль «резерва Ставки» очередной федеральной «партии власти».

Стремительно менялся и внутриреспубликанский политический ландшафт. В 1995 году на выборах в Государственный Совет РТ оппозиция, которая в предыдущем составе парламента была сильной и голосистой, потерпела сокрушительное поражение. В 1996 году на президентских выборах ее попытки составить конкуренцию Минтимеру Шаймиеву также окончились крахом – повторился сценарий 1991 года: в бюллетене был один кандидат.

Тем более громкой сенсацией стали события мая 1998 года, когда на сессии Госсовета открылся пресловутый «заговор глав». Соратники Президента РТ Халяф Низамов, Рафгат Алтынбаев, Искандер Галимов и другие фактически предприняли попытку превратить главу республики в церемониальную фигуру.

Следующий год подарил сенсацию не меньшую. Шаймиев объединился с Евгением Примаковым и Юрием Лужковым в блок «Отечество – вся Россия», который являлся прямым соперником блока «Медведь-Единство» Сергея Шойгу.

Как говорится, к сюрпризам быстро привыкают. Поэтому для наблюдателей уже не было такой неожиданностью, когда именно Президент Татарстана в начале 2000 года первым предложил в новой Думе объединить усилия двух бывших блоков-конкурентов.

Ныне многие подзабыли, как непросто складывались вначале отношения руководства республики с новым российским президентом. В свое время инициативы Путина о создании федеральных округов, приведении регионального законодательства в соответствие с федеральным, введении в регионах федеральных инспекций и др. вызвали в Казани глухое недовольство и даже публичную критику.

Федеральный центр осенью 2000 года фактически воспрепятствовал проведению досрочных выборов Президента Татарстана, которые некоторые рассматривали как способ ухода от выполнения некоторых неудобных требований Москвы.

Разногласия вокруг реформы татарского алфавита, введения латинского шрифта чуть не привели Татарстан в Страсбургский суд.

Тем не менее, заинтересованность в очередном историческом компромиссе, стремление к поли-

тической, экономической и духовной интеграции в конечном счете возобладали.

Не последнюю роль сыграла трезвая оценка последствий распада СССР. Стремительная социально-экономическая деградация большинства бывших союзных республик показала, что реально от их суверенизации выиграла чрезвычайно узкая прослойка элиты.

К тому же в Татарстане стали более объемно понимать возможные последствия как ползучего отчуждения от большого государства, так плюсы нахождения в его составе.

Помимо чисто экономических трудностей реализации такого варианта развития, на руководство республики все более активно влияла проблема социального самочувствия и будущего статуса трех четвертей российских татар, проживающих за пределами Татарстана.

В этих условиях официальная идеология в регионе интегрировала в себя тезисы об исламо-христианском симбиозе на Волге, о созидательной роли Золотой Орды в процессе становления Московской Руси, о евразийстве, евроисламе, многонациональном народе Татарстана и др.

С другой стороны, и в Москве окончательно сформировалось мнение о том, что Татарстан необходимо интегрировать в Россию постепенно, опираясь на разумные социально-экономические предпочтения.

Хронологически утверждение нынешней модели отношений между федеральным центром и Республикой Татарстан совпадает по времени с подготовкой и проведением 1000-летия Казани как общероссийского праздника.

Важными вехами на этом пути стали: подписание федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Татарстан 2001–2006 гг.», избрание М.Ш. Шаймиева сопредседателем Высшего совета партии «Единая Россия» (декабрь 2001 года), утверждение новой редакции Конституции Республики Татарстан в апреле 2002 года, наделение М.Ш. Шаймиева полномочиями высшего должностного лица РТ в четвертый раз (март 2005 года), утверждение нового Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан (июль 2007 года), назначение Президентом республики Рустама Минниханова (март 2010 года).

Некоторые специалисты вывели такую формулу современных отношений Москвы и Казани – политический суверенитет в обмен на ускорение социально-экономического развития и самостоятельность в духовно-культурной сфере.

Возможно, такая точка зрения имеет право на существование. Хотя важнее другое. Татарстан за постсоветские годы сумел в основном преодолеть

комплекс советского провинциализма. Сегодня республика не второразрядная автономия. Своим студентам я часто говорю: для современной России Татарстан является тем, чем для Советского Союза была Украина.

Когда мы говорим, что Казань – спортивная столица страны, перечисляем другие достижения республики, речь идет не только о возросших амбициях, а прежде всего, о напряженном труде многих и многих татарстанцев.

Конечно, нынешний день устраивает далеко не всех и не во всем. Ряд региональных оппозиционных структур (Общество русской культуры под руководством профессора А.Л. Салагаева, часть актива отделения партии «Российский общенародный союз»), информационное агентство «REGNUM», Поволжский филиал Российского института стратегических исследований упорно говорят о сохранении влияния сепаратизма, национализма, ущемлении прав русских.

ВТОЦ, Союз татарской молодежи «Азатлык», напротив, уверены, что власть полностью «легла» под федеральный центр, является колониальным аппаратом, сдает интересы татар. В газете «Звезда Поволжья» регулярно публикуются статьи о социально-экономических предпосылках полной государственной самостоятельности Татарстана.

События 19 июля и 21 октября 2012 года показали, что существует фактор политического ислама салафитского типа, активисты которого готовы взяться за самые крайние формы борьбы.

Как и в целом в России, в нашей республике увеличилось число протестных акций, которых в регионе в 2012 году прошло около пятисот.

Однако сохранение политической стабильности в Татарстане говорит, что большинство имеет мнение, отличное от перечисленных структур и участников оппозиционных митингов и пикетов.

Вот в таких социально-политических условиях и развивалась деятельность татарстанского офиса EAWARN. Хотя слово офис применительно к Сети в Татарстане имеет более чем условное значение. По сути дела, речь идет о работе конкретных людей, которые за минимальное вознаграждение, а в последнее время практически без такового, старались в своих публикациях и экспертных оценках дать широкую палитру этнокультурной жизни республики. Конечно, эти статьи были неравнозначны по своему содержанию. Хотя даже простая хроника важнейших общественных событий, написанная рукой независимого эксперта, всегда имела свою ценность. А по мере роста значения республики во внутрироссийских делах росло и значение этой работы.

За прошедшие два десятилетия экспертами Сети в Казани работали четыре человека. Существенные отличия их взглядов на общество, особенности жизненного пути, профессиональный статус также отражают те разительные социальные

перемены, которые происходили и продолжают как в Татарстане, так и в стране в целом.

Первым региональным экспертом Сети стал Рашит Ракипович Ахметов¹.

В регионах немного людей, которых можно назвать профессиональными политиками. Это полностью распространяется на Татарстан. В свое время Минтимер Шаймиев вообще сказал, что в республике политиков всего два — он сам и спикер Госсовета Фарид Мухаметшин.

Тем не менее, за двадцать постсоветских лет сложилась небольшая прослойка людей, которые долгие годы принимают самое активное участие в политике. Некоторые остроловы даже называют их «заслуженными работниками партийного строительства».

И вот один из них — Рашит Ахметов. В Сети его участие было вызвано многими причинами. Во-первых, Ахметов в начале 90-х годов прошлого века был одним из лидеров «федералистов». Так в республике именовались общественные деятели, которые активно ратовали за сохранение и укрепление отношений Татарстана с Россией. Во-вторых, он прямо и смело выказывал свои взгляды публично, что тогда было скорее исключением из правил. В-третьих, Рашит Ракипович всегда отличался широтой взглядов и терпимостью к чужому мнению.

В то же время, будучи политиком до мозга костей, он не мог и не захотел надолго связывать свою судьбу с EAWARN. Да и для Сети было более комфортно иметь в качестве своего представителя в Татарстане политически более нейтральную фигуру.

С середины 90-х новым экспертом Сети стал Рафик Файзиевич Абдрахманов².

Серьезный ученый, человек, который всегда подчеркнуто дистанцировался от практической политики, Абдрахманов стал во многом противоположностью своего предшественника.

Одновременно, будучи сотрудником Института истории имени Шигабутдина Марджани татарстанской Академии наук, он не мог не участвовать в реализации «задания» первого Президента республики — превратить институт в важнейший идеологический центр. Более того, Абдрахманов всегда был достаточно близок директору института Рафаилу Хакимову, который на протяжении почти восемнадцати лет был главным политическим советником Минтимера Шаймиева.

Таким образом, новый корреспондент персонализировал новый этап деятельности EAWARN в Татарстане, который был связан с «наведением мостов» с региональной властью.

В определенной степени это была попытка и личного компромисса, так как между главой Сети и Р. Хакимовым всегда существовали публичные разногласия.

Рафик Абдрахманов оставался единственным корреспондентом Сети до 2002 года.

Однако затем ситуация изменилась. Как известно, у руководства EAWARN в свое время сформировался подход, согласно которому в национальных республиках желательно иметь не одного, а двух экспертов. Осторожный поиск в этом направлении велся и по Татарстану.

С другой стороны, существовала практика приглашения в Сеть чиновников государственного аппарата регионального уровня.

Благодаря этим обстоятельствам на работу в Сеть в конечном счете был приглашен я.

Правда своеобразное «двоевластие» или «тандем» двух экспертов продолжался недолго. Коллега Абдрахманов предпочел полностью сконцентрироваться на деятельности в качестве исполнительного директора Казанского института федерализма.

Итоги десяти лет работы в Сети лично я оцениваю достаточно скромно. С одной стороны, мой статус государственного служащего обеспечивает доступ к официальным источникам информации, позволяет эффективно решать практические вопросы, которые ставит передо мной центральный офис EAWARN.

Тот факт, что за всю мою карьеру только один 1997–1998 учебный год я не вступал на университетскую кафедру, дает мне право надеяться, что связь с вузовской наукой, со студентами, моими учениками удалось сохранить.

С другой стороны, как шутят мои сослуживцы, работаем мы все больше, а платят все меньше. Времени на системную работу в Сети действительно не всегда хватает. Иногда ужасно хочется отложить все и положить на бумагу свои мысли, тревоги, прогнозы. Даст Бог, когда-нибудь получится.

Полагаю, что любому чиновнику гораздо сложнее критически оценивать работу властей, чем людям, не связанным с администрацией. Хотя лично я в своих оценках всегда старался быть максимально объективным.

Важно отметить, что мои руководители всегда спокойно относились к моей работе в EAWARN. Налаживание конструктивных отношений с Институтом этнологии и антропологии РАН имени Н.Н.Миклухо-Маклая стало одним из моих поручений по службе. Более того, с приходом на пост Президента республики Р.Н.Минниханова Татарстан стал одним из источников финансовой поддержки Поволжского отделения Сети.

Вот уже полтора года у EAWARN в Татарстане снова два эксперта. Лилия Варисовна Сагитова³, специалист по этносоциологии, современному исламу, на двух последних ежегодных семинарах обратила на себя внимание актуальными и содержательными докладами.

Мне кажется, что в этом тоже есть своя символика. В России вновь с определенным беспокойством следят за развитием этноконфессиональной ситуации в Татарстане. Поэтому и

нужно большее разнообразие экспертных оценок, новая компетентность экспертов.

К сожалению, в последнее время все чаще приходится сталкиваться с ситуацией, когда в роли экспертов выступают люди малосведущие, конъюнктурные, путающие жанры. Склонность к сенсационности приводит к скандалам, сеет слухи, формирует новые мифы. Хватает и откровенных лжеученых-мошенников, которые дискредитируют настоящую науку.

Серьезные ученые, журналисты, политики даже настаивают на противопоставлении таких «экспертов» и нормальных специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Р.Р. Ахметов родился в 1954 году в Арзамасе-16. Окончил Казанский авиационный институт. Работал научным сотрудником вузов Казани. Был одним из инициаторов и руководителей Народного фронта Татарстана. С 1990 года – председатель регионального отделения Демократической партии России. Депутат Казанского горсовета (1990–1995). Неоднократно принимал участие в федеральных и региональных избирательных кампаниях в качестве кандидата в депутаты и доверенного лица. С 1999 года является учредителем и главным редактором газеты «Звезда Поволжья». Лауреат премии Союза журналистов Татарстана.

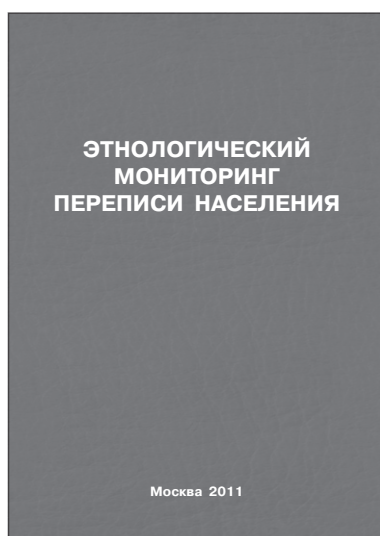
На этом фоне работа экспертов EAWARN в Татарстане всегда строилась на принципах объективности, ответственности и научности. И только у такого подхода есть право на будущее.

Подводя общий итог, следует отметить, что EAWARN в Татарстане все эти годы вносит свой вклад в развитие региональных исследований по этнополитологии и этносоциологии, является одним из звеньев, связывающих татарстанских ученых-гуманитариев с коллегами из соседних субъектов федерации и общероссийских центров «большой» науки.

² Р.Ф. Абдрахманов родился в 1951 году в Казани. Окончил МГУ им. Ломоносова. Кандидат философских наук. Старший научный сотрудник Института истории Академии наук Республики Татарстан имени Ш. Марджани. Исполнительный директор Казанского института федерализма, ныне Казанского центра федерализма и публичной политики.

³ Л.В. Сагитова окончила Казанский государственный институт культуры. Кандидат исторических наук. Доцент. Старший научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани Академии наук РТ. С 2004 года является директором АНО «Институт социальных исследований и гражданских инициатив».

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Под ред. **В.В. Степанова**

М.: ИЭА РАН, 2011. – 552 с.

Изучена общественно-политическая и этнокультурная ситуация в период Всероссийской переписи населения 2010 года, сделаны важные выводы о динамике населения в полиэтнических регионах, представлен сравнительный опыт переписей иных государств. Книга содержит анализ технологии переписи и предложения по улучшению организации и корректировке ее программы. Особое внимание уделено методам учета этнического и языкового состава населения.

Этой книгой авторы отмечают 70-летие академика В.А. Тишкова, внесшего большой вклад в науку и дело развития переписи в России.

**II Всероссийская научно-практическая конференция
«ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
В УРАЛО-ПОВОЛЖСКОМ ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

Оренбург, 14 декабря 2012 г.

В президиуме конференции

Выступление вице-губернатора –
руководителя аппарата Губернатора
и Правительства Оренбургской
области Д.В. Кулагина

Студенты ОГПУ – участники пленарного заседания

Доклад руководителя
Приволжского центра
региональных и этнорели-
гиозных исследований РИСИ
Р.Р. Сулейманова, г. Казань

Выступление на секции

Участники заседания конференции

EAWARN

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов

20 лет